ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. А. НЕКРАСОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТРИДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

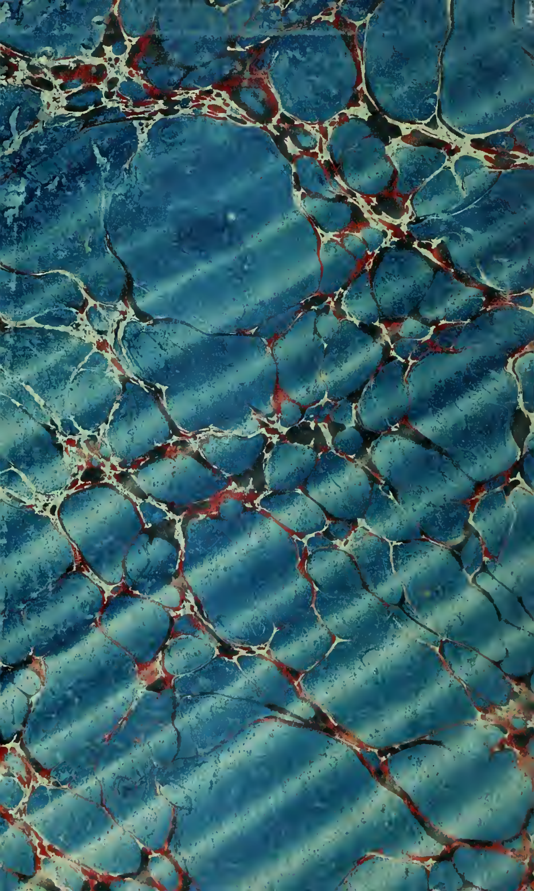
1873—1877

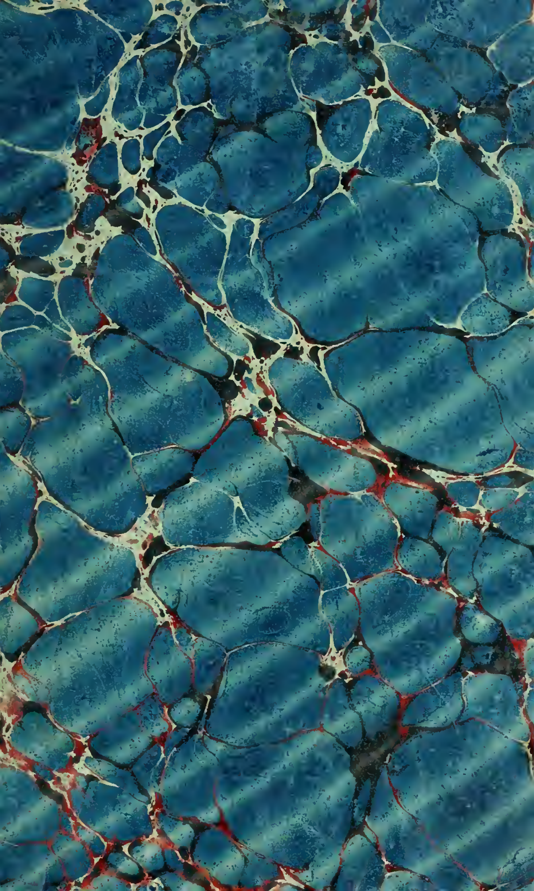

ПЕТРОГРАДЪ

 Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“, Эртелевъ, 13

1917

Сестры Серафимы

Н. А. Некрасовъ

1917г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Н. А. НЕКРАСОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТРИНАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

1873—1877

И выстраданный стихъ, пронзительно унылый
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой...
А. Пушкинъ.

Примиритесь же съ Музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...
Н. Некрасовъ.

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13
1917

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ПРОЛОГЪ.

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Семь временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ, —
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю...

Мужикъ, что̀ быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоитъ!
Такой ли споръ затѣяли.
Что думаютъ прохожіе —
Знать, кладъ нашли ребятушки
И дѣлятъ межъ собой...
По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шелъ въ село Иваньково
Позвать отца Прокофія —
Ребенка окрестить.
Пахомъ соты медовые
Несъ на базаръ въ Великое;
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздочкомъ
Ловить коня упрямаго
Въ свое же стадо шли.

Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идутъ! —
Идутъ, какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что̀ далѣ — то скорѣй.
Идутъ — перекоряются,
Кричатъ — не образумятся;
А времячко не ждетъ.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ.
Навѣрно бъ ночку цѣлую
Такъ шли, куда — не вѣдая,
Когда бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы, на ночь глядючи,
Надумали идти?..»

Спросила, засмѣялася,
Хлестнула, вѣдьма, мерина
И укатила вскачь...

Куда?.. Переглянулися
Тутъ наши мужики;
Стоятъ, молчатъ, потупилися...
Ужъ ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ;
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни черныя
Дорогу перерѣзали

Ретивымъ ходокамъ.
Ой, тѣни! тѣни черныя!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Васъ только, тѣни черныя,
Нельзя поймать — обнять!

На лѣсъ, на путь-дороженьку
Глядѣлъ, молчалъ Пахомъ,
Глядѣлъ — умомъ раскидывалъ
И молвилъ наконецъ:

— «Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутилъ!
Никакъ вѣдь мы безъ малаго
Верстъ тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдемъ,
Присядемъ, — дѣлать нечего,
До солнца отдохнемъ!..»

Свалпвъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ, при дороженькѣ,
Усѣлись мужики.
Зажгли костеръ, сложилися,
За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка.
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужички!
Косушки по три выпили,

Поѣли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,
Лука кричитъ: попу;
Купчинѣ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему.
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣпятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди — ужъ и вцѣпилися!..
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго —
И всякъ свое кричитъ!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Какъ будто подзадоривать
Упрямыхъ мужиковъ.
Царю! направо слышится,

Налѣво отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лѣсъ переполошился,
Съ летающими птицами,
Звѣрями быстроногими
И гадами ползущими,
И стонъ, и ревъ, и гулъ!

Всѣхъ прежде зайка сѣренькій
Изъ кустика сосѣдняго
Вдругъ выскочилъ, какъ встрепанный,
И на-утекъ пошелъ!
За нимъ галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, рѣзкій пискъ.
А тутъ еще у пѣночки
Съ испугу птенчикъ крохотный
Изъ гнѣздышка упалъ;
Щебечетъ, плачетъ пѣночка,
Гдѣ птенчикъ?—не найдетъ!
Потомъ кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Разъ десять принималася,
Да всякій разъ сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлѣбъ,
Подавишься ты колосомъ—
Не будешь куковать! *)

*) Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ—«подавившись колосомъ», говоритъ народъ.

Слетѣлися семь филиновъ,
Любуются побоищемъ
Съ семи большихъ деревъ:
Хохочутъ полуночники!
А ихъ глазищи желтые
Горятъ, что воску яраго
Четырнадцать свѣчей!
И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ, сидитъ на деревѣ
У самаго костра,
Сидитъ, да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго-нибудь!
Корова съ колокольчикомъ,
Что̀ съ вечера отбилася
Отъ стада, чуть послышала
Людскіе голоса —
Пришла къ костру, уставила
Глаза на мужиковъ,
Шальныхъ рѣчей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычитъ корова глупая,
Пищатъ галчата малые,
Кричатъ ребята буйные,
А эхо вторитъ всѣмъ.
Ему одна заботушка:
Честныхъ людей поддразнивать,
Пугать ребятъ и бабъ!
Никто его не видывалъ,
А слышать — всякій слыхивалъ,

Безъ тѣла, — а живетъ оно,
Безъ языка — кричитъ!

Сова, — замоскворѣцкая
Княгиня, — тутъ же мечется:
Летаетъ надъ крестьянами
Шарахаясь то ȯ землю,
То о кусты крыломъ...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась къ мужикамъ,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И чортъ ихъ не пойметъ!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чемъ они шумятъ...

Намявъ бока порядочно
Другъ другу, образумились
Крестьяне наконецъ;
Изъ лужицы напилися,
Умылись, освѣжилися;
Сонъ началъ ихъ кренить...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобралася.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ
И молвилъ: «Пташка малая,

А ноготокъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатишься,
Чихну — въ огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все жъ ты, пташка малая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнутъ скоро крылышки —
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой, ты, пичуга малая!
Отдай свои намъ крылышки —
Все царство облетимъ.
Поспросимъ, поразвѣдаемъ,
Посмотримъ, — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
— «Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь-матушку
Ногами перемѣряли!»
Сказалъ угрюмый Провъ.

— «Да по ведру бы водочки»,
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— «Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку»,
Шутили мужики.

— «А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску».

— А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра;
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчьимъ голосомъ
Пахому говоритъ:

— «Пусти на волю птенчика:
За птенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой».

— А что̀ ты дашь?
— «Дамъ хлѣбушка
По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку,
Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!»

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины,
Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— «Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти».
— Скажи!

— «Идите по лѣсу
Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку;
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны:
Подъ этими подъ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
Въ ней скатерть самобранная, —
Когда ни пожелаете,
Накормитъ, напоитъ!
Тихонько только молвите:
Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!
По вашему хотѣнію,
По моему велѣнію,
Все явится тотчасъ.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бѣдные,
Идемъ въ дорогу дальную,
Отвѣтилъ ей Пахомъ:
Ты, вижу, птица мудрая:
Уважь — одёжу старую
На насъ заворожи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
Носились, не сносилися!
Потребовалъ Романъ.

— Чтобъ липовые лапотки
Служили, не разбилися,
Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная,
Въ рубахахъ не плодилася,
Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
Потребовали Губины.

А птичка имъ въ отвѣтъ:
— «Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вамъ будетъ... Ну, пусти!..»

Раскрывъ ладонь широкую,
Пахомъ птенца пустилъ.
Пустилъ — и птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Направился къ дуплу.
За нимъ взвилася пѣночка
И на-лету прибавила:

— «Смотрите, чуръ одно!
Съѣстного сколько вынесетъ
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
Въ день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И разъ и два исполнится
По вашему желанію,
А въ третій — быть бѣдѣ!»

И улетѣла пѣночка
Съ своимъ родимымъ птенчикомъ,
А мужики гуськомъ
Къ дорогѣ потянулися
Искать столба тридцатаго.
Нашли! — Молчкомъ идутъ
Прямехонько, вѣрнехонько
По лѣсу по дремучему,
Считаютъ каждый шагъ.
И какъ версту отмѣряли,
Увидѣли поляночку —
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопалися.
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли — и разомъ вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять.

— А что̀ же нѣтъ огурчиковъ?

— Что̀ нѣтъ чайку горячаго?

— Что̀ нѣтъ кваску холоднаго?
Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
У скатерти усѣлися.
Пошелъ тутъ пиръ горой!
На радости цѣлуются,
Другъ дружкѣ обѣщаются
Впередъ не драться зря,
А съ толкомъ дѣло спорное
По разуму, по-божески,
По чести повести —
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда дѣлу спорному
Рѣшенья не найдутъ,
Покуда не довѣдаютъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарокъ такой поставивши,
Подъ утро, какъ убитые,
Заснули мужики...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

ПОПЪ.

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонамъ дороженьки
Идутъ холмы пологіе,
Съ полями, съ сѣнокосами,
А чаще съ неудобною,
Заброшенной землей;
Стоятъ деревни старыя,
Стоятъ деревни новыя,
У рѣчекъ, у прудовъ...
Лѣса, луга поёмные,
Ручьи и рѣки русскіе
Весною хороши.
Но вы, поля весенніяǃ
На ваши всходы бѣдные
Невесело глядѣтьǃ
«Недаромъ зиму долгую
(Толкуютъ наши странники)
Снѣгъ каждый день валилъ:
Пришла весна — сказался снѣгъ!
Онъ смиренъ до поры:
Летитъ — молчитъ, лежитъ — молчитъ,
Когда умретъ, тогда реветъ.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсѣмъ затоплены,
Навозъ возить — дороги нѣтъ,

А время ужъ не раннее —
Подходитъ мѣсяцъ май!»
Не любо и на старыя,
Больнѣй того на новыя
Деревни имъ глядѣть.
Ой, избы, избы новыя!
Нарядны вы, да строитъ васъ
Не лишняя копѣечка,
А кровная бѣда!..

Съ утра встрѣчались странникамъ
Все больше люди малые:
Свой братъ крестьянинъ-лапотникъ,
Мастеровые, нищіе,
Солдаты, ямщики.
У нищихъ, у солдатиковъ
Не спрашивали странники,
Какъ имъ — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шиломъ бреются,
Солдаты дымомъ грѣются,
Какое счастье тутъ?..

Ужъ день клонился къ вечеру,
Идутъ путемъ-дорогою,
Навстрѣчу ѣдетъ попъ.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися;
Повыстроились въ рядъ
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священникъ поднялъ голову,
Глядѣлъ, глазами спрашивалъ:
Чего они хотятъ?

— Небось! мы не грабители!
Сказалъ попу Лука.
(Лука — мужикъ присадистый,
Съ широкой бородищею,
Упрямъ, рѣчистъ и глупъ.
Лука похожъ на мельницу:
Однимъ не птица мельница,
Что, какъ ни машетъ крыльями,
Небось, не полетитъ).

— Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости
Окольныхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ.
Идемъ по дѣлу важному:
У насъ забота есть, —
Такая ли заботушка,
Что̀ изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово вѣрное
На нашу рѣчь мужицкую
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По совѣсти, по разуму,
По правдѣ отвѣчать;
Не то съ своей заботушкой
Къ другому мы пойдемъ...

— «Даю вамъ слово вѣрное:
Коли вы дѣло спросите,
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать.
Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!
Идя путемъ-дорогою,
Сошлись мы невзначай;
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
А я сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю...
Мужикъ, что̀ быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: какъ ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися — одумали:
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,

Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи жъ ты намъ по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты какъ — вольготно, счастливо
Живешь, честной отецъ?..

Потупился, задумался,
Въ телѣжкѣ сидя, попъ,
И молвилъ: «Православные!
Роптать на Бога грѣхъ, —
Несу мой крестъ съ терпѣніемъ,
Живу... а какъ? Послушайте!
Скажу вамъ правду-истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смекайте!»
— Начинай!
«Въ чемъ счастіе по-вашему?
Покой, богатство, честь, —
Не такъ ли, други милые?»

Они сказали: «Такъ»...

«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти съ рожденья самаго,

Какъ достается грамота
Поповскому сынку,
Какой цѣной поповичемъ
Священство покупается,
Да лучше помолчимъ!
. . . .
. . . .

«Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій, умирающій,
Рождающійся въ міръ
Не избираютъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ!
Идешь безотговорочно,
И пусть бы только косточки
Ломалися однѣ, —
Нѣтъ! всякій разъ намается,
Переболитъ душа.
Но, вѣрьте, православные,
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца, выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте
Каковъ попу покой?

Крестьяне мало думали;
Давъ отдохнуть священнику,
Они съ поклономъ молвили:
— Что̀ скажешь намъ еще?
«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *почетъ?*
Задача щекотливая,
Не прогнѣвить бы васъ?..

«Скажите, право̀славные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!»
Крестьяне позамялися,
Молчатъ — и попъ молчитъ!..

«Съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся,
Идя путемъ-дорогою?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!»

Крехтятъ, переминаются,
Молчатъ!
«О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя,
И пѣсни непристойныя,
И всякую хулу?..

«Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную
Семинариста всякаго —
Какъ чествуете вы?
Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчатъ — и попъ молчитъ..
Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да на небо глядѣлъ.
Весной, что внуки малые,
Съ румянымъ солнцемъ-дѣдушкой
Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнѣла и заплакала!
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли,
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ
Веселыхъ облачковъ
Смѣется солнце красное,
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась,
Попъ шляпой накрывается, —
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна, —
Тамъ дождь перестаетъ;
Не дождь, тамъ чудо Божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшаны мотки...

«Не сами... по родителямъ
Мы такъ-то»... братья Губины
Сказали наконецъ.

И прочіе поддакнули:
«Не сами, по родителямъ!»
А попъ сказалъ: «Аминь!
Простите, православные!
Не въ осужденье ближняго,
А по желанью вашему
Я правду вамъ сказалъ.
Таковъ почетъ священнику
Въ крестьянствѣ. А помѣщики...
— Ты мимо ихъ, помѣщиковъ!
Извѣстны намъ они!

«Теперь посмотримъ, братія,
Откудова *богачество*
Поповское идетъ?
Во время недалекое
Имперія россійская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна,
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужъ нѣтъ!
Плодилися и множились
И намъ давали жить.
Что̀ свадебъ тамъ игралося,
Что̀ дѣтокъ нарождалося
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа;
Прихода не чуждалися:
У насъ они вѣнчалися,
У насъ крестили дѣтушекъ,

Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалося,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное
Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умретъ нечаянно,
И тутъ накажетъ накрѣпко
Въ приходѣ схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колесницѣ траурной,
Въ шесть лошадей, наслѣдники
Покойника везутъ —
Попу поправка добрая,
Мірянамъ праздникъ праздникомъ...
А нынѣ ужъ не то!
Какъ племя іудейское,
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужъ не до гордости
Лежать въ родномъ владѣніи
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами;
Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеныя косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?..

«Потомъ статья... роскольники?..
Не грѣшенъ, не живился я
Съ раскольниковъ ничѣмъ, —

По счастью, нужды не было:
Въ моемъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники,
Такъ тутъ какъ быть попу?

«Все въ мірѣ перемѣнчиво,
Прейдетъ и самый міръ...
Законы, прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчилися,
А съ ними и поповскому
Доходу матъ пришелъ.
Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя, —
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ,
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки,
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о Святой.
Крестьянинъ самъ нуждается
И радъ бы далъ, да нѐчего...

«А то, еще не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.
Угоды наши скудныя —
Пески, болота, мхи,
Скотина ходитъ впроголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ:
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ некуда!
Припретъ нужда, продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай!
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая
И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стоитъ дождливая,
Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ — вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! *)
(Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожъ).

«Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,

*) Крутая радуга—къ вёдру; пологая—къ дождю.

Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя:
Господь, прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копѣйками
Живиться тяжело!
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій, —
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся,
По мѣрѣ силъ, стараешься
Духъ бодръ! А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Какъ звякнуть въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое —
За требу воздаяніе;
Не брать — такъ нечѣмъ жить;
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно какъ обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончилъ рѣчь — и мерина
Хлестнулъ легонько попъ.
Крестьяне разступилися,
Низенько поклонилися.
Конь медленно побрелъ.

А шестеро товарищей,
Какъ будто сговорилися,
Накинулись съ упреками,
Съ отборной, крупной руганью
На бѣднаго Луку.

— Что̀ взялъ! башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лѣзетъ въ споръ!
«Дворяне колокольные —
Попы живутъ по-княжески.
Идутъ подъ небо самое
Поповы терема,
Гудитъ попова вотчина —
Колокола горластые —
На цѣлый Божій міръ...
Три года я, робятушки,
Жилъ у попа въ работникахъ:
Малина — не житье!
Попова каша съ маслицомъ,
Поповъ пирогъ — съ начинкою,
Поповы щи — съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудетъ!» —
— Ну, вотъ тебѣ хваленое
Поповское житье!..
Чего оралъ — куражился!
На драку лѣзъ, анаѳема?
Не тѣмъ ли думалъ взять,
Что борода лопатою?

Такъ съ бородой козелъ
Гулялъ по свѣту ранѣе,
Чѣмъ праотецъ Адамъ,
А дуракомъ считается
И по сей часъ козелъ!..

Лука стоялъ, помалчивалъ,
Боялся, не наклали бы
Товарищи въ бока.
Оно бы такъ и сталося,
Да, къ счастію крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугрѣ...

ГЛАВА II.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА.

Недаромъ наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тутъ — хоть волкомъ вой!
Не грѣетъ землю солнышко,
И облака дождливыя,
Какъ дойныя коровушки
Идутъ по небесамъ.
Согнало снѣгъ, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одѣвается
Зеленымъ яркимъ бархатомъ

И, какъ мертвецъ безъ савана,
Лежитъ подъ небомъ пасмурнымъ
Печальна и нага.
Жаль бѣднаго крестьянина,
А пуще жаль скотинушку:
Скормивъ запасы скудные,
Хозяинъ хворостинкою
Погналъ ее въ луга.
А что тамъ взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешняго
Погода поуставилась,
Зеленой свѣжей травушкой
Полакомился скотъ.

День жаркій. Подъ березками
Крестьяне пробираются,
Гуторятъ межъ собой:
«Идемъ одной деревнею,
Идемъ другой, — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропалъ народъ?..»
Идутъ селомъ — на улицѣ
Одни ребята малые,
Въ домахъ — старухи старыя,
А то и вовсе заперты
Калитки на замокъ.
Замокъ — собачка вѣрная:
Не лаетъ, не кусается,
А не пускаетъ въ домъ!

Прошли село, увидѣли
Въ зеленой рамѣ зеркало:

Съ краями полный прудъ.
Надъ прудомъ рѣютъ ласточки;
Какіе-то комарики,
Проворные и тощіе,
Въ припрыжку, словно по̀-суху,
Гуляютъ по водѣ.
По берегамъ, въ ракитникѣ,
Коростели скрипятъ.
На длинномъ шаткомъ плотикѣ
Съ валькомъ поповна толстая
Стоитъ, какъ стогъ подщипанный,
Подтыкавши подолъ.
На этомъ же на плотикѣ
Спитъ уточка съ утятами...
Чу! лошадиный храпъ!
Крестьяне разомъ глянули
И надъ водой увидѣли
Двѣ головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
Съ серьгой (мигало солнышко
На бѣлой той серьгѣ),
Другую — лошадиную
Съ веревкой саженъ въ пять.
Мужикъ беретъ веревку въ ротъ,
Мужикъ плыветъ — и конь плыветъ,
Мужикъ заржалъ — и конь заржалъ.
Плывутъ, орутъ! Подъ бабою,
Подъ малыми утятами
Плотъ ходитъ ходенемъ.

Догналъ коня — за холку хвать!
Вскочилъ и на лугъ выѣхалъ
Дѣтина: тѣло бѣлое,

А шея — какъ смола;
Вода ручьями катится
Съ коня и съ сѣдока.
— А что у насъ въ селеніи
Ни стараго, ни малаго,
Какъ вымеръ весь народъ?
«Ушли въ село Кузминское:
Сегодня тамъ и ярмонка,
И праздникъ храмовой».
— А далеко Кузминское?

«Да будетъ версты три».

— Пойдемъ въ село Кузминское,
Посмотримъ праздникъ-ярмонку!
Рѣшили мужики;
А про себя подумали:
«Не тамъ ли онъ скрывается,
Кто счастливо живетъ?»

Кузминское — богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село,
По косогору тянется,
Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку —
Какъ грязи тутъ не быть?
Двѣ церкви въ немъ старинныя:
Одна — старообрядская,
Другая — православная,
Домъ съ надписью: «Училище» —
Пустой, забитый на-глухо,

Изба въ одно окошечко,
Съ изображеньемъ фельдшера,
Пускающаго кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывѣской
(Съ большимъ носатымъ чайникомъ
Подносъ въ рукахъ подносчика,
И маленькими чашками,
Какъ гусыня гусятами,
Тотъ чайникъ окруженъ),
Есть лавки постоянныя,
Въ подобіе уѣзднаго
Гостинаго двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякаго,
И видимо-невидимо
Народу. Не потѣха ли?
Кажись, нѣтъ ходу крестнаго,
А, словно предъ иконами,
Безъ шапокъ мужики.
Такая ужъ сторонушка!
Гляди, куда дѣваются
Крестьянскіе шлыки:
Помимо складу виннаго,
Харчевни, рестораціи,
Десятка штофныхъ лавочекъ,
Трехъ постоялыхъ двориковъ,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаковъ,
Одиннадцать кабатчиковъ
Для праздника поставили
Палатки на селѣ.

При каждой пять подносчиковъ;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все имъ не поспѣть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что̀ протянулося
Крестьянскихъ рукъ, со шляпами,
Съ платками, съ рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А тамъ добудутъ шапочки,
Какъ отойдетъ базаръ.

По пьянымъ по головушкамъ
Играетъ солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругомъ!
Штаны на парняхъ плисовы,
Жилетки полосатыя,
Рубахи всѣхъ цвѣтовъ;
На бабахъ платья красныя;
У дѣвокъ косы съ лентами,
Лебедками плывутъ!
А есть еще затѣйницы,
Одѣты по столичному —
И ширится, и дуется
Подолъ на обручахъ!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вамъ снасти рыболовныя
Подъ юбками носить!
На бабъ нарядныхъ глядючи,

Старообрядка злющая
Товаркѣ говоритъ:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоитъ до Петрова!
Съ тѣхъ поръ, какъ бабы начали
Рядиться въ ситцы красные, —
Лѣса не подымаются,
А хлѣба — хоть не сѣй!»

— Да чѣмъ же ситцы красные
Тутъ провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы тѣ французскіе —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, гдѣ навалены
Косули, грабли, бòроны,
Багры, станки телѣжные,
Ободья, топоры.
Тамъ шла торговля бойкая,
Съ божбою, прибаутками,
Съ здоровымъ, громкимъ хохотомъ, —
И какъ не хохотать?
Мужикъ какой-то крохотный
Ходилъ, ободья пробовалъ:
Погнулъ одинъ — не нравится,
Погнулъ другой, потужился,
А ободъ какъ распрямится —
Щолкъ по лбу мужика!

Мужикъ реветъ надъ ободомъ,
«Вязовою дубиною»
Ругаетъ драчуна.
Другой пріѣхалъ съ разною
Подѣлкой деревянною —
И вывалилъ весь возъ!
Пьяненекъ! Ось сломалася,
А сталъ ее удѣлывать —
Топоръ сломалъ! Раздумался
Мужикъ надъ топоромъ,
Бранитъ его, коритъ его,
Какъ будто дѣло дѣлаетъ:
«Подлецъ ты, не топоръ!
Пустую службу, плёвую
И ту не сослужилъ.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласковъ не бывалъ!»

Пошли по лавкамъ странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издѣльемъ кимряковъ.
У той сапожной лавочки
Опять смѣются странники:
Тутъ башмачки козловые
Дѣдъ внучкѣ торговалъ,
Пять разъ про цѣну спрашивалъ,
Вертѣлъ въ рукахъ, оглядывалъ:
Товаръ — первѣйшій сортъ!
— Ну, дядя! два двугривенныхъ
Плати, не то проваливай!
Сказалъ ему купецъ.

«А ты постой!» Любуется
Старикъ ботинкой крохотной,
Такую держитъ рѣчь:

«Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчитъ,
Жена — плевать, пускай ворчитъ!
А внучку жаль! Повѣсилась
На шею, егоза!
Купи гостинчикъ, дѣдушка,
Купи! — Головкой шелковой
Лицо щекочетъ, ластится,
Цѣлуетъ старика.
Постой, ползунья бо̀сая!
Постой, юла! Козловыя
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому, и малому
Подарковъ насулилъ,
А пропился до грошика!
Какъ я глаза безстыжіе
Домашнимъ покажу?..

«Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчитъ.
Жена — плевать, пускай ворчитъ!
А внучку жаль!..» Пошелъ опять
Про внучку! Убивается!..

Народъ собрался, слушаетъ,
Не смѣючись, жалѣючи;
Случись, — работай, хлѣбушкомъ
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенныхъ, —
Такъ самъ ни съ чѣмъ останешься.
Да былъ тутъ человѣкъ,

Павлуша Веретенниковъ
(Какого роду, званія —
Не знали мужики,
Однако, звали «бариномъ».
Гораздъ онъ былъ балясничать,
Носилъ рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пѣлъ складно пѣсни русскія
И слушать ихъ любилъ.
Его видали многіе
На постоялыхъ дворикахъ,
Въ харчевняхъ, въ кабакахъ),
Такъ онъ Вавилу выручилъ —
Купилъ ему ботиночки.
Вавило ихъ схватилъ
И былъ таковъ! — На радости
Спасибо даже барину
Забылъ сказать старикъ;
Зато крестьяне прочіе
Тàкъ были разутѣшены,
Такъ рады, словно каждаго
Онъ подарилъ рублемъ!

Была тутъ также лавочка
Съ картинами и книгами:
Офени запасалися
Своимъ товаромъ въ ней.
— А генераловъ надобно?
Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
«И генераловъ дай!
Да только ты по совѣсти,
Чтобъ были настоящіе —
Потолще, погрознѣй».

— Чудные, ка̀къ вы смотрите!
Сказалъ купецъ съ усмѣшкою:
— Тутъ дѣло не въ комплекціи...

«А въ чемъ же? шутишь, другъ!
Дрянь, что̀ ли, сбыть желательно?
А мы куда съ ней дѣнемся?
Шалишь! Передъ крестьяниномъ
Всѣ генералы равные,
Какъ шишки на ели;
Чтобы продать невзрачнаго,
Попасть на доку надобно,
А толстаго да грознаго
Я всякому всучу...»

— А статскихъ не желаете?
«Ну, вотъ еще со статскими!»
(Однако, взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо съ бочку винную
И за семнадцать звѣздъ).
Купецъ — со всѣмъ почтеніемъ
Что̀ любо, тѣмъ и потчуетъ
(Съ Лубянки — первый воръ!
Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
Архимандрита Фотія,
Разбойника Сипко;
Сбылъ книги: «Шутъ Балакиревъ»
И «Англійскій милордъ»...
Легли въ коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссійскому,
Покамѣстъ не пристроятся
Въ крестьянской лѣтней горенкѣ,

На невысокой стѣночкѣ...
Чортъ знаетъ для чего!

Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго —
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...

«И радъ бы въ рай, да дверь-то гдѣ?»
Такая рѣчь врывается
Въ лавчонку неожиданно.
— Тебѣ какую дверь?
«Да въ балаганъ. Чу! музыка!»
— Пойдемъ, я укажу!

Про балаганъ прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазѣть.

Комедію съ Петрушкою,
Съ козою съ барабанщицей
И не съ простой шарманкою,
А съ настоящей музыкой
Смотрѣли тутъ они.
Комедія не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не въ бровь, а прямо въ глазъ!
Шалашъ полнымъ-полнехонекъ,
Народъ орѣшки щелкаетъ,
А то два-три крестьянина
Словечкомъ перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрятъ да попьютъ!
Хохочутъ, утѣшаются
И часто въ рѣчь Петрушкину
Вставляютъ слово мѣткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такіе есть любители —
Какъ кончится комедія,
За ширмочки пойдутъ,
Цѣлуются, братаются,
Гуторятъ съ музыкантами!
— Откуда, молодцы?
«А были мы господскіе,
Играли на помѣщика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесетъ-попотчуетъ,
Тотъ намъ и господинъ!»
— И дѣло, други милые,

Довольно баръ вы тѣшили,
Потѣшьте мужиковъ!
Эй, малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянскаго — живѣй!..

И море разливанное
Пойдетъ, щедрѣе барскаго
Ребятокъ угостятъ.

Не вѣтры вѣютъ буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумитъ, поетъ, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и цѣлуется
У праздника народъ!
Крестьянамъ показалося,
Какъ вышли на пригорочекъ,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
Съ высокой колокольнею
Шатнуло разъ-другой! —
Тутъ трезвому, что̀ голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И къ вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III.

ПЬЯНАЯ НОЧЬ.

Не ригой, не амбарами,
Не кабакомъ, не мельницей,
Какъ часто на Руси, —
Село кончалось низенькимъ
Бревенчатымъ строеніемъ,
Съ желѣзными рѣшотками
Въ окошкахъ небольшихъ.
За тѣмъ этапнымъ зданіемъ
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тутъ какъ тутъ.
По буднямъ малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахталися пьяные,
И стономъ стонъ стоялъ!

Скрипятъ телѣги грузныя,
И, какъ телячьи головы,
Качаются, мотаются
Побѣдныя головушки
Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ — и падаетъ,
Какъ будто изъ-за валиковъ

Картечью непріятели
Палятъ по мужикамъ!
Ночь тихая спускается,
Ужъ вышла въ небо темное
Луна; ужъ пишетъ грамоту
Господь червоннымъ золотомъ
По синему по бархату;
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникамъ,
Ни глупымъ не прочесть

Дорога стоголосая
Гудитъ! Чтò море синее,
Смолкаетъ, подымается
Народная молва.

«А мы полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи...

— Эй! съ возу куль упалъ!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! Еще дамъ пряничка;
Ты, какъ блоха проворная,
Наѣлась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»
— Добра ты, царска грамота,
Да не про насъ ты писана...

«Посторонись, народъ!»
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись).

— А я къ тому, теперича:
И вѣникъ дрянь, Иванъ Ильичъ,
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напылитъ!

«Избави Богъ, Парашенька,
Ты въ Питеръ не ходи!
Такіе есть чиновники:
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою, —
Такъ это наплевать!»

— «Куда ты скачешь, Савушка?»
(Кричитъ священникъ сотскому
Верхомъ, съ казенной бляхою).
— Въ Кузминское скачу
За становымъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили... — «Эхъ!.. грѣхи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, другъ!
Вотъ то̀, чѣмъ больше вертится.
Пузатѣе становится,
А я, какъ день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенькій,
Оборванный, паршивенькій,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-пааааа-чканую!..»

———

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идутъ своимъ путемъ.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонькій
Большую яму выкопалъ:
— Что̀ дѣлаешь ты тутъ?
«А хороню я матушку!»

— Дуракъ! какая матушка!
Гляди: поддёвку новую
Ты въ землю закопалъ!
Иди скорѣй, да хрюкаломъ
Въ канаву лягъ, воды испей!
Авось, соскочитъ дурь!

— «А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся и тужатся,
Крехтятъ — на скалкѣ тянутся,
Суставчики трещатъ!
На скалкѣ не понравилось:
«Давай теперь попробуемъ
Тянуться бородой!»
Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,
Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!
— «Да будетъ вамъ, проклятые!»
Не разольешь водой!

Въ канавѣ бабы ссорятся, —
Одна кричитъ: «Домой идти
Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!»
Другая: «Врешь, въ моемъ дому
Похуже твоего!
Мнѣ старшій зять ребро сломалъ,
Середній зять клубокъ укралъ,
Клубокъ — плевокъ, да дѣло въ томъ —
Полтинникъ былъ замотанъ въ немъ;
А младшій зять все ножъ беретъ,
Того гляди — убьетъ, убьетъ!..»

— «Ну, полно, полно, миленькій!
Ну, не сердись!» За валикомъ
Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдемъ!»
Такая ночь бѣдовая!
Направо ли, налѣво ли
Съ дороги поглядишь:
Идутъ дружненько парочки.
Не къ той ли рощѣ правятся?
Та роща манитъ всякаго:
Въ той рощѣ голосистые
Соловушки поютъ...
Дорога многолюдная
Что̀ позже — безобразнѣе:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущіе,
Лежащіе пластомъ.
Безъ ругани, какъ водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная
Слышнѣй всего она!

У кабаковъ — смятеніе:
Подводы перепутались,
Испуганныя лошади
Безъ сѣдоковъ бѣгутъ;
Тутъ плачутъ дѣти малыя,
Тоскуютъ жены, матери:
Легко ли изъ питейнаго
Дозваться мужиковъ?..

У столбика дорожнаго
Знакомый голосъ слышится;
Подходятъ наши странники
И видятъ: Веретенниковъ
(Что̀ башмачки козловые
Вавилѣ подарилъ)
Бесѣдуетъ съ крестьянами.
Крестьяне открываются
Милягѣ по душѣ:
Похвалитъ Павелъ пѣсенку —
Пять разъ споютъ, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписавъ достаточно,
Сказалъ имъ Веретенниковъ:
«Умны крестьяне русскіе,
Одно нехорошо,
Что пьютъ до одурѣнія:
Во рвы, въ канавы валятся —
Обидно поглядѣть!»

Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то въ книжечку

Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькій
Мужикъ, — онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ, — да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину —
Хвать карандашъ изъ рукъ!
«Постой, башка порожняя!

Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ!
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ, —
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, въ другой навалятся,
А въ третьей не притронутся —
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а также маются;
Ужъ лучше бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда, —
И не глядѣлъ бы!.. Видывалъ
Въ страду деревни русскія?

Въ питейномъ, что ль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя;
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй! богатырь! соломенкой
Сшибу, посторонись! —

«Сладка ѣда крестьянская!
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина,
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаетъ одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькій,
Какъ ты, изъ-подъ Москвы:
Записываетъ пѣсенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани...
А былъ другой — допытывалъ,
На сколько въ день сработаешь,

По малу ли, по многу ли
Кусковъ пихаешь въ ротъ?
Иной угодья мѣряетъ,
Иной въ селеньи жителей
По пальцамъ перечтетъ;
А вотъ не сосчитали же,
По скольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..

«Нѣтъ мѣры хмелю русскому!
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,—
Такъ погляди, поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,

Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами, —
Трещитъ крестьянскій пупъ!

«Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь, —
Небось мы тутъ красивѣе?
Жалѣть — жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣры!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ!..

«У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная,
Гнѣвна, грозна — и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ, —
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка —
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ, — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,

А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притопывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми — вольнѣй шуми!..»

— Какъ звать тебя, старинушка?
«А что̀? Запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: «*Въ деревнѣ Босовѣ*
Якимъ Нагой живетъ,
Онъ до-смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!»

Крестьяне разсмѣялися
И разсказали барину,
Каковъ мужикъ Якимъ.

Якимъ — старикъ убогонькій,
Живалъ когда-то въ Питерѣ,
Да угодилъ въ тюрьму:
Съ купцомъ тягаться вздумалось!
Какъ липочка ободранный,
Вернулся онъ на родину
И за соху взялся.
Съ тѣхъ поръ лѣтъ тридцать жарится
На полосѣ подъ солнышкомъ,
Подъ бороной спасается

Отъ частаго дождя,
Живетъ — съ сохою возится,
А смерть придетъ Якимушкѣ —
Какъ комъ земли отвалится,
Что на сохѣ присохъ...

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
Онъ сыну накупилъ,
Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
И самъ не меньше мальчика
Любилъ на нихъ глядѣть.
Пришла немилость Божія —
Деревня загорѣлася —
А было у Якимушки
За цѣлый вѣкъ накоплено
Цѣлковыхъ тридцать пять;
Скорѣй бы взять цѣлковые,
А онъ сперва картиночки
Сталъ со стѣны срывать;
Жена его тѣмъ временемъ
Съ иконами возилася,
А тутъ изба и рухнула —
Такъ оплошалъ Якимъ!
Слились въ комокъ цѣлковики,
За тотъ комокъ даютъ ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, братъ Якимъ! не дешево
Картинки обошлись!
Зато и въ избу новую
Повѣсилъ ихъ, небось?»

— Повѣсилъ — есть и новыя,
Сказалъ Якимъ — и смолкъ.

Вглядѣлся баринъ въ пахаря:
Грудь впалая; какъ вдавленный
Животъ; у глазъ, у рта
Излучины, какъ трещины
На высохшей землѣ;
И самъ на землю-матушку
Похожъ онъ: шея бурая,
Какъ пластъ, сохой отрѣзанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песокъ.

Крестьяне какъ замѣтили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
Съ Якимомъ: «Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!..
Пьемъ — значитъ, силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!
Работа не свалила бы,
Бѣда не одолѣла бы,
Насъ хмель не одолитъ!
Не такъ ли?
«Да, Богъ милостивъ!»

— Ну, выпей съ нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенниковъ
Два шкалика поднесъ.

«Ай, баринъ! не прогнѣвался,
Разумная головушка!
(Сказалъ ему Якимъ)
Разумной-то головушкѣ
Какъ не понять крестьянина?
А свиньи ходятъ по земи —
Не видятъ небо вѣкъ!...»

Вдругъ пѣсня хоромъ грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиковъ,
Хмельненьки, а не валятся,
Идутъ рядкомъ, поютъ,
Поютъ про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про дѣвичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та пѣсня складная
Широко, вольно катится,
Какъ рожь подъ вѣтромъ стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идетъ огнемъ-тоской!..

Подъ пѣсню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой вѣкъ — что день безъ солнышка,
Мой вѣкъ — что ночь безъ мѣсяца,
А я млада-младешенька,
Что̀ борзый конь на привязи,
Что̀ ласточка безъ крылъ!
Мой старый мужъ, ревнивый мужъ
Напился пьянъ, храпомъ храпитъ,

Меня младу-младешеньку
И сонный сторожитъ!»

Такъ плакалась молодушка
Да съ возу вдругъ и спрыгнула!
«Куда?» кричитъ ревнивый мужъ,
Привсталъ — и бабу за косу
Какъ рѣдьку за вихоръ!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не свѣтлая, а звѣздная,
Не жаркая, а съ ласковымъ
Весеннимъ вѣтеркомъ!
И нашимъ добрымъ молодцамъ
Ты даромъ не прошла!
Сгрустнулось имъ по женушкамъ;
Оно и правда: съ женушкой
Теперь бы веселѣй!
Иванъ кричитъ: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я съ тобой!»
Иванъ кричитъ: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иванъ кричитъ: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угрѣемся!»
Какъ вспомнили ту пѣсенку,
Безъ слова — согласилися
Ларецъ свой попытать.

Одна, зачѣмъ — Богъ вѣдаетъ,
Межъ полемъ и дорогою
Густая липа выросла;
Подъ ней присѣли странники
И осторожно молвили:

«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиковъ!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрѣпилися...
Романъ за караульнаго
Остался у ведра,
А прочіе вмѣшалися
Въ толпу — искать счастливаго:
Имъ крѣпко захотѣлося
Скорѣй попасть домой...

ГЛАВА IV.

СЧАСТЛИВЫЕ.

Въ толпѣ горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали кличъ:
«Эй, нѣтъ ли гдѣ счастливаго?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живетъ,
У насъ ведро готовое:
Пей даромъ, сколько вздумаешь —
На славу угостимъ!..»
Такимъ рѣчамъ неслыханнымъ
Смѣялись люди трезвые,

А пьяные да умные
Чуть не плевали въ бороду
Ретивымъ крикунамъ.
Однако, и охотниковъ
Хлебнуть вина безплатнаго
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Подъ липу, кличъ прокликавши,
Ихъ обступилъ народъ.
Пришелъ дьячокъ уволенный,
Тощóй, какъ спичка сѣрная,
И лясы распустилъ,
Что счастіе не въ пажитяхъ,
Не въ соболяхъ, не въ золотѣ,
Не въ дорогихъ камняхъ...
— А въ чемъ же?
«Въ благодушествѣ!
Предѣлы есть владѣніямъ
Господъ, вельможъ, царей земныхъ,
А мудраго владѣніе —
Весь вертоградъ Христовъ!
Коль обогрѣетъ солнышко,
Да пропущу косушечку,
Такъ вотъ и счастливъ я!»
— А гдѣ возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулилися...

— Проваливай! шалишь!

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:

Что у нея до осени
Родилось рѣпъ до тысячи
На небольшой грядѣ:
«Такая рѣпа крупная,
Такая рѣпа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А въ поперечь — аршинъ!»
Надъ бабой посмѣялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той рѣпой закуси!»

Пришелъ солдатъ съ медалями,
Чуть живъ, а выпить хочется:
«Я счастливъ!» говоритъ.

— Ну, открывай, старинушка,
Въ чемъ счастіе солдатское?
Да не таись, смотри!
«А въ томъ, во-первыхъ, счастіе,
Что въ двадцати сраженіяхъ
Я былъ, а не убитъ!
А во-вторыхъ, важнѣй того,
Я и во время мирное
Ходилъ ни сытъ, ни голоденъ,
А смерти не дался!
А въ-третьихъ — за провинности,
Великія и малыя,
Нещадно битъ я палками,
А хоть пощупай — живъ!»

— На̀! выпивай, служивенькій!
Съ тобой и спорить нечего:
Ты счастливъ — слова нѣтъ!

Пришелъ съ тяжелымъ молотомъ
Каменотесъ олончанинъ,
Плечистый, молодой:
«И я живу, — не жалуюсь»,
Сказалъ онъ: «съ женкой, съ матушкой
Не знаемъ мы нужды!»

— Да въ чемъ же ваше счастіе?
«А вотъ гляди (и молотомъ,
Какъ перышкомъ, махнулъ)·
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Такъ гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
Въ день на пять серебромъ!»
Пахомъ приподнялъ «счастіе»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднесъ:
— Ну, вѣско! а не будетъ ли
Носиться съ этимъ счастіемъ
Подъ старость тяжело?..

«Смотри, не хвастай силою»,
Сказалъ мужикъ съ одышкою,
Разслабленный, худой
(Носъ вострый, какъ у мертваго,
Какъ грабли руки тощія,
Какъ спицы ноги длинныя,
Не человѣкъ — комаръ).
«Я былъ — не хуже каменщикъ,
Да тоже хвасталъ силою,
Вотъ Богъ и наказалъ!

Смекнулъ подрядчикъ, бестія,
Что простоватъ дѣтинушка,
Учалъ меня хвалить.
А я-то сдуру радуюсь,
За четверыхъ работаю!
Однажды ношу добрую
Наклалъ я кирпичей;
А тутъ его, проклятаго,
И нанеси нелегкая;
«Что̀ это? говоритъ,
Не узнаю Трофима я!
Идти съ такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!
Сказалъ я, осердясь.
Ну, съ полчаса, я думаю,
Я ждалъ, а онъ подкладывалъ,
И подложилъ, подлецъ!
Самъ слышу — тяга страшная
Да не хотѣлось пятиться.
И внесъ ту ношу чортову
Я во второй этажъ!
Глядитъ подрядчикъ, дивится,
Кричитъ, подлецъ, оттудова:
«Ай, молодецъ, Трофимъ!
Не знаешь самъ, что̀ сдѣлалъ ты:
Ты снесъ одинъ по крайности
Четырнадцать пудовъ!»
Ой, знаю: сердце молотомъ
Стучитъ въ груди, кровавые
Въ глазахъ круги стоятъ,
Спина какъ будто треснула...

Дрожать, ослабли ноженьки...
Зачахъ я съ той поры!..
Налей, братъ, полстаканчика!»

— Налить? Да гдѣ жъ тутъ счастіе?»
Мы потчуемъ счастливаго,
А ты что̀ разсказалъ?
«Дослушай: будетъ счастіе!»

— Да въ чемъ же, говори!

«А вотъ въ чемъ. Мнѣ на родинѣ,
Какъ всякому крестьянину,
Хотѣлось умереть.
Изъ Питера, разслабленный,
Шальной, почти безъ памяти,
Я на машину сѣлъ.
Ну, вотъ мы и поѣхали.
Въ вагонѣ лихорадочныхъ,
Горячечныхъ работничковъ
Насъ много набралось;
Всѣмъ одного желалося,
Какъ мнѣ: попасть на родину,
Чтобъ дома помереть.
Однако, нужно счастіе
И тутъ; мы лѣтомъ ѣхали;
Въ жарищѣ, въ духотѣ,
У многихъ помутилися
Въ конецъ больныя головы,
Въ вагонѣ адъ пошелъ:
Тотъ стонетъ, тотъ катается,
Какъ оглашенный, по полу,
Тотъ бредитъ женкой, матушкой...

Ну, на ближайшей станціи
Такого и долой:
Глядѣлъ я на товарищей,
Самъ весь горѣлъ, подумывалъ —
Не сдобровать и мнѣ.
Въ глазахъ кружки багровые,
И все мнѣ, братецъ, чудится,
Что рѣжу пѣуновъ
(Мы тоже пѣупятники:
Случалось въ годъ откармливать
До тысячи зобовъ).
Гдѣ вспомнились, проклятые!
Ужъ я молиться пробовалъ,
Нѣтъ! все съ ума нейдутъ!
Повѣришь ли? вся партія
Передо мной трепещется!
Гортани перерѣзаны,
Кровь хлещетъ, а поютъ!
А я съ ножомъ. «Да полно вамъ!»
Ужъ какъ Господь помиловалъ,
Что я не закричалъ?
Сижу, крѣплюсь... по счастію,
День кончился, а къ вечеру
Похолодало — сжалился
Надъ сиротами Богъ!
Ну, такъ мы и доѣхали,
И я добрелъ на родину,
А здѣсь, по Божьей милости
И легче стало мнѣ...»

— Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастіемъ?!
Кричитъ, разбитый на ноги,
Дворовый человѣкъ.

А вы меня попотчуйте:
Я счастливъ, видитъ Богъ!
У перваго боярина,
У князя Переметьева,
Я былъ любимый рабъ.
Жена — раба любимая,
А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому
И всякимъ языкамъ;
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны...
Ой! какъ кольнуло!.. батюшки!..
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне разсмѣялися.
— Чего смѣетесь, глупые,
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричалъ:
Я боленъ, а сказать ли вамъ,
О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мнѣ, Господи,
Болѣзнь мою почетную:
По ней я дворянинъ!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болѣзнью благородною,
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ имперіи,
Я боленъ, мужичьё!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее —
Шампанское, бургонское,

Токайское, венгерское
Лѣтъ тридцать надо пить...
За стуломъ у свѣтлѣйшаго
У князя Переметьева
Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
Тарелки я лизалъ,
Напитки иностранные
Изъ рюмокъ допивалъ...
Ну, наливай!
— Проваливай!
У насъ вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоимъ губамъ!

Желтоволосый, сгорбленный
Подкрался робко къ странникамъ
Крестьянинъ-бѣлоруссъ.
Туда же къ водкѣ тянется:
«Налей и мнѣ маненичко,
Я счастливъ!» говоритъ.

— А ты не лѣзь съ ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чѣмъ счастливъ ты?
«А счастье наше — въ хлѣбушкѣ:
Я дома въ Бѣлоруссіи
Съ мякиною, съ кострикою
Ячменный хлѣбъ жевалъ;
Бывало, вопишь голосомъ,
Какъ роженица корчишься,
Какъ схватитъ животы.

А нынѣ, милость Божія! —
До-сыта у Губонина
Даютъ ржаного хлѣбушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришелъ какой-то пасмурный
Мужикъ съ скулой свороченной, —
Направо все глядитъ:
«Хожу я за медвѣдями,
И счастье мнѣ великое:
Троихъ моихъ товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Богъ милостивъ!»

— А ну-ка, влѣво глянь!

Не глянулъ, какъ ни пробовалъ,
Какія рожи страшныя
Ни корчилъ мужичокъ:
«Свернула мнѣ медвѣдица
Маненичко скулу!»
— А ты съ другой помѣряйся:
Подставь ей щеку правую —
Поправитъ... — Посмѣялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищіе,
Послышавъ запахъ пѣннаго, —
И тѣ пришли доказывать,
Какъ счастливы они;
«Насъ у порога лавочникъ
Встрѣчаетъ подаяніемъ,
А въ домъ войдемъ, такъ изъ дому
Проводятъ до воротъ...

Чуть запоемъ мы пѣсенку,
Бѣжитъ къ окну хозяюшка
Съ краюхою, съ ножомъ,
А мы-то заливаемся:
«Давай, давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится, —
Тебѣ скорѣй, а намъ спорѣй...»

Смекнули наши странники,
Что даромъ водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конецъ. «Ну, будетъ съ васъ!
Эй счастіе мужицкое!
Дырявое, съ заплатами,
Горбатое, съ мозолями,
Проваливай домой!»

«А вамъ бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина»,
Сказалъ, подсѣвши къ странникамъ,
Деревни Дымоглотова
Крестьянинъ Ѳедосей:
«Коли Ермилъ не выручитъ,
Счастливцемъ не объявится,
Такъ и шататься нѐчего...»

— А кто такой Ермилъ?
Князь, что̀ ли, графъ сіятельный?
«Не князь, не графъ сіятельный,
А просто онъ — мужикъ!»
— Ты говори толковѣе,
Садись, а мы послушаемъ,
Какой такой Ермилъ?

«А вотъ какой: сиротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришелъ Ермило съ прочими
Въ палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися.
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермиломъ въ бой вступилъ,
Не отстаетъ, торгуется,
Наноситъ по копѣечкѣ;
Ермило, какъ разсердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копѣечку.
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копѣйкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть,
А третья часть — до тысячи.
Съ Ермиломъ денегъ не было:
Ужъ самъ ли онъ сплошалъ,
Схитрили ли подъячіе,
А дѣло вышло дрянь!
Повеселѣлъ Алтынниковъ:
«Моя, выходитъ, мельница!»
— «Нѣтъ!» — говоритъ Ермилъ.
Подходитъ къ предсѣдателю:
«Нельзя ли вашей милости
Помѣшкать полчаса?»

— Что̀ въ полчаса ты сдѣлаешь?

«Я деньги принесу!»
— А гдѣ найдешь? въ умѣ ли ты?
Верстъ тридцать пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой!

«Такъ полчаса позволите?»
— Пожалуй, часъ промѣшкаемъ!
Пошелъ Ермилъ; подъячіе
Съ купцомъ переглянулися,
Смѣются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришелъ Ермило (въ городѣ
Тотъ день базарный былъ),
Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ, — и громкимъ голосомъ
Кричитъ: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вамъ скажу!»
Притихла площадь людная,
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу разсказалъ:
«Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не плошалъ и я;
Разъ пять справлялся въ городѣ,
Сказали: съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину

Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика,
Анъ глядь — они спроворили
Безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
Да и смѣются нехристи:
«Что̀ часомъ ты подѣлаешь?
Гдѣ денегъ ты найдешь?»
Авось найду, Богъ милостивъ!
Хитры, сильны подъячіе,
А міръ ихъ посильнѣй;
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоять ему
Противъ мірской казны —
Ее, какъ рыбу изъ моря,
Вѣка ловить — не выловить.
Ну, братцы! видитъ Богъ,
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что̀ ль!..»

И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждаго крестьянина,
Какъ вѣтромъ, полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось:
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ.

Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать —
Успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лобанчиковъ,
Прожженой, битой, трепаной
Крестьянской ассигнаціи..
Ермило бралъ — не брезговалъ
И мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!

Ужъ сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермилъ Ильичъ, —
Отдашь, не пропадетъ!
Ермилъ народу кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдивилися подъячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!.
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ, —
Пошли юлить подъячіе,
Съ покупкой поздравлять!
Да не таковъ Ермилъ Ильичъ:
Не молвилъ слова лишняго,
Копѣйки не далъ имъ!

Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный — пятницу,
Черезъ недѣлю времени,
Ермилъ на той же площади
Разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, второпяхъ!
Однако, споровъ не было,
И выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ —
Рубль лишній, — чей, Богъ вѣдаетъ! —
Остался у него.
Весь день съ мошной раскрытою
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
Чей рубль? да не нашелъ.
Ужъ солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,
Отдавъ тотъ рубль слѣпымъ...
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ».

— Чуденъ! сказали странники:
Однако, знать желательно —
Какимъ же колдовствомъ
Мужикъ надъ всей округою
Такую силу взялъ?

«Не колдовствомъ, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну, такъ что̀ жъ?

«Въ ней главный управляющій
Былъ корпуса жандармскаго
Полковникъ со звѣздой;
При немъ пять-шесть помощниковъ,
А нашъ Ермило писаремъ
Въ конторѣ состоялъ.

«Лѣтъ двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человѣкъ.
Къ нему подходишь къ первому,
А онъ и посовѣтуетъ
И справку наведетъ;
Гдѣ хватитъ силы — выручитъ,
Не спроситъ благодарности,
И дашь, такъ не возьметъ!
Худую совѣсть надобно
Крестьянину съ крестьянина
Копѣйку вымогать.

«Такимъ путемъ вся вотчина
Въ пять лѣтъ Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тутъ его и выгнали...
Жалѣли крѣпко Гирина,
Трудненько было къ новому
Хапугѣ привыкать;
Однако, дѣлать нечего,
По времени приладились
И къ новому писцу.

Тотъ ни строки безъ трешника,
Ни слова безъ семишника, —
Прожженный, изъ кутейниковъ,
Ему и Богъ велѣлъ!

«Однако, волей Божіей,
Недолго онъ поцарствовалъ! —
Скончался старый князь,
Пріѣхалъ князь молоденькій,
Прогналъ того полковника,
Прогналъ его помощника,
Контору всю прогналъ;
А намъ велѣлъ изъ вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы недолго думали:
Шесть тысячъ душъ всей вотчины
Кричимъ: «Ермилу Гирина!»
Какъ человѣкъ единъ!
Зовутъ Ермилу къ барину.
Поговоривъ съ крестьяниномъ,
Съ балкона князь кричитъ:
«Ну, братцы! будь по вашему!
Моей печатью княжеской
Вашъ выборъ утвержденъ:
Мужикъ проворный, грамотный,
Одно скажу: не молодъ ли?..»

А мы: «Нужды нѣтъ, батюшка,
И молодъ, да уменъ!»
Пошелъ Ермило царствовать
Надъ всей княжою вотчиной —
И царствовалъ же онъ:
Въ семь лѣтъ мірской копѣечки

Подъ ноготь не зажалъ;
Въ семь лѣтъ не тронулъ праваго
Не попустилъ виновному,
Душой не покривилъ...»

— Стой! крикнулъ укорительно
Какой-то попикъ сѣденькій
Разсказчику: — грѣшишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдругъ махнула въ сторону —
На камень зубъ попалъ!
Коли взялся разсказывать,
Такъ слова не выкидывай
Изъ пѣсни: или странникамъ
Ты сказку говоришь?
Я зналъ Ермилу Гирина...

— «А я, небось, не зналъ!
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да насъ перевели...»

— А коли зналъ ты Гирина,
Такъ зналъ и брата Митрія;
Подумай-ка, дружокъ.
Разсказчикъ призадумался
И, помолчавъ, сказалъ:
— «Совралъ я: слово лишнее
Сорвалось на-маху!
Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшого брата Митрія
Повыгородилъ онъ.
Молчимъ: тутъ спорить нечего,

Самъ баринъ брата старосты
Забрить бы не велѣлъ;
Одна Ненила Власьевна
По сынѣ горько плачется,
Кричитъ: «Не нашъ чередъ!»
Извѣстно, покричала бы,
Да съ тѣмъ бы и отъѣхала.
Такъ что̀ же? Самъ Ермилъ,
Покончивши съ рекрутчиной,
Сталъ тосковать, печалиться,
Не пьетъ, не ѣстъ: тѣмъ кончилось,
Что въ денникѣ съ веревкою
Засталъ его отецъ.
Тутъ сынъ отцу покаялся:
«Съ тѣхъ поръ, какъ сына Власьевны
Поставилъ я не въ очередь,
Постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!»
А самъ къ веревкѣ тянется.
Пытали уговаривать
Отецъ его и братъ,
Онъ все одно: «Преступникъ я!
Злодѣй! вяжите руки мнѣ,
Ведите въ судъ меня!»
Чтобъ хуже не случилося,
Отецъ связалъ сердечнаго,
Приставилъ караулъ.

«Сошелся міръ, шумитъ, галдитъ:
Такого дѣла чуднаго
Во-вѣкъ не приходилося
Ни видѣть, ни рѣшать.
Ермиловы семейные
Ужъ не о томъ старалися,

Чтобъ мы имъ поммрволили,
А строже разсуди —
Верни парнишку Власьевнѣ,
Не то Ермилъ повѣсится,
За нимъ не углядишь!
Пришелъ и самъ Ермилъ Ильичъ
Босой, худой, съ колодками,
Съ веревкой на рукахъ;
Пришелъ, сказалъ: «Была пора,
Судилъ я васъ по совѣсти,
Теперь я самъ грѣшнѣе васъ:
Судите вы меня!»
И въ ноги поклонился намъ.
Ни дать, ни взять — юродивый:
Стоитъ, вздыхаетъ, крестится;
Жаль было намъ глядѣть,
Какъ онъ передъ старухою —
Передъ Ненилой Власьевной,
Вдругъ на колѣни палъ!

«Ну, дѣло все обладилось!
У господина сильнаго
Вездѣ рука: сынъ Власьевны
Вернулся, сдали Митрія,
Да, говорятъ, и Митрію
Не тяжело служить:
Самъ князь о немъ заботится;
А за провинность съ Гиршна
Мы положили штрафъ:
Штрафныя деньги — рекруту,
Часть небольшая — Власьевнѣ,
Часть — міру на вино...

«Однако послѣ этого
Ермилъ не скоро справился,
Съ годъ какъ шальной ходилъ.
Какъ ни просила вотчина —
Отъ должности уволился,
Въ аренду снялъ ту мельницу
И сталъ онъ пуще прежняго
Всему народу любъ:
Бралъ за помолъ по совѣсти,
Народу не задерживалъ —
Приказчикъ, управляющій,
Богатые помѣщики
И мужики бѣднѣйшіе —
Всѣ очереди слушались,
Порядокъ строгій велъ!
Я самъ ужъ въ той губерніи
Давненько не бывалъ,
А про Ермилу слыхивалъ:
Народъ имъ не нахвалится! —
Сходите вы къ нему».

— Напрасно вы проходите,
Сказалъ ужъ разъ заспорившій
Сѣдоволосый попъ:
Я зналъ Ермилу Гирина;
Попалъ я въ ту губернію
Назадъ тому лѣтъ пять.
(Я въ жизни много странствовалъ:
Преосвященный нашъ
Переводить священниковъ
Любилъ)... Съ Ермилой Гиринымъ
Сосѣди были мы.
Да! былъ мужикъ единственный!

Имѣлъ онъ все, что̀ надобно
Для счастья и спокойствія,
И деньги, и почетъ,
Почетъ завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхомъ: строгой правдою,
Умомъ и добротой!
Да только, повторяю вамъ,
Напрасно вы проходите:
Въ острогѣ онъ сидитъ...

«Какъ такъ?»
— А воля Божія!
Слыхалъ ли кто изъ васъ,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова,
Испуганной губерніи,
Уѣзда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Какъ о пожарахъ пишется
Въ газетахъ (я ихъ читывалъ):
«Осталась неизвѣстною
Причина» — такъ и тутъ:
До сей поры невѣдомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякамъ самимъ,
Съ чего стряслась оказія,
А вышло дѣло дрянь.
Потребовалось воинство;
Самъ государевъ посланный
Къ народу рѣчь держалъ:
То руганью попробуетъ

И плечи съ эполетами
Подыметъ высоко;
То ласкою попробуетъ, —
Да брань была тутъ лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное,
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись такъ достаточно,
Хотѣли ужъ солдатикамъ
Скомандовать «пали!»
Да волостному писарю
Пришла тутъ мысль счастливая:
Онъ про Ермилу Гирина
Начальнику сказалъ:
«Народъ повѣритъ Гирину,
Народъ его послушаетъ...»
— Позвать его, живѣй!

. . . .

Вдругъ крикъ: «Ай, ай! помилуйте!»
Раздавшись неожиданно,
Нарушилъ рѣчь священника, —
Всѣ бросились глядѣть:
У валика дорожнаго
Сѣкутъ лакея пьянаго —
Попался въ воровствѣ!
Гдѣ пойманъ, тутъ и судъ ему:
Судей сошлось десятка три —
Рѣшили дать по лозочкѣ,
И каждый далъ лозу!
Лакей вскочилъ и, шлепая

Худыми сапожишками,
Безъ слова тягу далъ.
«Вишь побѣжалъ какъ встрепанный!»
Шутили наши странники,
Узнавши въ немъ балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болѣзнію
Отъ иностранныхъ винъ:
«Откуда прыть явилася!
Болѣзнь ту благородную
Вдругъ сняло какъ рукой!»

— Эй, эй, куда жъ ты, батюшка!
Ты доскажи исторію,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова
Деревня Столбняки.
«Пора домой, родимые.
Богъ дастъ, опять мы встрѣтимся,
Тогда и доскажу!»

Подъ утро поразъѣхалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали;
Вдругъ тройка, съ колокольчикомъ,
Откуда ни взялась,
Летитъ! а въ ней качается
Какой-то баринъ кругленькій,
Усатенькій, пузатенькій,
Съ сигарочкой во рту.
Крестьяне разомъ бросились
Къ дорогѣ, сняли шапочки,

Низенько поклонилися,
Повыстроились въ рядъ,
И тройкѣ съ колокольчикомъ
Загородили путь...

ГЛАВА V.

ПОМѢЩИКЪ.

Сосѣдняго помѣщика
Гаврилу Аѳанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помѣщикъ былъ румяненькій,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лѣтъ,
Усы сѣдые, длинные,
Ухватки молодецкія,
Венгерка съ бранденбурами,
Широкіе штаны.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Должно быть, перетрусплся,
Увидѣвъ передъ тройкою
Семь рослыхъ мужиковъ.
Онъ пистолетикъ выхватилъ,
Какъ самъ, такой же толстенькій,
И дуло шестиствольное
На странниковъ навелъ.
— Ни съ мѣста! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На мѣстѣ уложу!..
Крестьяне разсмѣялися:
— «Какіе мы разбойники,

Гляди — у насъ ни ножика,
Ни топоровъ, ни вилъ!»

— Кто жъ вы? чего вамъ надобно?

— «У насъ забота есть:
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово крѣпкое
На нашу рѣчь мужицкую,
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать, —
Тогда свою заботушку
Повѣдаемъ тебѣ...

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
— «Нѣтъ, ты намъ не дворянское,
Дай слово христіанское!
Дворянское съ побранкою,
Съ толчкомъ да съ зуботычиной, —
То непригодно намъ!»

— Эге! какія новости!
А, впрочемъ, будь по вашему!
Ну, въ чемъ же ваша рѣчь?
— «Спрячь пистолетикъ! выслушай!
Вотъ такъ! Мы не грабители, —
Мы мужики смиренные,
Изъ временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Пустопорожней волости,

Изъ разныхъ деревень, —
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка-тожъ.
Идя путемъ дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: «Помѣщику»,
Демьянъ сказалъ: «Чиновнику»,
Лука сказалъ: «Попу».
«Купчинѣ толстопузому»,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: «Свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву»;
А Провъ сказалъ: «Царю»...
«Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! Какъ ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися, удумали:
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,

Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

«Скажи жъ ты намъ по-божески,
Сладка ли жизнь помѣщичья?
Ты какъ — вольготно, счастливо,
Помѣщичекъ, живешь?»

Гаврило Аѳанасьевичъ
Изъ тарантаса выпрыгнулъ,
Къ крестьянамъ подошелъ:
Какъ лѣкарь, руку каждому
Пощупалъ, въ лица глянулъ имъ,
Схватился за бока
И покатился со смѣху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смѣхъ помѣщичій
По утреннему воздуху
Раскатываться сталъ...

Нахохотавшись до-сыта,
Помѣщикъ не безъ горечи
Сказалъ: «Надѣньте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
Передъ твоею милостью
И постоимъ...
— «Нѣтъ, нѣтъ!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако, дѣлать нечего,
Усѣлись на валу.

— «И мнѣ присѣсть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и коверъ!»
Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:

— «Я далъ вамъ слово честное
Отвѣтъ держать по совѣсти, —
А не легко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако — не ученые:
Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы,
Что̀ значитъ слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что̀-нибудь?»
— Лѣса намъ не заказаны —
Видали древо всякое!
Сказали мужики.
— «Попали пальцемъ въ небо вы!..
Скажу вамъ вразумительнѣй:
Я роду именитаго:
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ грамотахъ

Два вѣка съ половиною
Назадъ тому. Гласитъ
Та грамота: «Татарину
«Оболту-Оболдуеву
«Дано суконце доброе,
«Цѣною въ два рубля:
«Волками и лисицами
«Онъ тѣшилъ государыню
«Въ день царскихъ именинъ,
«Спускалъ медвѣдя дикаго
«Съ своимъ, и Оболдуева
«Медвѣдь тотъ ободралъ...»
— Ну, поняли, любезные?»
— Какъ не понять! Съ медвѣдями
Не мало ихъ шатается
Прохвостовъ и теперь.

— «Вы все свое, любезные!
Молчать! Ужъ лучше слушайте,
Къ чему я рѣчь веду:
Тотъ Оболдуй, потѣшившій
Звѣрями государыню,
Было корень роду нашему,
А было то, какъ сказано,
Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
Прапрадѣдъ мой по матери
Былъ и того древнѣй:
«Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ»
(Гласитъ другая грамота)
«Пыталъ поджечь Москву,
«Казну пограбить думали,
«Да ихъ казнили смертію».
А было то, любезные,

Безъ мала триста лѣтъ.
Такъ вотъ оно откудова
То дерево дворянское
Идетъ, друзья мои!»

— А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?
Сказали мужики.

— Ну яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! Благо, поняли
Вы дѣло наконецъ.
Теперь — вы сами знаете —
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,
Почетнѣй дворянинъ.
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники:
— Кость бѣлая, кость черная,
И поглядѣть, такъ разныя, —
Имъ разный и почетъ!

— «Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья, — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.
Не только люди русскіе, —
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало, ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ;
Твои — деревни скромныя,

Твои — лѣса дремучіе,
Твои — поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса!
Пойдешь ли пашней, нивою, —
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ!
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй, жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

«Краса и гордость русская,
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками;
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ-манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,

Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка;
Прислуги — цѣлый полкъ!

«Пять поваровъ, два пекаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать-два охотника
Держалъ я... Боже мой!..»

Помѣщикъ закручинился,
Упалъ лицомъ въ подушечку,
Потомъ привсталъ, поправился:
— «Эй, Прошка!» закричалъ.
Лакей, по слову барскому,
Принесъ кувшинчикъ съ водкою.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Откушавъ, продолжалъ:
— «Бывало въ осень позднюю
Лѣса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшіе,
Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ;
А тамъ, въ лѣсу, выжлятники
Ревѣли, сорви-головы,

Варили-паромъ гончія.
Чу! подзываетъ рогъ!..
Чу! стая воетъ! сгрудилась!
Никакъ по звѣрю красному
Погнали?.. Улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая,
Летитъ, хвостомъ мететъ!
Присѣли, притаилися,
Дрожа всѣмъ тѣломъ, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная,
Поближе къ намъ, молодчикамъ,
Подальше отъ кустовъ;
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченки!
Эй! улю-лю!.. родимыя!
Эй — улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Вскочивъ съ ковра персидскаго,
Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
Кричалъ! Ему мерещилось,
Что травитъ онъ лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовалися,
Посмѣивались въ усъ...

— «Ой, ты — охота псовая!
Забудутъ все помѣщики,
Но ты, исконно русская
Потѣха, не забудешься
Ни во-вѣки вѣковъ!

Не о себѣ печалимся:
Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ!
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напуску;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями да съ музыкой
Мы двинемся впередъ, —
На что̀ кавалерійская
Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія,
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія:
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Законъ — мое желаніе!
Кулакъ — моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловорротъ!..»

Вдругъ какъ струна порвалася,
Осѣклась рѣчь помѣщичья.
Потупился, нахмурился,
— «Эй, Прошка!» закричалъ.
Глонулъ — и мягкимъ голосомъ
Сказалъ: «Вы сами знаете,
Нельзя же и безъ строгости?
Но я каралъ — любя.
Порвалась цѣпь великая —
Теперь не бьемъ крестьянина,
Зато ужъ и отечески
Не милуемъ его.
Да, былъ я строгъ по времени,
А, впрочемъ, больше ласкою
Я привлекалъ сердца.

«Я въ Воскресенье Свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ!
Бывало, накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій!
На немъ и яйца красныя,
И пасха, и куличъ!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуютъ, цѣлуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
«Христосъ воскресъ!» — «Во-истину!»
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино...

«Предъ каждымъ почитаемымъ
Двунадесятымъ праздникомъ
Въ моихъ парадныхъ горницахъ

Попъ всенощну служилъ,
И къ той домашней всенощной
Крестьяне допускалися:
Молись — хоть лобъ разбей!
Страдало обоняніе,
Сбивали послѣ съ вотчины
Бабъ отмывать полы, —
Да чистота духовная
Тѣмъ самымъ сберегалася,
Духовное родство!
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники,
А про себя подумали:
«Коломъ сбивалъ ихъ, что ли, ты
Молиться въ барскій домъ?...»

— «Зато скажу не хвастая:
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики:
Бывало дома скучно имъ, —
Всѣ на чужую сторону
Отпросятся съ весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, дѣтишки малыя
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
«Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ?»
И точно: поверхъ барщины,
Холста, яицъ и живности,
Всего, что на помѣщика
Сбиралось искони, —

Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева — съ вареньями,
Изъ Астрахани — съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй,
И съ шелковой матеріей:
Глядь, чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ — игрушки, лакомства,
А мнѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!
Толкъ вызнали разбойники
Небось не къ Кривопогову, —
Къ французу забѣжитъ.
Тутъ съ ними разгуляешься,
По-братски побесѣдуешь,
Жена рукою собственной
По чаркѣ имъ нальетъ,
А дѣтки тутъ же малыя
Посасываютъ пряничкп,
Да слушаютъ досужіе
Разсказы мужиковъ —
Про трудные ихъ промыслы,
Про чуже-дальни стороны,
Про Петербургъ, про Астрахань,
Про Кіевъ, про Казань...

«Такъ вотъ какъ, благодѣтели,
Я жилъ съ моею вотчиной.
Не правда ль, хорошо?..»
— Да, было вамъ, помѣщикамъ,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

— «И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звонъ!..»

Прислушалися странники,
И точно: изъ Кузминскаго
По утреннему воздуху
Тѣ звуки, грудь щемящіе,
Неслись. «Покой крестьянину
И царствіе небесное!»
Проговорили странники
И покрестилися всѣ...

Гаврило Аѳанасьевичъ
Снялъ шапочку — и набожно
Перекрестился тожъ:
«Звонятъ не по крестьянину!
По жизни по помѣщичьей
Звонятъ!.. Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай навѣкъ!
Прощай и Русь помѣщичья!
Теперь не та ужъ Русь!
Эй, Прошка!» (выпилъ водочки
И посвисталъ)...

«Невесело
Глядѣть, какъ измѣнилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни ѣдешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,

Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные,
Да глупые посредники,
Да иногда пройдетъ
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося,
Въ избыткѣ благодарности,
Селенье гдѣ-нибудь!
А прежде что̀ тутъ мчалося
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестерней!
Катитъ семья помѣщичья —
Тутъ маменьки солидныя,
Тутъ дочки миловидныя
И рѣзвые сынки!
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ
Наслушаешься всласть.
А нынче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной,
Что̀ шагъ, — ты пораженъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло, —
Ну, значитъ, приближаемся
Къ усадьбѣ... Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій,
И аккуратно сложены
Въ колонны кирпичи!
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь легъ, — мужикъ любуется,
Какъ много вышло дровъ;

Черства душа крестьянина:
Подумаетъ ли онъ,
Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда-то насадилъ?
Что вонъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки,
И Ганичка, и Вѣрочка
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою,
Жена моя призналась мнѣ,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
И спрятала на грудь мою,
Какъ вишня, покраснѣвшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонекъ помѣщичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ѣхать совѣстно:
Мужикъ сидитъ — не двинется;
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь въ груди!
Въ лѣсу не рогъ охотничій
Звучитъ — топоръ разбойничій:
Шалятъ!.. А что̀ подѣлаешь?
Кѣмъ лѣсъ убережешь?.
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку нѣтъ слѣда.
О матушка! о родина!
Не о себѣ печалимся, —
Тебя, родная, жаль.

Ты, какъ вдова печальная,
Стоишь съ косой распущенной,
Съ неубраннымъ лицомъ!..
Усадьбы переводятся!
Взамѣнъ ихъ распложаются
Питейные дома!..
Поятъ народъ распущенный,
Зовутъ на службы земскія,
Сажаютъ, учатъ грамотѣ, —
Нужна ему она!
На всей тебѣ, Русь-матушка,
Какъ клейма на преступникѣ,
Какъ на конѣ тавро,
Два слова нацарапаны:
«На выносъ» и «Распивочно».
Чтобъ ихъ читать, крестьянина
Мудреной русской грамотѣ
Не стоитъ обучать!..
«А намъ земля осталася...
Ой ты, земля помѣщичья!
Ты намъ не мать, а мачиха
Теперь... «А кто велѣлъ»,
Кричатъ писаки праздные:
«Такъ вымогать, насиловать
Кормилицу свою?»
А я скажу: А кто же ждалъ?
Охъ, эти проповѣдники!
Кричатъ: «Довольно барствовать!
Проснись, помѣщикъ заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

«Трудись!» Кому вы вздумали
Читать такую проповѣдь?

Я не крестьянинъ-лапотникъ —
Я Божіею милостью
Россійскій дворянинъ!
Россія — не нѣметчина:
Намъ чувства деликатныя,
Намъ гордость внушена!
Сословья благородныя
У насъ труду не учатся:
У насъ чиновникъ плохонькій
И тотъ половъ не вымететъ,
Не станетъ печь топить...
Скажу я вамъ, не хвастая,
Живу почти безвыѣздно
Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
А отъ ржаного колоса
Не отличу ячменнаго,
А мнѣ поютъ: «Трудись!»

«А если и дѣйствительно
Свой долгъ мы ложно поняли,
И наше назначеніе
Не въ томъ, чтобъ имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью,
И жить чужимъ трудомъ, —
Такъ надо было ранѣе
Сказать... Чему учился я?
Что̀ видѣлъ я вокругъ?..
Коптилъ я небо Божіе,
Носилъ ливрею царскую,
Сорилъ казну народную
И думалъ вѣкъ такъ жить...

И вдругъ... Владыко праведный!..»
Помѣщикъ зарыдалъ...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумавъ про себя:
«Порвалась цѣпь великая,
Порвалась — разскочилася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!..»

ПОСЛѢДЫШЪ.

Изъ второй части.

ГЛАВА I.

I.

Петровки. Время жаркое.
Въ разгарѣ сѣнокосъ.
Минувъ деревню бѣдную,
Безграмотной губерніи,
Старо-Вахлацкой волости,
Большіе Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Надъ Волгой чайки носятся;
Гуляютъ кулики
По отмели. А по̀ лугу,
Что̀ голъ, какъ у подъячаго
Щека, вчера побритая,
Стоятъ «Князья Волконскіе» *)

*) Стоги.

И дѣтки ихъ, что ранѣе
Родятся, чѣмъ отцы*).

— Покосы широчайшіе!
Сказалъ Пахомъ Онисимычъ:
— Здѣсь богатырь народъ!
Смѣются братья Губины:
Давно они замѣтили
Высокаго крестьянина
Со жбаномъ на стогу;
Онъ пилъ, а баба съ вилами,
Задравши кверху голову,
Глядѣла на него.
Со стогомъ поровнялися —
Все пьетъ мужикъ! Отмѣрили
Еще шаговъ полста, —
Всѣ разомъ оглянулися:
Попрежнему, закинувшись,
Стоитъ мужикъ; посудина
Дномъ кверху поднята...

Подъ берегомъ раскинуты
Шатры; старухи, лошади
Съ порожними телѣгами
Да дѣти видны тутъ.
А дальше, гдѣ кончается
Отава подкошеная,
Народу тьма! Тамъ бѣлыя
Рубахи бабъ, да пестрыя
Рубахи мужиковъ,
Да голоса, да звяканье

*) Копны.

Проворныхъ косъ. «Богъ на помочь!»
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сѣнокосные
Идутъ чредою правильной:
Всѣ разомъ занесенныя,
Сверкнули косы, звякнули, —
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумѣвъ!

По низменному берегу
На Волгѣ травы рослыя,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосимъ!»
Семь бабъ имъ косы отдали.
Проснулась, разгорѣлася
Привычка позабытая
Къ труду! Какъ зубы съ голоду,
Работаетъ у каждаго
Проворная рука.
Валятъ траву высокую,
Подъ пѣсню, незнакомую
Вахлацкой сторонѣ, —
Подъ пѣсню, что̀ навѣяна
Мятелями и вьюгами
Родимыхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ...

Натѣшившись, усталые,
Присѣли къ стогу завтракать...

— Откуда, молодцы?
Спросилъ у нашихъ странниковъ
Сѣдой мужикъ (котораго
Бабенки звали Власушкой),
Куда васъ Богъ несетъ?

— А мы... сказали странники —
И замолчали вдругъ:
Послышалась имъ музыка!

«Помѣщикъ нашъ катается»,
Промолвилъ Власъ — и бросился
Къ рабочимъ: «Не зѣвать!
Коси дружнѣй! А главное:
Не огорчить помѣщика.
Разсердится — поклонъ ему!
Похвалитъ васъ: «ура» кричи...
Эй, бабы! не галдѣть!»
Другой мужикъ, присадистый,
Съ широкой бородищею,
Почти-что то же самое
Народу приказалъ,
Надѣлъ кафтанъ — и барина
Бѣжитъ встрѣчать. «Что̀ за люди?»
Оторопѣлымъ странникамъ
Кричитъ онъ на бѣгу:
«Снимите шапки!»

Къ берегу
Причалили три лодочки.
Въ одной прислуга, музыка,

Въ другой — кормилка дюжая
Съ ребенкомъ, няня старая
И приживалка тихая,
А въ третьей — господа:
Двѣ барыни красивыя,
(Потоньше — бѣлокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки,
Да старый старичокъ:
Худой, какъ зайцы зимніе,
Весь бѣлъ и шапка бѣлая,
Высокая, съ околышемъ
Изъ краснаго сукна.
Носъ клювомъ, какъ у ястреба,
Усы сѣдые, длинные
И — разные глаза:
Одинъ здоровый — свѣтится,
А лѣвый — мутный, пасмурный,
Какъ оловянный грошъ!

При нихъ: собачки бѣлыя,
Мохнатыя, съ султанчикомъ,
На крохотныхъ ногахъ...

Старикъ, поднявшись на берегъ,
На красномъ мягкомъ коврикѣ
Долгонько отдыхалъ,
Потомъ покосъ осматривалъ:
Его водили подъ-руки
То господа усатые,
То молодыя барыни, —
И такъ, со всею свитою,

Съ дѣтьми и приживалками,
Съ кормилкою и нянькою
И съ бѣлыми собачками,
Все поле сѣнокосное
Помѣщикъ обошелъ.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистръ (смекнули странники,
Что тотъ мужикъ присадистый —
Бурмистръ) передъ помѣщикомъ,
Какъ бѣсъ передъ заутреней,
Юлилъ: «Такъ точно! Слушаю-съ!»
И кланялся помѣщику
Чуть-чуть не до земли.

Въ одинъ стожище матерой,
Сегодня только сметанный,
Помѣщикъ пальцемъ ткнулъ:
Нашелъ, что сѣно мокрое,
Вспылилъ: «Добро господское
Гноить? Я васъ, мошенниковъ,
Самихъ сгною на барщинѣ!
Пересушить сейчасъ!..»
Засуетился староста:
«Не досмотрѣлъ маненичко!
Сыренько! виноватъ!»
Созвалъ народъ — и вилами
Богатыря кряжистаго
Въ присутствіи помѣщика
По клочьямъ разнесли.
Помѣщикъ успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сѣнцо!)

Бѣжитъ лакей съ салфеткою,
Хромаетъ: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
Съ дѣтьми и приживалками,
Съ кормилкою и нянькою
И съ бѣлыми собачками,
Пошелъ помѣщикъ завтракать,
Работы осмотрѣвъ.
Съ рѣки изъ лодки грянула
Навстрѣчу барамъ музыка;
Накрытый столъ бѣлѣется
На самомъ берегу...

Дивятся наши странники,
Пристали къ Власу: — Дѣдушка!
Что̀ за порядки чудные?
Что̀ за чудной старикъ?
«Помѣщикъ нашъ — Утятинъ князь!»

— Чего же онъ куражится?
Теперь порядки новые,
А онъ дуритъ по-старому:
Сѣнцо сухимъ-сухохонько —
Велѣлъ пересушить!
«А то еще диковиннѣй,
Что и сѣнцо то самое,
И пожня — не его!»
— А чьи же?

«Нашей вотчины».

— Чего же онъ тутъ суется?
Инъ вы у Бога не люди?

«Нѣтъ, мы, по Божьей милости,
Теперь крестьяне вольные;
У насъ, какъ у людей,
Порядки тоже новые,
Да тутъ статья особая...»

— Какая же статья?

Подъ стогомъ легъ старинушка
И — больше ни словца!
Къ тому же стогу странники
Присѣли; тихо молвили:
— *Эй! скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиковъ!
И скатерть развернулася;
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять...

Наливъ стаканчикъ дѣдушкѣ.
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи намъ, Власушка,
Какая тутъ статья?»

— Да пустяки! Тутъ нечего
Разсказывать... А сами вы
Что̀ за люди? Откуда вы?
Куда васъ Богъ несетъ?

«Мы люди чужестранные;
Давно, по дѣлу важному,

Домишки мы покинули, —
У насъ забота есть...
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды...»

Остановились странники...

— О чемъ же вы хлопочете?

«Да помолчимъ! Поѣли мы,
Такъ отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчатъ!

— Вы такъ-то! а по-нашему,
Коль началъ, такъ досказывай!

«А самъ, небось, молчишь!
Мы не въ тебя, старинушка:
Изволь, мы скажемъ: видишь ли,
Мы ищемъ, дядя Власъ,
Непоротой губерніи,
Непотрошеной волости,
Избыткова села!..»
И разсказали странники,
Какъ встрѣтились нечаянно,
Какъ подрались, заспоривши,
Какъ дали свой зарокъ
И какъ потомъ шаталися,
Искали по губерніямъ
Подтянутой, Подстрѣленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Власъ слушалъ — и разсказчиковъ
Глазами мѣрилъ! «Вижу я,
Вы тоже люди странные!»
Сказалъ онъ наконецъ:
«Чудимъ и мы достаточно,
А вы — и насъ чуднѣй!»

— Да что̀ жъ у васъ-то дѣется?
Еще стаканчикъ, дѣдушка!

Какъ выпилъ два стаканчика,
Разговорился Власъ:

II.

— Помѣщикъ нашъ особенный:
Богатство непомѣрное,
Чинъ важный, родъ вельможескій;
Весь вѣкъ чудилъ, дурилъ, —
Да вдругъ гроза и грянула...
Не вѣритъ: «Врутъ, разбойники!»
Посредника, исправника
Прогналъ! дурилъ по-старому.
Сталъ крѣпко подозрителенъ:
Не поклонись — деретъ!
Самъ губернаторъ къ барину
Пріѣхалъ: долго спорили,
Сердитый голосъ барина
Въ застольной дворня слышала;
Озлился такъ, что къ вечеру
Хватилъ его ударъ!
Всю половину лѣвую
Отбило: словно мертвая,

И какъ земля черна...
Пропалъ ни за копѣечку!
Извѣстно, не корысть,
А спесь его подрѣзала:
Соринку онъ терялъ.

— Что̀ значитъ, други милые,
Привычка-то помѣщичья!
Замѣтилъ Митродоръ.

— Не только надъ помѣщикомъ,
Привычка надъ крестьяниномъ
Сильна — сказалъ Пахомъ.
Я разъ, по подозрѣнію
Въ острогъ попавши, чуднаго
Тамъ видѣлъ мужика:
За конокрадство, кажется,
Судился, — звали Сидоромъ;
Такъ изъ острога барину
Онъ посылалъ оброкъ!
(Доходы арестантскіе
Извѣстны: подаяніе,
Да что-нибудь сработаетъ,
Да стащитъ что-нибудь).
Ему смѣялись прочіе:
— А ну, на поселеніе
Сошлютъ — пропали денежки!
«Все лучше», говоритъ...

— Ну, дальше, дальше, дѣдушка!

— Соринка — дѣло плевое,
Да только не въ глазу:
Палъ дубъ на море тихое,

И море все заплакало —
Лежитъ старикъ безъ памяти
(Не встанетъ, такъ и думали!).
Пріѣхали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы ихъ на пожнѣ видѣли,
А барыни красивыя —
То жены молодцовъ).
У старшаго довѣренность
Была: по ней съ посредникомъ
Установили грамоту...
Анъ вдругъ и всталъ старикъ!
Чуть запкнулись... Господи!
Какъ звѣрь метнулся раненый
И загремѣлъ какъ громъ!
Дѣла-то все недавнія, —
Я былъ въ то время старостой,
Случился тутъ — такъ слышалъ самъ,
Какъ онъ честилъ помѣщиковъ,
До слова помню все:
«Корятъ жидовъ, что предали
Христа... а вы что̀ сдѣлали?
Права свои дворянскія,
Вѣками освященныя,
Вы предали!..» Сынамъ
Сказалъ: «Вы трусы подлые!
Не дѣти вы мои!
Пускай бы люди мелкіе,
Что̀ вышли изъ поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиковъ,
Пускай бы... имъ простительно!
А вы... князья Утятины?

Какіе вы У-тя-ти-ны!
Идите вонъ!.. подкидыши —
Не дѣти вы мои!»

Оробѣли наслѣдники:
А ну, какъ передъ смертію
Лишитъ наслѣдства? Мало ли
Лѣсовъ, земель у батюшки?
Что денегъ понакоплено!
Куда пойдетъ добро?
Гадай! У князя въ Питерѣ
Три дочери побочныя
За генераловъ выданы:
Не отказалъ бы имъ!

А князь опять больнехонекъ...
Чтобъ только время выиграть,
Придумать: какъ тутъ быть?
Которая-то барыня
(Должно быть бѣлокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхалъ я, терла щеткою
Въ то время лѣвый бокъ)
Возьми и брякни барину,
Что мужиковъ помѣщикамъ
Велѣли воротить!

Повѣрилъ! Проще малаго
Ребенка сталъ старинушка,
Какъ параличъ расшибъ!
Заплакалъ! Предъ иконами
Со всей семьею молится,
Велитъ служить молебствіе,
Звонить въ колокола!

И силы словно прибыло;
Опять: охота, музыка,
Дворовыхъ дуетъ палкою,
Велитъ созвать крестьянъ.

Съ дворовыми наслѣдники
Стакнулись, разумѣется;
А есть одинъ (онъ давеча
Съ салфеткой прибѣгалъ),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любитъ онъ!
Ипатомъ прозывается!
Какъ воля намъ готовилась,
Такъ онъ не вѣрилъ ей:
«Шалишь! Князья Утятины
Останутся безъ вотчины?
Нѣтъ, руки коротки!»
Явилось «Положеніе»,
Ипатъ сказалъ: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиныхъ
Холопъ — и весь тутъ сказъ!»
Не можетъ барскихъ милостей
Забыть Ипатъ! Потѣшные
О дѣтствѣ и о младости
Да и о самой старости
Разсказы у него
(Придешь, бывало, къ барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь, —
Сто разъ я слышалъ ихъ):
«Какъ былъ я малъ, нашъ князюшка
Меня рукою собственной
Въ телѣжку запрягалъ;

Достигъ я рѣзвой младости:
Пріѣхалъ въ отпускъ князюшка
И, подгулявши, выкупалъ
Меня, раба послѣдняго,
Зимою въ проруби!
Да какъ чудно! Двѣ проруби:
Въ одну опуститъ въ неводѣ,
Въ другую мигомъ вытянетъ —
И водки поднесетъ.
Клониться сталъ я къ старости...
Зимой дороги узкія,
Такъ часто съ княземъ ѣздили
Мы гусемъ въ пять коней.
Однажды князь — затѣйникъ же! —
И посади фалетуромъ
Меня, раба послѣдняго,
Со скрипкой — впереди.
Любилъ онъ крѣпко музыку.
«Играй, Ипатъ!» А кучеру
Кричитъ: «Пошелъ живѣй!»
Мятель была изрядная,
Игралъ я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я съ нея!
Ну, сани, разумѣется,
Черезъ меня проѣхали,
Попридавили грудь.
Не то бѣда, а холодно,
Замерзнешь — нѣтъ спасенія,
Кругомъ пустыня, снѣгъ...
Гляжу на звѣзды частыя
Да каюсь во грѣхахъ.
Такъ что же, другъ ты истинный?

Послышалъ я бубенчики...
Чу, ближе! чу, звончѣй!
Вернулся князь (закапали
Тутъ слезы у двороваго,
И сколько ни разсказывалъ,
Всегда тутъ плакалъ онъ!),
Одѣлъ меня, согрѣлъ меня
И рядомъ, недостойнаго,
Съ своей особой княжеской
Въ саняхъ привезъ домой!

Похохотали странники..
Глотнувъ вина (въ четвертый разъ),
Власъ продолжалъ: — «Наслѣдники
Ударили и вотчинѣ
Челомъ: «Намъ жаль родителя, —
Порядковъ новыхъ, нонѣшнихъ
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы васъ вознаградимъ:
За лишній трудъ, за барщину,
За слово даже бранное, —
За все заплатимъ вамъ.
Недолго жить сердечному:
Наврядъ ли два-три мѣсяца, —
Самъ дохтуръ объявилъ!
Уважьте насъ, послушайтесь:
Мы вамъ луга поёмные
По Волгѣ подаримъ;
Сейчасъ пошлемъ посреднику
Бумагу, дѣло вѣрное!»

Собрался міръ, галдитъ!

«Луга-то (эти самые)
Да водка, да съ три короба
Посуловъ то и сдѣлали,
Что міръ рѣшилъ помалчивать
До смерти старика.
Поѣхали къ посреднику;
Смѣется: «Дѣло доброе,
Да и луга хорошіе:
Дурачьтесь, Богъ проститъ!
Нѣтъ на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
—Вамъ, мужикамъ, сполагоря,
А мнѣ-то каково?
Что̀ ни случится: къ барину
Бурмистра! Что̀ ни вздумаетъ,—
За мной пошлетъ! Какъ буду я
На спросы безтолковые
Отвѣтствовать? дурацкіе
Приказы исполнять?

— Ты стой предъ нимъ безъ шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дѣло кончено.
Старикъ больной, разслабленный,
Не помнитъ ничего!»
Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумнаго
Не хитрая статья.
Да быть шутомъ гороховымъ,

Признаться, не хотѣлося.
И такъ я на-вѣку,
У притолоки стоючи,
Помялся передъ бариномъ
Досыта! «Коли міръ
(Сказалъ я, міру кланяясь):
Дозволитъ покуражиться
Уволенному барину
Въ оставные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только-что отъ должности
Увольте вы меня!»

«Чуть дѣло не разладилось,
Да Климка Лавинъ выручилъ:
«А вы бурмистромъ сдѣлайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и васъ.
Богъ приберетъ Послѣдыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Такъ будемъ мы начальствовать,
Такіе мы строжайшіе
Порядки заведемъ,
Что надорветъ животики
Вся вотчина... Увидите!»

«Долгонько думалъ міръ.
Что ни на есть отчаянный
Былъ Климъ мужикъ: и пьяница,
И на руку нечистъ,
Работать — не работаетъ,
Съ цыганами возжается,

Бродяга, коновалъ!
Смѣется надъ трудящимся:
Съ работы, какъ ни мучайся,
Не будешь ты богатъ,
А будешь ты горбатъ!
А, впрочемъ, парень грамотный,
Бывалъ въ Москвѣ и въ Питерѣ,
Въ Сибирь ѣзжалъ съ купечествомъ, —
Жаль, не остался тамъ!
Уменъ, а грошъ не держится,
Хитеръ, а попадается
Впросакъ! Бахвалъ мужикъ!
Какихъ-то словъ особенныхъ
Наслушался: «Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская...
Я — русскій мужичокъ!»
Горланилъ дикимъ голосомъ
И, кокнувъ въ лобъ посудою,
Пилъ залпомъ полуштофъ!
Какъ рукомойникъ, кланяться
Готовъ за водку всякому,
А есть казна — подѣлится,
Со встрѣчнымъ все пропьетъ!
Гораздъ орать, балясничать,
Гнилой товаръ показывать
Съ хазоваго конца.
Нахвастаетъ съ три короба,
А уличишь — отшутится
Безстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычкомъ по рожѣ бьютъ!»
Подумавши, оставили

Меня бурмистромъ: правлю я
Дѣлами и теперь.
А передъ старымъ бариномъ
Бурмистромъ Климку назвали:
Пускай его! По барину
Бурмистръ передъ Послѣдышемъ
Послѣдній человѣкъ!

«У Клима совѣсть глиняна,
А бородища Минина, —
Посмотришь, такъ подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степеннѣй и трезвѣй.
Наслѣдники построили
Кафтанъ ему: одѣлъ его
И сдѣлался Климъ Яковличъ
Изъ Климки безшабашнаго —
Бурмистръ первѣйшій сортъ!

«Пошли порядки старые!
Послѣдышу-то нашему,
Какъ на-бѣду, приказаны
Прогулки. Что̀ ни день,
Черезъ деревню катится
Рессорная колясочка!
Вставай! картузъ долой!
Богъ вѣсть, съ чего накинется,
Бранитъ, коритъ; съ угрозою
Подступитъ — ты молчи!
Увидитъ въ полѣ пахаря
И за его же полосу
Облаетъ: и лѣнтяи-то,
И лежебоки мы!

А полоса сработана,
Какъ никогда на барина
Не работалъ мужикъ,
Да невдомекъ Послѣдышу,
Что ужъ давно не барская,
А наша полоса!

«Сойдемся — смѣхъ! У каждаго
Свой сказъ про юродиваго
Помѣщика: икается,
Я думаю, ему!
А тутъ еще Климъ Яковличъ
Придетъ, глядитъ начальникомъ
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричитъ: «Приказъ по вотчинѣ!:
Ну, слушаемъ приказъ:
«Докладывалъ я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовымъ подаяніемъ;
Такъ баринъ приказалъ:
На той вдовѣ Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтобъ жили въ ней, плодилися
И правили тягло!»
А той вдовѣ — подъ семьдесятъ,
А жениху — шесть лѣтъ!
Ну, хохотъ, разумѣется!..
Другой приказъ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка

Близъ барскаго двора
И такъ мычали, глупыя,
Что разбудили барина, —
Такъ пастухамъ приказано
Впредь унимать коровъ!»
Опять смѣется вотчина.
«А что̀ смѣетесь? Всякія
Бываютъ приказанія:
Сидѣлъ на губернаторствѣ
Въ Якутскѣ генералъ, —
Такъ на колъ тотъ коровушекъ
Сажалъ! Долгонько слушались:
Весь городъ разукрасили,
Какъ Питеръ монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятилъ онъ съ ума!»
Еще приказъ: «У сторожа
У ундера Софронова
Собака непочтительна:
Залаяла на барина;
Такъ ундера прогнать,
А сторожемъ къ помѣщичьей
Усадьбѣ назначается
Еремка!..» Покатилися
Опять крестьяне со смѣху:
Еремка тотъ съ рожденія
Глухонѣмой дуракъ!

«Доволенъ Климъ. Нашелъ-таки
По нраву должность! Бѣгаетъ,
Чудитъ, во все мѣшается,
Пить даже меньше сталъ!

Бабенка есть тутъ бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Такъ съ ней Климаха барина
Дурачитъ заодно.
Лафа бабенкамъ! Бѣгаютъ
На барскій дворъ съ полотнами,
Съ грибами, съ земляникою:
Все покупаютъ барыни —
И кормятъ и поятъ!

«Шутили мы, дурачились,
Да вдругъ и дошутилися
До сущей до бѣды:
Былъ грубый, непокладистый
У насъ мужикъ Агапъ Петровъ,
Онъ много насъ корилъ:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Такъ вы въ хомутъ охотою...
Богъ съ ними съ сѣнокосами!
Знать не хочу господъ!..»
Тѣмъ только успокоили,
Что штофъ вина поставили
(Винцо-то онъ любилъ).
Да чортъ его современемъ
Нанесъ-таки на барина:
Везетъ Агапъ бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Такъ воровать отправился
Лѣсъ — среди бѣла дня!),
Навстрѣчу та колясочка,
И баринъ въ ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичокъ?..»

А самъ смекнулъ — откудова.
Агапъ молчитъ: бревешко-то
Изъ лѣсу изъ господскаго,
Такъ что̀ тутъ говорить!
Да больно ужъ окрысился
Старикъ: пилилъ, пилилъ его,
Права свои дворянскія
Высчитывалъ ему!

«Крестьянское терпѣніе
Выносливо, а временемъ
Есть и ему конецъ.
Агапъ раненько выѣхалъ,
Безъ завтрака: крестьянина
Тошнило ужъ и такъ;
А тутъ еще рѣчь барская,
Какъ муха неотвязная,
Жужжитъ подъ ухо самое...

«Захохоталъ Агапъ...
«Ахъ, шутъ ты, шутъ гороховый!
Никшни!» да и пошелъ!
Досталось тутъ Послѣдышу
За дѣдовъ и за прадѣдовъ,
Не только за себя.
Извѣстно, гнѣву нашему
Дай волю! Брань господская,
Что̀ жало комариное,
Мужицкая — обухъ!
Опѣшилъ баринъ! Легче бы
Стоять ему подъ пулями,
Подъ каменнымъ дождемъ!
Опѣшили и сродники;

Бабенки было бросились
Къ Агапу съ уговорами,
Такъ онъ вскричалъ: «Убью!!
Что̀ брага, раскуражились
Подонки изъ поганаго
Корыта... Цыцъ! Никшни!
Крестьянскихъ душъ владѣніе
Покончено. Послѣдышъ ты!
Послѣдышъ ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Послѣдышу
Пинка — и конченъ балъ!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвостъ, по горницамъ,
А насъ оставь! Никшни!..»

«— Ты — бунтовщикъ! съ хрипотою
Сказалъ старикъ, затрясся весь
И полумертвый палъ.
«Теперь конецъ!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивыя;
Анъ вышло — не конецъ!

Приказъ: «Предъ всею вотчиной,
Въ присутствіи помѣщика,
За дерзость безпримѣрную
Агапа наказать».
Забѣгали наслѣдники
И жены ихъ — къ Агапушкѣ,
И къ Климу, и ко мнѣ!
«Спасите насъ, голубчики!
Спасите!» Ходятъ блѣдные:

«Коли обманъ откроется,
Пропали мы совсѣмъ!»
Пошелъ бурмистръ орудовать!
Съ Агапомъ пилъ до вечера.
Обнявшись, до полуночи
Деревней съ нимъ гулялъ,
Потомъ опять съ полуночи
Поилъ его — и пьянаго
Привелъ на барскій дворъ.
Все обошлось любехонько:
Не могъ съ крылечка сдвинуться
Послѣдышъ — такъ разстроился...
Ну, Климкѣ и лафа!

Въ конюшню плутъ преступника
Привелъ, передъ крестьяниномъ
Поставилъ штофъ вина:
Пей, да кричи: «Помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агапъ,
Чу, вопитъ! Словно музыку,
Послѣдышъ стоны слушаетъ;
Чуть мы не разсмѣялися,
Какъ сталъ онъ приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать, ни взять подъ розгами,
Кричалъ Агапъ, дурачился,
Пока не допилъ штофъ;
Какъ изъ конюшни вынесли
Его мертвецки пьянаго
Четыре мужика,
Такъ баринъ даже сжалился:

«Самъ виноватъ, Агапушка!»
Онъ ласково сказалъ...

— «Вишь, тоже добрый! сжалился»,
Замѣтилъ Провъ, а Власъ ему:
— Не золъ... да есть пословица:
Хвали траву въ стогу,
А барина — въ гробу!
Все лучше, кабы Богъ его
Прибралъ... Ужъ нѣтъ Агапушки...
— «Какъ! умеръ?»

— Да, почтенные:
Почти что въ тотъ же день!
Онъ къ вечеру разохался,
Къ полуночи попа просилъ,
Къ бѣлу свѣту преставился,
Зарыли и поставили
Животворящій крестъ...
Съ чего? Одинъ Богъ вѣдаетъ!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами
И пальцемъ. Ну, а все жъ,
Нѣтъ, нѣтъ — да и подумаешь:
Не будь такой оказіи,
Не умеръ бы Агапъ!
Мужикъ сырой, особенный,
Головка не поклончива,
А тутъ: иди, ложись!
Положимъ, ладно кончилось!
А все Агапъ надумался:
Упрешься — міръ осердится,

А міръ дуракъ — дойметъ!
Все разомъ такъ подстроилось:
Чуть молодыя барыни
Не цѣловали стараго, —
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще — Климъ безсовѣстный
Сгубилъ его, анаѳема,
Винищемъ!

— Вонъ отъ барина
Посолъ идетъ: откушали!
Зоветъ, должно быть, старосту;
Пойду взгляну комедь!

III.

Пошли за Власомъ странники;
Бабенокъ тоже нѣсколько
И парней съ ними тронулось;
Былъ полдень, время отдыха,
Такъ набралось порядочно
Народу — поглазѣть.
Всѣ стали въ рядъ почтительно
Поодаль отъ господъ...

За длиннымъ бѣлымъ столикомъ,
Уставленнымъ бутылками
И кушаньями разными,
Сидѣли господа!
На первомъ мѣстѣ — старый князь,
Сѣдой, одѣтый въ бѣлое,
Лицо перекошонное

И — разные глаза;
Въ петлицѣ крестикъ бѣленькій
(Власъ говоритъ: Георгія
Побѣдоносца крестъ).
За стуломъ въ бѣломъ галстукѣ
Ипатъ, дворовый преданный,
Обмахиваетъ мухъ.
По сторонамъ помѣщика
Двѣ молодыя барыни:
Одна — черноволосая,
Какъ свекла, губы красныя,
По яблоку — глаза!
Другая — бѣлокурая,
Съ распущенной косой:
Ай, косынька! какъ золото
На солнышкѣ горитъ!
На трехъ высокихъ стульчикахъ
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Подъ горло у дѣтей.
При нихъ старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бѣдныя
Дворянки. Противъ барина —
Гвардейцы черноусые,
Послѣдыша сыны.

За каждымъ стуломъ дѣвочка,
А то и баба съ вѣткою —
Обмахиваетъ мухъ.
А подъ столомъ мохнатыя
Собачки бѣлошерстыя —
Барчёнки дразнятъ ихъ...

Безъ шапки передъ бариномъ
Стоялъ бурмистръ:

«А скоро ли»,
Спросилъ помѣщикъ, кушая:
«Окончимъ сѣнокосъ?»

— Да какъ теперь прикажете:
У насъ по положенію
Три дня въ недѣлю барскіе,
Съ тягла: работникъ съ лошадью,
Подростокъ или женщина,
Да полстарухи въ день;
Господскій срокъ кончается...

— «Тсс! тсс!» сказалъ Утятинъ князь,
Какъ человѣкъ, замѣтившій,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловилъ:
«Какой такой *господскій срокъ?*
Откудова ты взялъ его?»
И на бурмистра вѣрнаго
Навелъ пытливо глазъ.

Бурмистръ потупилъ голову.

— Какъ приказать изволите!
Два-три денька хорошіе,
И сѣно вашей милости
Все уберемъ, Богъ дастъ!
Не правда ли, ребятушки?
(Бурмистръ воротитъ къ барщинѣ
Широкое лицо).
За барщину отвѣтила

Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вѣстимо такъ, Климъ Яковличъ!
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сѣно барское,
А наше — подождетъ!

— «Бабёнка, а умнѣй тебя!»
Помѣщикъ вдругъ осклабился
И началъ хохотать.
«Ха-ха! дуракъ!.. Ха-ха-ха-ха!
Дуракъ! дуракъ! дуракъ!
Придумали: господскій срокъ!
Ха-ха... дуракъ!.. ха-ха-ха-ха!
Господскій срокъ — вся жизнь раба!
Забыли, что̀ ли, вы:
Я, Божіею милостью,
И древней царской грамотой,
И родомъ, и заслугами, —
Надъ вами господинъ!..»

Власъ на̀ земь опускается.

— Что такъ? спросили странники.
— «Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдетъ съ коня любимаго!
Съ тѣхъ поръ, какъ слухъ прошелъ,
Что воля намъ готовится,
У князя рѣчь одна:
Что мужику у барина
До свѣтопреставленія
Зажату быть въ горсти!..»

И точно: часъ безъ малаго
Послѣдышъ говорилъ!
Языкъ его не слушался:
Старикъ слюною брызгался,
Шипѣлъ и такъ разстроился,
Что правый глазъ задергало,
А лѣвый вдругъ расширился
И — круглый, какъ у филина —
Вертѣлся колесомъ.
Права свои дворянскія,
Вѣками освященныя,
Заслуги, имя древнее
Помѣщикъ поминалъ;
Царевымъ гнѣвомъ, Божіимъ
Грозилъ крестьянамъ, ежели
Взбунтуются они,
И накрѣпко приказывалъ,
Чтобъ пустяковъ не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господъ!

— Отцы! сказалъ Климъ Яковличъ
Съ какимъ-то визгомъ въ голосѣ,
Какъ будто вся утроба въ немъ,
При мысли о помѣщикахъ,
Заликовала вдругъ:
— Кого же намъ и слушаться?
Кого любить? надѣяться
Крестьянству на кого?
Бѣдами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда намъ бунтовать?
Все ваше, все господское —

Домишки наши ветхіе,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что въ землю брошено,
И овощь огородная,
И волосъ на нечесаной
Мужицкой головѣ —
Все ваше, все господское!
Въ могилахъ наши прадѣды,
На печкахъ дѣды старые
И въ зыбкахъ дѣти малыя —
Все ваше, все господское!
А мы, какъ рыба въ неводѣ,
Хозяева въ дому!

Бурмистра рѣчь покорная
Понравилась помѣщику:
Здоровый глазъ на старосту
Глядѣлъ съ благоволеніемъ,
А лѣвый успокоился,
Какъ мѣсяцъ въ небѣ сталъ!
Наливъ рукою собственной
Стаканъ вина заморскаго,
«Пей!» баринъ говоритъ.
Вино на солнцѣ искрится,
Густое, маслянистое.
Климъ выпилъ, не поморщился
И вновь сказалъ: «Отцы!
Живемъ за вашей милостью,
Какъ у Христа за пазухой:
Попробуй-ка безъ барина
Крестьянинъ такъ пожить!»
(И снова, плутъ естественный,

Глонулъ вина заморскаго):
«Куда намъ безъ господъ?
Бояре — кипарисовы,
Стоятъ, не гнутъ головушки!
Надъ ними — царь одинъ!
А мужики — вязовые:
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипятъ! Гдѣ мать крестьянину,
Тамъ барину съ полгоря:
Подъ мужикомъ ледъ ломится,
Подъ бариномъ — трещитъ!
Отцы! руководители!
Не будь у насъ помѣщиковъ,
Не наготовимъ хлѣбушка,
Не запасемъ травы!
Хранители! радѣтели!
И міръ давно бы рушился
Безъ разума господскаго,
Безъ нашей простоты!
Вамъ на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А намъ — работать, слушаться,
Молиться за господъ!»

Дворовый, что у барина
Стоялъ за стуломъ съ вѣткою,
Вдругъ всхлипнулъ! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же Господу
За долголѣтье барина!»
Сказалъ холуй чувствительный
И сталъ креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.

Гвардейцы черноусые
Кисленько какъ-то глянули
На вѣрнаго слугу;
Однако — дѣлать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся;
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Климъ...

Да и мигнулъ Орефьевнѣ:
И бабы, что протискались
Поближе къ господамъ,
Креститься тоже начали.
Одна такъ даже всхлипнула
Въ подобіе двороваго
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!»
Сказалъ сердито Власъ).
Изъ тучи солнце красное
Вдругъ выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась съ рѣки...

Помѣщикъ такъ растрогался,
Что правый глазъ заплаканный
Ему платочкомъ вытерла
Сноха съ косой распущенной
И чмокнула старинушку
Въ здоровый этотъ глазъ.
«Вотъ!» молвилъ онъ торжественно
Сынамъ, своимъ наслѣдникамъ,
И молодымъ снохамъ:
«Желалъ бы я, чтобъ видѣли

Шуты, врали столичные,
Что обзываютъ дикими
Крѣпостниками насъ,
Чтобъ видѣли, чтобъ слышали...»

Тутъ случай неожиданный
Нарушилъ рѣчь господскую:
Одинъ мужикъ не выдержалъ —
Какъ захохочетъ вдругъ!

Задергало Послѣдыша.
Вскочилъ, лицомъ уставился
Впередъ! Какъ рысь высматривалъ
Добычу. Лѣвый глазъ
Заколесилъ... «Сыскать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистръ въ толпу отправился;
Не ищетъ виноватаго,
А думаетъ: ка̀къ быть?
Пришелъ въ ряды послѣдніе,
Гдѣ были наши странники,
И ласково сказалъ:
«Вы люди чужестранные,
Что̀ съ вами онъ подѣлаетъ?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастныхъ вахлаковъ,
Да баринъ глупъ: судись потомъ,
Какъ влѣпитъ сотню добрую
При всемъ честномъ мiру!
— Иди-ка ты, Романушка!

Сказали братья Губины:
— Иди! ты любишь баръ!
«Нѣтъ, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Другъ дружку посылать.
Климъ плюнулъ. — «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что̀ тутъ сдѣлаемъ?
А я усталъ; мнѣ мочи нѣтъ!»

— Ну, да и вралъ же ты!

«Эхъ, Власъ Ильичъ! гдѣ враки-то?»
Сказалъ бурмистръ съ досадою:
«Не въ ихъ рукахъ мы, что ль?..
Придетъ пора послѣдняя:
Заѣдемъ всѣ въ ухабъ *),
Не выѣдемъ никакъ,
Въ кромѣшный адъ провалимся, —
Такъ ждетъ и тамъ крестьянина
Работа на господъ!»

— Что жъ тамъ-то будетъ, Климушка?

— «А будетъ, что назначено:
Они — въ котлѣ кипѣть,
А мы — дрова подкладывать!»

Смѣются мужики.

Пришли сыны Послѣдыша:
— «Эхъ! Климъ чудакъ! до смѣху ли!

*) Могила.

Старикъ прислалъ насъ: сердится,
Что долго нѣтъ виновнаго...
Да кто у васъ сплошалъ?

— А кто сплошалъ, и надо бы
Того тащить къ помѣщику,
Да все испортитъ онъ!
Мужикъ богатый... Питерщикъ...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на-грѣхъ!
Порядки наши чудные
Ему пока въ диковину,
Такъ смѣхъ и разобралъ!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребій.
Заплатимъ мы: вотъ пять рублей!..»

— Нѣтъ! разбѣгутся всѣ...

— «Ну, такъ скажите барину,
Что виноватый спрятался».

— А завтра ка̀къ? Забыли вы
Агапа неповиннаго?

— «Что жъ дѣлать?.. Вотъ бѣда!»

— Давай сюда бумажку-ту!
Постойте! Я васъ выручу!
Вдругъ объявила бойкая
Бурмистрова кума

И побѣжала къ барину;
Бухъ въ ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночекъ мой единственный,
Сыночекъ надурилъ!
Господь его безъ разуму
Пустилъ на свѣтъ! Глупешечекъ!
Идетъ изъ бани — чешется!
Лаптишкомъ, вмѣсто ковшика,
Напиться норовитъ!
Работать не работаетъ,
Знай скалитъ зубы бѣлые.
Смѣшливъ... такъ Богъ родилъ!
Въ дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, ѣсть нечего —
Смѣется дурачокъ!
Подастъ ли кто копѣечку,
Ударитъ ли по темени —
Смѣется дурачокъ!
Смѣшливъ... что съ нимъ подѣлаешь?
Изъ дурака, родименькій,
И горе смѣхомъ претъ!»

Такая баба ловкая!
Оретъ, какъ на дѣвишникѣ,
Цѣлуетъ ноги барину.
— «Ну, Богъ съ тобой! Иди!»
Сказалъ Послѣдышъ ласково:
— «Я не сержусь на глупаго!
Я самъ надъ нимъ смѣюсь!»
— Какой ты добрый! молвила
Сноха черноволосая

И старика погладила
По бѣлой головѣ.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Гдѣ жъ дурню деревенскому
Понять слова господскія
Особенно Послѣдыша
Столь умныя слова?
А Климъ полой суконною
Отеръ глаза безстыжіе
И пробурчалъ: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умѣютъ наказать,
Умѣютъ и помиловать».

Повеселѣлъ старикъ!
Спросилъ вина шипучаго.
Высоко пробки прянули,
Попадали на бабъ;
Съ испугу бабы взвизгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохоталъ! За нимъ
Захохотали барыни,
За ними — ихъ мужья,
Потомъ дворецкій преданный,
Потомъ кормилки, нянюшки,
А тамъ — и весь народъ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянамъ поднесли,
Подросткамъ дали пряниковъ,
Дѣвицамъ — сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмкѣ простяку...

Послѣдышъ пилъ да чокался,
Красивыхъ сноха пощипывалъ.
(«Вотъ такъ-то! чѣмъ бы старому
Лекарство пить — замѣтилъ Власъ —
Онъ пьетъ вино стаканами.
Давно ужъ мѣру всякую
Какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ радости
Послѣдышъ потерялъ»).

Гремитъ на Волгѣ музыка,
Поютъ и пляшутъ дѣвицы —
Ну, словомъ, пиръ горой!
Къ дѣвицамъ присосѣдиться
Хотѣлъ старикъ, всталъ на ноги
И чуть не полетѣлъ!
Сынъ поддержалъ родителя.
Старикъ стоялъ: притопывалъ,
Присвистывалъ, прищелкивалъ,
А глазъ свое выдѣлывалъ —
Вертѣлся колесомъ!

— «А вы что жъ не танцуете?»
Сказалъ Послѣдышъ барынямъ
И молодымъ сынамъ:
— «Танцуйте!» Дѣлать нѐчего!
Прошлись они подъ музыку.
Старикъ ихъ осмѣялъ!
Качаясь, какъ на палубѣ
Въ погоду непокойную,
Представилъ онъ, какъ тѣшились
Въ его-то времена!
— «Спой, Люба!» Не хотѣлося
Пѣть бѣлокурой барынѣ
Да старый такъ присталъ!

Чудесно спѣла барыня!
Ласкала слухъ та пѣсенка,
Негромкая и нѣжная,
Какъ вѣтеръ, лѣтнимъ вечеромъ
Легонько пробѣгающій
По бархатной муравушкѣ,
Какъ шумъ дождя весенняго
По листьямъ молодымъ!

Подъ пѣсню ту прекрасную
Уснулъ Послѣдышъ. Бережно
Снесли его въ ладью
И уложили соннаго.
Надъ нимъ съ зеленымъ зонтикомъ
Стоялъ дворовый преданный,
Другой рукой отмахивалъ
Слѣпней и комаровъ.
Сидѣли молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... Лодка тронулась
И мѣрно поплыла...
У бѣлокурой барыни
Коса, какъ флагъ распущенный,
Играла на вѣтру...

— Уважилъ я Послѣдыша!
Сказалъ бурмистръ. — Господь съ тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, какъ жилъ, помѣщикомъ
Подъ пѣсни наши рабскія,
Подъ музыку холопскую —
Да только поскорѣй!

Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мнѣ,
Скажи спасибо, Власъ Ильичъ:
Я міру порадѣлъ!
Стоять передъ Послѣдышемъ
Напасть... языкъ прилипнетъ,
А пуще смѣхъ долитъ.
Глазъ этотъ... какъ завертится,
Бѣда! Глядишь да думаешь:
— «Куда ты, другъ единственный?
По надобности собственной,
Аль по чужимъ дѣламъ?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..»
Чуть разъ не прыснулъ я.
Мужикъ я пьяный, вѣтреный,
Въ амбарѣ крысы съ голоду
Подохли, домъ пустехонекъ,
А не взялъ бы, свидѣтель Богъ,
Я за такую каторгу
И тысячу рублей,
Когда бъ не зналъ доподлинно,
Что я передъ *Послѣдышемъ*
Стою... что онъ куражится
По волѣ по моей...

Власъ отвѣчалъ задумчиво:
— «Бахвалься! А давно ли мы, —
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не въ шутку, не за денежки!
Не три-четыре мѣсяца,
А цѣлый вѣкъ... да что ужъ тутъ!

Куда ужъ намъ бахвалиться,—
Недаромъ вахлаки!»

Однако, Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «Ура!»
Потомъ вдову Терентьевну
Съ Гаврилкой малолѣточкомъ
Климъ посадилъ рядкомъ,
И жениха съ невѣстою
Поздравилъ! Подурачились
Досыта мужики.
Пріѣли все, все припили,
Что̀ господа оставили,
И только позднимъ вечеромъ
Въ деревню прибрели.
Домашніе ихъ встрѣтили
Извѣстьемъ неожиданнымъ:
Скончался старый князь!
— Какъ такъ?—«Изъ лодки вынесли
Его ужъ бездыханнаго—
Хватилъ второй ударъ!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружнаго,
Глубокаго-глубокаго
Не испускала бѣдная
Безграмотной губерніи
Деревня Вахлаки...

Но радость ихъ вахлацкая
Была непродолжительна:
Со смертію Послѣдыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакамъ!
А за луга поёмные
Наслѣдники съ крестьянами
Тягаются до днесь.
Власъ за крестьянъ ходатаемъ
Живетъ въ Москвѣ... былъ въ Питерѣ,
А толку что-то нѣтъ!

КРЕСТЬЯНКА.

Изъ третьей части.

ПРОЛОГЪ.

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго, —
Пощупаемъ-ка бабъ!»
Рѣшили наши странники
И стали бабъ опрашивать.
Въ селѣ Наготинѣ
Сказали, какъ отрѣзали:
«У насъ такой не водится,
А есть въ селѣ Клину:
Корова холмогорская —
Не баба! Доброумнѣе
И глаже—бабы нѣтъ.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же губернаторша...»

Подумали — пошли.

Ужъ налились колосики.
Стоятъ столбы точеные,
Головки золоченыя,
Задумчиво и ласково
Шумятъ. Пора чудесная!
Нѣтъ веселѣй, нарядиѣе,
Богаче нѣтъ поры!
«Ой, поле многохлѣбное!
Теперь и не подумаешь,
Какъ много люди Божіи
Побились надъ тобой,
Покамѣсть ты одѣлося
Тяжелымъ ровнымъ колосомъ
И стало передъ пахаремъ
Какъ войско предъ царемъ!
Не столько росы теплыя,
Какъ потъ съ лица крестьянскаго
Увлажили тебя!..»
Довольны наши странники:
То рожью, то пшеницею,
То ячменемъ идутъ.
Пшеница ихъ не радуетъ:
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору!*
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормитъ всѣхъ.*

«Льны тоже нонче знатные...
Ай бѣдненькій застрялъ!»
Тутъ жаворонка малаго,

Застрявшаго во льну,
Романъ распуталъ бережно,
Поцѣловалъ: «Лети!»
И птичка въ высь помчалася,
За нею умиленные
Слѣдили мужики...
Поспѣлъ горохъ! Накинулись,
Какъ саранча, на полосу:
Горохъ, что дѣвку красную,
Кто ни пройдетъ — щипнетъ!
Теперь горохъ у всякаго —
У стараго, у малаго:
Разсыпался горохъ
На Семьдесять дорогъ!

Вся овощь огородная
Поспѣла; дѣти носятся
Кто съ рѣпой, кто съ морковкою.
Подсолнечникъ лущатъ,
А бабы свеклу дергаютъ.
Такая свекла добрая!
Точь-въ-точь сапожки красные
Лежитъ на полосѣ.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вотъ, наконецъ, и Клинъ.
Селенье незавидное!
Что ни изба — съ подпоркою,
Какъ нищій съ костылемъ:
А съ крышъ солома скормлена
Скоту. Стоятъ, какъ остовы,
Убогіе дома.

Ненастной поздней осенью
Такъ смотрятъ гнѣзда галочьи,
Когда галчата вылетятъ
И вѣтеръ придорожныя
Березы обнажитъ...
Народъ въ поляхъ — работаетъ.
Замѣтивъ за селеніемъ
Усадьбу на пригорочкѣ,
Пошли пока — глядѣть.

Огромный домъ, широкій дворъ,
Прудъ, ивами обсаженный,
Посереди двора;
Надъ домомъ башня высится,
Балкономъ окруженная,
Надъ башней шпиль торчитъ.

Въ воротахъ съ ними встрѣтился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: — «Вамъ кого?
Помѣщикъ за границею,
А управитель при смерти!..»
И спину показалъ.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спинѣ двороваго
Былъ нарисованъ левъ.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за нарядъ диковинный,
Пока Пахомъ догадливый
Загадки не рѣшилъ:
«Халуй хитеръ: стащитъ коверъ,
Въ коврѣ дыру продѣлаетъ,

Въ дыру просунетъ голову
Да и гуляетъ такъ!..»

Какъ прусаки слоняются
По нетоплёной горницѣ,
Когда ихъ вымораживать
Надумаетъ мужикъ, —
Въ усадьбѣ той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые бариномъ
На произволъ судьбы.
Все старые, все хворые
И какъ въ цыганскомъ таборѣ
Одѣты. По пруду
Тащили бредень пятеро.
«Богъ нà-помочь! Какъ ловится?

— Всего одинъ карась!
А было ихъ до пропасти,
Да крѣпко навалились мы,
Теперь — свищи въ кулакъ!

«Хоть бы пяточекъ вынули»,
Проговорила блѣдная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костеръ на берегу.

— Точеные-то столбики
Съ балкону, что ли, умница?
Спросили мужики.

«Съ балкону!»

— То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорятъ они
Скорѣе, чѣмъ карасиковъ
Изловятъ на уху!

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черствомъ хлѣбѣ Митенька.
Эхъ, горе — не житье!»

И тутъ она погладила
Полунагого мальчика
(Сидѣлъ въ тазу заржавленномъ
Курносый мальчуганъ).

— А что? ему, чай, холодно,
Сказалъ сурово Провушка, —
Въ желѣзномъ-то тазу?
И въ руки взять ребеночка
Хотѣлъ. Дитя заплакало,
А мать кричитъ: «Не тронь его!
Не видишь? Онъ катается!
Ну, ну! пошелъ! Колясочка
Вѣдь это у него!..»

Что шагъ, то натыкалися
Крестьяне на диковину, —
Особая и странная
Работа всюду шла.
Одинъ дворовый мучился
У двери: ручки мѣдныя
Отвинчивалъ; другой
Несъ изразцы какіе-то.
«Наковырялъ, Егорушка!»

Окликнули съ пруда.
Въ саду ребята яблоню
Качали. — «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Ужъ только наверху,
А было ихъ до пропасти!»

— Да что въ нихъ проку? зелены!

«Мы рады и такимъ!»

Бродили долго по саду:
«Затѣй-то! Горы, пропасти!
И прудъ опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?
Бесѣдка... стойте! съ надписью!..»
Демьянъ, крестьянинъ грамотный,
Читаетъ по складамъ.
«Эй, врешь!» — хохочутъ странники...
Опять, — и то же самое
Читаетъ имъ Демьянъ.
(Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты двѣ-три литеры, —
Изъ слова благороднаго
Такая вышла дрянь!)

Замѣтивъ любознательность
Крестьянъ, дворовый сѣденькій
Къ нимъ съ книгой подошелъ:
«Купите!» Какъ ни тужился,
Мудренаго заглавія
Не одолѣлъ Демьянъ:

Садись-ка ты помѣщикомъ
Подъ липой на скамеечку,
Да самъ ее читай!

«А тоже грамотеями
Считаетесь!» съ досадою
Дворовый прошипѣлъ;
На что вамъ книги умныя?
Вамъ вывѣски питейныя
Да слово «воспрещается»,
Что на столбахъ встрѣчается,
Достаточно читать!»

— «Дорожки такъ загажены,
Что срамъ! у дѣвокъ каменныхъ.
Отшиблены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У халуя въ зобу!
Что церкви безъ священника,
Угодьямъ безъ крестьянина,
То саду безъ помѣщика!»
Рѣшили мужики:
«Помѣщикъ прочно строился,
Такую даль загадывалъ,
А вотъ...» (Смѣются шестеро,
Седьмой повѣсилъ носъ).
Вдругъ съ вышины откуда-то
Какъ грянетъ пѣсня! Головы
Задрали мужики:
Вкругъ башни по балкончику
Похаживалъ въ подрясникѣ
Какой-то человѣкъ

И пѣлъ... Въ вечернемъ воздухѣ,
Какъ колоколъ серебряный,
Гудѣлъ громовый басъ...
Гудѣлъ — и прямо за сердце
Хваталъ онъ нашихъ странниковъ:
Не русскія слова,
А горе въ нихъ такое же,
Какъ въ русской пѣснѣ, слышалось,
Безъ берегу, безъ дна.
Такіе звуки плавные,
Рыдающіе... «Умница,
Какой мужчина тамъ?»
Спросилъ Романъ у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

— Пѣвецъ Ново-Архангельскій.
Его изъ Малороссіи
Сманили господа,
Свезти его въ Италію
Сулились да уѣхали...
А онъ бы радъ-радехонекъ —
Какая ужъ Италія? —
Обратно въ Конотопъ;
Ему здѣсь дѣлать нечего...
Собаки домъ покинули
(Озлилась круто женщина):
Кому здѣсь дѣло есть?..
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кромѣ голосу...»

— Зато ужъ голосокъ!

«Не то еще услышите,
Какъ до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вотъ, они затѣяли
По-своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подымется
Да рявкнетъ нашъ: «Здо-ро-во-ли
Жи-вешь, о-тецъ И-патъ?»
Такъ стекла затрещатъ!
А тотъ ему оттуда-то:
«Здо-ро-во, нашъ со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — «И-ду!..»
Иду-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молокомъ.
Вздохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барскій дворъ вошла!

— Чу, пѣсня за деревнею!
Прощай, горюшка бѣдная!
Идемъ встрѣчать народъ.

Легко вздохнули странники:
Имъ послѣ дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая

Толпа жнецовъ и жницъ:
Все дѣло дѣвки красили
(Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ,
Что рожь безъ васильковъ).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна —
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лѣтъ тридцати осьми.
Красива; волосъ съ просѣдью,
Глаза большіе, строгіе,
Рѣсницы — богатѣйшія;
Сурова и смугла.
На ней рубаха бѣлая,
Да сарафанъ коротенькій,
Да серпъ черезъ плечо.
«Что нужно вамъ, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамѣстъ бабы прочія
Не поушли впередъ,
Потомъ поклонъ отвѣсили:
— «Мы люди чужестранные,
У насъ забота есть!
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.

Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина;
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка-тожъ.
Идя путемъ дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: «Помѣщику»,
Демьянъ сказалъ: «Чиновнику»,
Лука сказалъ: «Попу»
«Купчинѣ толстопузому»,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: «Свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву»,
А Провъ сказалъ: «Царю»...
Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! Какъ ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися — удумали:
Не расходиться врозь,

Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело
Вольготно на Руси?

«Попа ужъ мы довѣдали,
Довѣдали помѣщика,
Да прямо мы къ тебѣ:
Чѣмъ намъ искать чиновника,
Купца, министра царскаго,
Царя (еще допуститъ ли
Насъ, мужичонковъ, царь?),
Освободи насъ, выручи!
Молва идетъ всесвѣтная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески,
Въ чемъ счастіе твое?»

Не то, чтобъ удивилася
Матрена Тимофеевна,
А какъ-то закручинилась,
Задумалась она...

— Не дѣло вы затѣяли!
Теперь пора рабочая, —
Досугъ ли толковать?..

— Полцарства мы промѣряли,
Никто намъ не отказывалъ!
Просили мужики.

«У насъ ужъ колосъ сыпется,
Рукъ не хватаетъ, милые...»

— А мы на что̀, кума?
Давай серпы! Всѣ семеро
Какъ станемъ завтра, — къ вечеру
Всю рожь твою сожнемъ!

Смекнула Тимофеевна,
Что дѣло подходящее.
«Согласна», говоритъ:
«Такіе-то вы бравые, —
Нажнете, не замѣтите,
Сноповъ по десяти».

— А ты намъ душу выложи!

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
Съ хозяйствомъ управлялася,
Крестьяне мѣсто знатное
Избрали за избой.
Тутъ рига, коноплянники,
Два стога здоровенные,
Богатый огородъ.
И дубъ тутъ росъ — дубовъ краса.
Подъ нимъ присѣли странники:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиковъ!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять...
Гогочутъ братья Губины:
Такую рѣдьку схапали
На огородѣ — страсть!

Ужъ звѣзды разсажалися
По небу темносинему,
Высоко мѣсяцъ сталъ,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашимъ странникамъ
«Всю душу открывать...»

ГЛАВА I.

ДО ЗАМУЖЕСТВА.

Мнѣ счастье въ дѣвкахъ выпало:
У насъ была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Какъ у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отецъ, поднявшись до-свѣту,
Будилъ дочурку ласкою,
А братъ — веселой пѣсенкой;
Покамѣсть одѣвается,
Поетъ: «Вставай, сестра!
По избамъ обряжаются,

Въ часовенькахъ спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастухъ ужъ со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки въ боръ,
Въ поляхъ трудятся пахари,
Въ лѣсу стучитъ топоръ!»
Управится съ горшечками,
Все вымоетъ, все выскребетъ,
Посадитъ хлѣбы въ печь, —
Идетъ родная матушка,
Не будитъ — пуще кутаетъ:
«Спи, милая косатушка,
Спи, силу запасай!
Въ чужой семьѣ — недологъ сонъ!
Уложатъ спать позднехонько,
Придутъ будить до солнышка,
Лукошко припасутъ,
На донце бросятъ корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!..»

Да не въ лѣсу родилася,
Не пеньямъ я молилася,
Не много я спала.
Въ день Симеона батюшка
Сажалъ меня на бурушку
И вывелъ изъ младенчества
По пятому годку;
А на седьмомъ за бурушкой
Сама я въ стадо бѣгала,
Отцу носила завтракать,
Утяточекъ пасла.

Потомъ грибы да ягоды,
Потомъ: «Бери-ка грабельки,
Да сѣно вороши!»
Такъ къ дѣлу пріобыкла я...
И добрая работница,
И пѣть-плясать охотница
Я смолоду была.
День въ полѣ поработаешь,
Грязна домой воротишься, —
А банька-то на что̀?

Спасибо жаркой баенькѣ,
Березовому вѣничку,
Студеному ключу,—
Опять бѣла, свѣжехонька,
За прялицей съ подружками
До полночи поешь!

На парней я не вѣшалась,
Наяновъ обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личикомъ разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» Уйдетъ...

Да какъ я ихъ ни бѣгала,
А выискался суженый,
На горе — чужанинъ!
Филиппъ Карчагинъ—питерщикъ,
По мастерству печникъ.
Родительница плакала:
«Какъ рыбка въ море синее,
Юркнешь ты! Какъ соловушко,

Изъ гнѣздышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаромъ посыпана,
Не медомъ полита!
Тамъ холодно, тамъ голодно;
Тамъ холеную доченьку
Обвѣютъ вѣтры буйные,
Обгрѣютъ черны вороны,
Облаютъ псы косматые,
И люди засмѣютъ!..»
А батюшка со сватами
Подвыпилъ. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ахъ! что ты, парень, въ дѣвицѣ
Нашелъ во мнѣ хорошаго?
Гдѣ высмотрѣлъ меня?
О святкахъ ли, какъ съ горокъ я
Съ ребятами, съ подругами
Каталась, смѣючись!
Ошибся ты, отецкій сынъ!
Съ игры, съ катанья, съ бѣганья,
Съ морозу разгорѣлося
У дѣвушки лицо!
На тихой ли бесѣдушкѣ?
Я тамъ была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ!
А ты бы поглядѣлъ меня,
Какъ ленъ треплю, какъ снопики
На ригѣ молочу...
Въ дому ли во родительскомъ?..

Ахъ! кабы знать! Послала бы
Я въ городъ братца-сокола:
Милъ-братецъ! шелку, гарусу
Купи — семи цвѣтовъ,
Да гарнитуру синяго!»
Я по угламъ бы вышила
Москву, царя съ царицею,
Да Кіевъ, да Царьградъ,
А по середкѣ — солнышко,
И эту занавѣсочку
Въ окошкѣ бы повѣсила:
Авось ты заглядѣлся бы —
Меня бы промигалъ!

Всю ночку я продумала...
«Оставь», я парню молвила:
«Я въ подневолье съ волюшки,
Богъ видитъ, не пойду!»

— Такую даль мы ѣхали!
Иди, сказалъ Филипушка:
— Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дѣло дѣвка дѣлала:
На суженаго искоса
Поглядывала втай.
Пригожъ-румянъ, широкъ-могучъ,
Русъ волосомъ, тихъ говоромъ —
Палъ на сердце Филипъ!

— Ты стань-ка, добрый молодецъ,
Противъ меня прямехонько,

Стань на одной доскѣ!
Гляди мнѣ въ очи ясныя,
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтобъ жить со мной — не каяться,
А мнѣ съ тобой не плакаться...
Я вся тутъ такова!

— Небось не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться!
Филипушка сказалъ.

Пока мы торговалися,
Филипу я: «Уйди ты прочь!»
А онъ: «Иди со мной!»
Извѣстно: «Ненаглядная,
Хорошая... пригожая...»
— Ай!.. вдругъ рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи — не видѣть бы
Вовѣкъ ему Матренушки,
Да удержалъ Филипъ!
Пока мы торговалися,
Должно быть, такъ я думаю,
Тогда и было счастьице...
А больше—врядъ когда!

Я помню, ночка звѣздная,
Такая же хорошая,
Какъ и теперь, была...

Вздохнула Тимофеевна!
Ко стогу приклонилася —

Унывнымъ, тихимъ голосомъ
Пропѣла про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купецъ,
Полюбилъ меня,
Дочь крестьянскую?
Я не въ серебрѣ,
Я не въ золотѣ,
Жемчугами я
Не увѣшана!

— Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя,
Бѣлъ-крупенъ жемчугъ —
Изъ очей твоихъ
Слезы катятся...

Велѣлъ родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
Къ дубовому столу,
Съ краями чары налили:
«Бери подносъ, гостей-чужанъ
Съ поклономъ обноси!»
Впервой я поклонилася —
Вздрогнули ноги рѣзвыя;
Второй я поклонилася —
Поблекло бѣло личико;
Я въ третій поклонилася —

И волюшка скатилася
Съ дѣвичьей головы...

— Такъ значитъ: свадьба? Слѣдуетъ, —
Сказалъ одинъ изъ Губиныхъ, —
Поздравить молодыхъ.

— Давай! Начнн съ хозяюшки.
— Пьешь водку, Тимофеевна?..

— Старухѣ—да не пить!..

ГЛАВА II.

ПѢСНЯ.

У суда стоять—
Ломитъ ноженьки;
Подъ вѣнцомъ стоять—
Голова болитъ;
Вспоминается
Пѣсня старая,
Пѣсня грозная.
На широкій дворъ
Гости въѣхали,
Молоду жену
Мужъ домой привезъ;
А роденька-то
Какъ набросится!
Деверекъ ее—
Расточихою.

А золовушка—
Щеголихою,
Свекоръ-батюшка—
Тотъ медвѣдицей,
А свекровушка—
Людоѣдицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Все, что́ въ пѣсенкѣ
Той пѣвалося,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, пѣвали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
Намъ подхватывать...

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонитъ голову на подушечку;
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ—*хоромъ*.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты—сонливая!
Встань, встань, встань,—ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонитъ голову на подушечку;
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ—*хоромъ*.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты—сонливая!
Встань, встань, встань, ты—дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
Съ дѣвичьей холи въ адъ!
Въ работу мужъ отправился,
Молчать, терпѣть совѣтовалъ:
Не плюй на раскаленное
Желѣзо—зашипитъ!
Осталась я съ золовками,
Со свекромъ, со свекровушкой;
Любить-голубить нéкому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марѳу богомольную
Работай, какъ раба;
За свекоромъ приглядывай:
Сплошаешь—у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань, и сядь съ примѣтою,
Не то свекровь обидится;

А гдѣ ихъ всѣ-то знать?
Примѣты есть хорошія,
А есть и бѣдокурныя.
Случилось такъ: свекровь
Надула въ уши свекору,
Что рожь добрѣе родится
Изъ краденыхъ сѣмянъ.
Поѣхалъ ночью Тихонычъ!
Поймали,—полумертваго
Подкинули въ сарай...

Какъ велѣно, такъ сдѣлано:
Ходила съ гнѣвомъ на̀ сердцѣ,
А лишняго не молвила
Словечка никому.
Зимой пришелъ Филиппушка,
Привезъ платочекъ шелковый
Да прокатилъ на саночкахъ
Въ Екатеринин день,—
И горя словно не было!
Запѣла, какъ пѣвала я
Въ родительскомъ дому.
Мы были однолѣточки,
Не трогай насъ—намъ весело,
Всегда у насъ лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, какъ Филиппушка,
Со свѣчкой поискать...
— Ужъ будто не колачивалъ?

Замялась Тимофеевна:
— Разъ только, тихимъ голосомъ
Промолвила она.

— За что? спросили странники.

— Ужъ будто вы не знаете,
Какъ ссоры деревенскія
Выходятъ? Къ муженьку
Сестра гостить пріѣхала,—
У ней коты разбилися.
— Дай башмаки Олёнушкѣ,
Жена! сказалъ Филипъ.
А я не вдругъ отвѣтила:
Корчагу подымала я,—
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипъ Ильичъ прогнѣвался,
Пождалъ, пока поставила
Корчагу на шестокъ,
Да хлопъ меня въ високъ!
— Ну, благо, ты пріѣхала,
И такъ походишь! молвила
Другая, незамужняя
Филипова сестра.

Филипъ подбавилъ женушкѣ.
— Давненько не видались мы,
А знать бы—такъ не ѣхать бы!
Сказала тутъ свекровь.

Еще подбавилъ Филюшка...
И все тутъ! Не годилось бы
Женѣ побои мужнины
Считать; да ужъ сказала я:
Не скрою ничего!

-- Ну, женщины! съ такими-то
Змѣями подколодными
И мертвый плеть возьметъ!

Хозяйка не отвѣтила.
Крестьяне, рады случаю,
По новой чаркѣ выпили
И хоромъ пѣсню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

*
* *

Мой постылый мужъ
Подымается,
За шелкову плеть
Принимается.

ХОРЪ.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

*
* *

Свекру-батюшкѣ
Поклонилася:
Свекоръ-батюшка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютаго!
Свекоръ-батюшка

Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить...

ХОРЪ.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула..

* * *

Свекровь-матушкѣ
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютаго!
Свекровь-матушка
Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить...

ХОРЪ.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Филиппъ на Благовѣщенье
Ушелъ, а на Казанскую
Я сына родила.
Какъ писаный былъ Дёмушка!
Краса взята у солнышка,
У снѣга бѣлизна,

У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя, —
У соболя сибирскаго,
У сокола — глаза!
Весь гнѣвъ съ души красавецъ мой
Согналъ улыбкой ангельской,
Какъ солнышко весеннее
Сгоняетъ снѣгъ съ полей...
Не стала я тревожиться,
Что̀ ни велятъ — работаю,
Какъ ни бранятъ — молчу.

Да тутъ бѣда подсунулась:
Абрамъ Гордѣичъ Ситниковъ,
Господскій управляющій,
Сталъ крѣпко докучать:
— Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...
«Отстань, безстыдникъ! ягодка
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину, —
Такъ въ избу прикатитъ!
Въ сараѣ, въ ригу спрячуся, —
Свекровь оттуда вытащитъ:
«Эй, не шути съ огнемъ!»
— Гони его, родимая,
По шеѣ! — «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я къ дѣдушкѣ:
— Что̀ дѣлать? Научи!

Изъ всей семейки мужниной
Одинъ Савелій, дѣдушка,

Родитель свекра-батюшки,
Жалѣлъ меня... Разсказывать
Про дѣда... молодцы?
— Вали всю подноготную!
Накинемъ по два снопика,
Сказали мужики.

— Ну, то-то! рѣчь особая.
Грѣхъ промолчать про дѣдушку:
Счастливецъ тоже былъ...

ГЛАВА III.

САВЕЛІЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКІЙ.

Съ большущей сивой гривою,
Чай двадцать лѣтъ не стриженой,
Съ большущей бородой,
Дѣдъ на медвѣдя смахивалъ,
Особенно какъ изъ лѣсу,
Согнувшись, выходилъ.
Дугой спина у дѣдушки.
Сначала все боялась я,
Какъ въ низенькую горенку
Входилъ онъ: ну, распрямится?
Пробьетъ дыру медвѣдище
Въ свѣтелкѣ головой!
Да распрямиться дѣдушка
Не могъ: ему ужъ стукнуло,
По сказкамъ, сто годовъ!
Дѣдъ жилъ въ особой горницѣ,
Семейки не долюбливалъ,

Въ свой уголъ не пускалъ;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменымъ, каторжнымъ»
Честилъ родной сынокъ.
Савелій не разсердится,
Уйдетъ въ свою свѣтелочку,
Читаетъ святцы, крестится,
Да вдругъ и скажетъ весело:
«Клейменый, да не рабъ!..»
А крѣпко досадятъ ему,
Подшутитъ... «Поглядите-тко,
Къ намъ сваты!» Незамужняя
Золовушка — къ окну:
Анъ вмѣсто сватовъ — нищіе!
Изъ оловянной пуговки
Дѣдъ вылѣпилъ двугривенный,
Подбросилъ на полу —
Попался свекоръ-батюшка!
Не пьяный изъ питейнаго, —
Побитый приплелся!
Сидятъ, молчатъ за ужиномъ:
У свекра бровь разсѣчена,
У дѣда, словно радуга,
Усмѣшка на лицѣ.

Съ весны до поздней осени
Дѣдъ бралъ грибы да ягоды,
Силочки становилъ
На глухарей да рябчиковъ,
А зиму разговаривалъ
На печкѣ самъ съ собой.
Имѣлъ слова любимыя
И выпускалъ ихъ дѣдушка

По слову черезъ часъ

. . . .

«Погибшіе... пропащіе...»

. . . .

«Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать!»

. . . .

«Не дотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!..»

. . . .

«Эхъ, доля святорусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его дерутъ;
Раздумается временемъ
О смерти — муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждутъ»

. . . .

«Надумалась Корёжина:
Наддай! наддай! наддай»

. . . .

И много! да забыла я...
Какъ свекоръ развоюется,
Бѣжала я къ нему.
Запремся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко
Въ вершинѣ старой яблони,
У дѣда на плечѣ
Сидитъ румяный, свѣженькій...

Вотъ разъ и говорю:
— За что̀ тебя, Савельюшка,
Зовутъ клейменымъ, каторжнымъ?

«Я каторжникомъ былъ».
— Ты, дѣдушка!
«Я, внученька!
Я въ землю нѣмца Фогеля,
Христьяна Христіаныча,
Живого закопалъ...»

— И, полно, шутить, дѣдушка!

«Нѣтъ, не шучу! Послушай-ка!»
И все мнѣ разсказалъ.

«Во времена дасюльныя
Мы были тоже барскіе,
Да только не помѣщиковъ,
Ни нѣмцевъ-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброковъ не платили мы,
А такъ, когда разсудится,
Въ три года разъ пошлемъ».

— Да какъ же такъ, Савельюшка?

«А были благодатныя
Такія времена.
Недаромъ есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года чортъ искалъ:
Кругомъ — лѣса дремучіе,
Кругомъ — болота топкія,
Ни конному проѣхать къ намъ,
Ни пѣшему пройти!

Помѣщикъ нашъ Шалашниковъ
Черезъ тропы звѣриныя
Съ полкомъ своимъ—военный былъ—
Къ намъ доступиться пробовалъ,
Да лыжи повернулъ!
Къ намъ земская полиція
Не попадала по году,—
Вотъ были времена!
А нынче—баринъ подъ бокомъ,
Дорога — скатерть-скатертью...
Тьфу! прахъ ее возьми!
Насъ только и тревожили
Медвѣди... да съ медвѣдями
Справлялись мы легко.
Съ ножищемъ да съ рогатиной
Я самъ страшнѣй сохатаго,
По заповѣднымъ тропочкамъ
Иду: «Мой лѣсъ!» кричу.
Разъ только испугался я,
Какъ наступилъ на сонную
Медвѣдицу въ лѣсу.
И то бѣжать не бросился,
А такъ всадилъ рогатину,
Что словно какъ на вертелѣ
Цыпленокъ—завертѣлася,
И часу не жила!
Спина въ то время хрустнула,
Побаливала изрѣдка,
Покуда молодъ былъ,
А къ старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очепъ я похожъ?»

— Ты началъ, такъ досказывай;
Ну, жили, — не тужили вы,
Что-жъ дальше, голова?

«По времени Шалашниковъ
Удумалъ штуку новую;
Приходитъ къ намъ приказъ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
Въ болотинѣ своей.
Была засуха сильная,
Наѣхала полиція,
Мы дань ей — медомъ, рыбою!
Наѣхала опять,
Грозитъ съ конвоемъ выправить,
Мы — шкурами звѣриными,
А въ третій мы—ничемъ!
Обули лапти старые,
Надѣли шапки рваныя,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (Въ губернскомъ городѣ
Стоялъ съ полкомъ Шалашниковъ).
«Оброкъ!»—Оброку нѣтъ!
— Хлѣба не уродилися,
Снѣточки не ловилися...
«Оброкъ!»—Оброку нѣтъ!
Не сталъ и разговаривать:
«Эй! перемѣна первая!»
И началъ насъ пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоекъ и Шалашниковъ:
Ужъ языки мѣшалися,

Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ—деретъ!
Укрѣпа богатырская—
Не розги!.. Дѣлать нечего!
Кричимъ: «Постой, дай срокъ!»
Опучи распороли мы
И барину «лобанчиковъ»
Полъ-шапки поднесли.

«Утихъ боецъ Шалашниковъ!
Такого-то горчайшаго
Поднесъ намъ травнику,
Самъ выпилъ съ нами, чокнулся
Съ Корёгой покоренною:
«Ну, благо, вы сдалися!
А то—вотъ Богъ!—рѣшился я
Содрать съ васъ шкуру на-чисто...
На барабанъ напялилъ бы
И подарилъ полку:
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
(Хохочетъ—радъ придумочкѣ)
«Вотъ былъ бы барабанъ!»

«Идемъ домой понурые... »
Два старика кряжистые
Смѣются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевыя
Домой подъ подоплёкою
Не тронуты несутъ!
Какъ уперлись: мы—нищіе,
Такъ тѣмъ и отбоярились!
Подумалъ я тогда:
Ну, ладно-жъ, черти сивые!

Впередъ не доведется вамъ
Смѣяться надо мной!
И прочимъ стало совѣстно,
На церковь побожилися:
«Впередъ не посрамимся мы,
Подъ розгами умремъ!»

«Понравились помѣщику
Корёжскіе лобанчики,
Что̀ годъ—зоветъ... деретъ...

«Отмѣнно дралъ Шалашниковъ,
А не ахти великіе
Доходы получалъ!
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливалъ,
Помалчивалъ, подумывалъ:
«Какъ ни дери, собачій сынъ,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что̀-нибудь!»
Какъ приметъ дань Шалашниковъ,
Уйдемъ—и за заставою
Подѣлимъ барыши:
«Что́ денегъ-то осталося!
Дуракъ же ты, Шалашниковъ!»
И тѣшилась надъ бариномъ
Корёга въ свой чередъ!
Вотъ были люди гордые!
А нынче дай затрещину—
Исправнику, помѣщику
Тащатъ послѣдній грошъ!

«Зато купцами жили мы...

«Подходитъ лѣто красное,
Ждемъ грамоты... Пришла...
А въ ней увѣдомленіе,
Что господинъ Шалашниковъ
Подъ Варною убитъ.
Жалѣть—не пожалѣли мы,
А пала дума на̀ сердце:
«Приходитъ благоденствію
Крестьянскому конецъ!»
И точно: небывалое
Наслѣдникъ средство выдумалъ:
Къ намъ нѣмца подослалъ.
Черезъ лѣса дремучіе,
Черезъ болота топкія
Пѣшкомъ пришелъ, шельмецъ,
Одинъ, какъ перстъ: фуражечка
Да тросточка, а въ тросточкѣ
Для уженья снарядъ.
И былъ сначала тихонькій:
«Платите, сколько можете!»
— Не можемъ ничего!
«Я барина увѣдомлю».
— Увѣдомь!.. Тѣмъ и кончилось.
Сталъ жить да поживать;
Питался больше рыбою:
Сидитъ на рѣчкѣ съ удочкой
Да самъ себя то по носу,
То по лбу—бацъ да бацъ!
Смѣялись мы: «Не любишь ты
Корёжскаго комарика...
Не любишь, нѣмчура?..»

Катается по бережку,
Гогочетъ дикимъ голосомъ,
Какъ въ банѣ на полкѣ...

«Съ ребятами, съ дѣвочками
Сдружился, бродитъ по лѣсу...
Недаромъ онъ бродилъ!
«Коли платить не можете,
Работайте?»—А въ чемъ твоя
Работа? «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лѣсъ...»
— Ну, хорошо! Рубили мы,
А нѣмчура показывалъ,
Гдѣ надобно рубить.
Глядимъ: выходитъ просѣка!
Какъ просѣку прочистили,
Къ болоту поперечины
Велѣлъ по ней возить.
Ну словомъ: спохватились мы,
Какъ ужъ дорогу сдѣлали,
Что нѣмецъ насъ поймалъ!

«Поѣхалъ въ городъ парочкой!
Глядимъ, везетъ изъ города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У нѣмца босоногаго
Дѣтишки и жена.
Повелъ хлѣбъ-соль съ исправникомъ
И съ прочей земской властію,—
Гостишекъ полонъ дворъ!

И тутъ настала каторга
Корёжскому крестьянину—
До нитки разорилъ!
А... какъ самъ Шалашниковъ!
Да тотъ былъ простъ: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьетъ.
А деньги сунь—отвалится,
Ни дать, ни взять,—раздувшійся
Въ собачьемъ ухѣ клещъ.
У нѣмца—хватка мертвая:
Пока не пуститъ по̀-міру,
Не отойдя, сосетъ!»

— Какъ вы терпѣли, дѣдушка?

«А потому терпѣли мы,
Что мы—богатыри:
Въ томъ богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужикъ—не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
Въ бою—а богатырь!

«Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы,
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней—сломилися.
А грудь? Илья-пророкъ
По ней гремитъ-катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь!

«И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутки, дѣдушка!
Сказала я.—Такого-то
Богатыря могучаго,
Чай мыши заѣдятъ!

«Не знаю я, Матренушка,
Покамѣстъ тягу страшную
Поднять-то поднялъ онъ,
Да въ землю самъ ушелъ по грудь
Съ натуги! По лицу его
Не слезы—кровь течетъ!
Не знаю, не придумаю,
Что́ будетъ? Богу вѣдомо!
А про себя скажу:
Какъ выли вьюги зимнія,
Какъ ныли кости старыя,
Лежалъ я на печи,
Полеживалъ, подумывалъ:
Куда ты, сила, дѣлася?
На что̀ ты пригодилася?
— «Подъ розгами, подъ палками
По мелочамъ ушла!»

— А что же нѣмецъ, дѣдушка?

«А нѣмецъ какъ ни властвовалъ,
Да наши топоры
Лежали—до поры!
«Осьмнадцать лѣтъ терпѣли мы.

Застроилъ нѣмецъ фабрику,
Велѣлъ колодецъ рыть.
Вдевятеромъ копали мы,—
До полдня проработали,
Позавтракать хотимъ.
Приходитъ нѣмецъ: «Только-то?...»
И началъ насъ по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А нѣмецъ насъ поругивалъ,
Да въ яму землю мокрую
Пошвыривалъ ногой.
Была ужъ яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнулъ его плечомъ,
Потомъ другой толкнулъ его,
И третій... Мы посгрудились...
До ямы два шага..
Мы слова не промолвили,
Другъ другу не глядѣли мы
Въ глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христіаныча
Поталкивали бережно
Все къ ямѣ... все на край...
И нѣмецъ въ яму бухнулся,
Кричитъ: «Веревку! лѣстницу!»
Мы девятью лопатами
Отвѣтили ему.
«Наддай!» я слово выронилъ,—
Подъ слово люди русскіе
Работаютъ дружнѣй.
«Наддай! наддай!» Такъ наддали,
Что ямы словно не было—

Сравнялася съ землей!
Тутъ мы переглянулися...»

Остановился дѣдушка.

— Что̀-жъ дальше?

«Дальше: дрянь!
Кабакъ... острогъ въ Буй-городѣ...
Тамъ я учился грамотѣ,
Пока рѣшили насъ.
Рѣшенье вышло: каторга
И плети предварительно:
Не выдрали—помазали,—
Плохое тамъ дранье!
Потомъ... бѣжалъ я съ каторги...
Поймали,—не погладили
И тутъ по головѣ.
Заводскіе начальники
По всей Сибири славятся—
Собаку съѣли драть.
Да насъ дралъ Шалашниковъ
Больнѣй—я не поморщился
Съ заводскаго дранья.
Тотъ мастеръ былъ—умѣлъ пороть!
Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
Что носится сто лѣтъ.

«А жизнь была не легкая:
Лѣтъ двадцать строгой каторги,
Лѣтъ двадцать поселенія.
Я денегъ прикопилъ;
По манифесту царскому

Попалъ опять на родину,
Пристроилъ эту горенку
И здѣсь давно живу.
Покуда были денежки,—
Любили дѣда, холили,
Теперь въ глаза плюютъ!
Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать...

Тутъ кончилъ рѣчь Савельюшка...

— Ну, что̀-жъ! сказали странники:
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!

— Невесело досказывать.
Одной бѣды Богъ миловалъ:
Холерой умеръ Ситниковъ,—
Другая подошла.

«Наддай!» сказали странники
(Имъ слово полюбилося)
И выпили винца...

ГЛАВА IV.

ДѢМУШКА.

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На деревѣ гнѣздо.
Горитъ и стонетъ дерево,

Горятъ и стонутъ птенчики!
«Ой, матушка! гдѣ ты?
А ты бы насъ похолила;
Пока не оперились мы:
Какъ крылья отростимъ,
Въ долины, въ рощи тихія
Мы сами улетимъ!»
До тла сгорѣло дерево,
До тла сгорѣли птенчики...
Тутъ прилетѣла мать.
Ни дерева... ни гнѣздышка...
Ни птенчиковъ!.. Поетъ-зоветъ...
Поетъ, рыдаетъ, кружится,
Такъ быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистятъ!..
Настала ночь, весь міръ затихъ!
Одна рыдала пташечка,
Да мертвыхъ не докликалась
До бѣлаго утра!

Носила я Демидушку
По ноженкамъ... лелѣяла...
Да взъѣлася свекровь,
Какъ зыкнула, какъ рыкнула:
«Оставь его у дѣдушки,
Не много съ нимъ пажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмѣла я,—
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
Въ тотъ годъ у насъ родилася,—
Мы землю не лѣнясь

Удобрили, ухолили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнеѣ!
Снопами нагружала я
Телѣгу со стропилами
И пѣла, молодцы.
(Телѣга нагружается
Всегда съ веселой пѣснію,
А сани — съ горькой думою!
Телѣга хлѣбъ домой везетъ,
А сани — на базаръ!)
Вдругъ стоны я услышала:
Ползкомъ ползетъ Савелій дѣдъ,
Блѣднешенекъ, какъ смерть:
«Прости, прости, Матренушка!»
И повалился въ ноженьки:
«Мой грѣхъ — не доглядѣлъ!..»

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнѣзда подъ берегомъ,
Подъ берегомъ крутымъ!
Что̀ день — то прибавляется
Вода въ рѣкѣ: зальетъ она
Дѣтенышей твоихъ.
Ой, бѣдная молодушка!
Сноха въ дому послѣдняя,
Послѣдняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишніе.
А съ глазу неразумнаго
Младенца не спускай!..

Заснулъ старикъ на солнышкѣ —
Скормилъ свиньямъ Демидушку

Придурковатый дѣдъ!..
Я клубышкомъ каталася,
Я червышкомъ свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучитъ копытами,
Чу! сбруя золоченая
Звенитъ... Еще бѣда!
Ребята испугалися,
По избамъ разбѣжалися,
У оконъ заметалися
Старухи, старики.
Бѣжитъ деревней староста
Стучитъ въ окошки палочкой,
Бѣжитъ въ поля, въ луга.
Собралъ народъ: идутъ — крехтятъ!
Бѣда! Господь прогнѣвался,
Наслалъ гостей непрошеныхъ,
Неправедныхъ судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притопталися,
Знать голодъ разобралъ!

Молитвы Іисусовой
Не сотворивъ, усѣлися
У земскаго стола,
Налой и крестъ поставили;
Привелъ нашъ попъ, отецъ Иванъ,
Къ присягѣ понятыхъ.

Допрашивали дѣдушку,
Потомъ за мной десятника

Прислали. Становой
По горницѣ похаживалъ,
Какъ звѣрь въ лѣсу порыкивалъ...
«Эй! женка! состояла ты
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Въ сожительствѣ? Винись!»
Я шепоткомъ отвѣтила:
«Обидно, баринъ, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелію
Сто лѣтъ... Чай, знаешь самъ?»
Какъ въ стойлѣ конь подкованный,
Затопалъ; о кленовый столъ
Ударилъ кулакомъ:
«Молчать! Не по согласью ли
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Убила ты дитя?..»
Владычица? что вздумали!
Чуть міроѣда этого
Не назвала я нехристемъ, —
Вся закипѣла я...
Да лѣкаря увидѣла:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивалъ онъ тутъ
Вздрогнула я, одумалась.
— Нѣтъ—говорю—я Дёмушку
Любила, берегла...
«А зельемъ не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нѣтъ! сохрани Господь!..
И тутъ я покорилася,
Я въ ноги поклонилася:
«Будь жалостливъ, будь добръ!

Вели безъ поруганія
Честному погребенію
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
Въ груди у нихъ нѣтъ душеньки,
Въ глазахъ у нихъ нѣтъ совѣсти,
На шеѣ — нѣтъ креста!

Изъ тонкой пзъ пеленочки
Повыкатили Дёмушку
И стали тѣло бѣлое
Терзать и пластовать.
Тутъ свѣту я не взвидѣла, —
Металась и кричала я:
«Злодѣи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на̀ землю, не на̀ воду,
Не на Господень храмъ!
Падите прямо на̀ сердце
Злодѣю моему!
Ты дай же, Боже-Господи!
Чтобъ тлѣнъ пришелъ на платьице,
Безумье на головушку
Злодѣя моего!
Жену ему не умную
Пошли, дѣтей — юродивыхъ!
Прими, услыши, Господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодѣя накажи!..»
— Никакъ, она помѣшана?
Сказалъ начальникъ сотскому:
— Что жъ ты не упредилъ?
Эй! не дури! связать велю!..

Присѣла я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лѣкаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартукомъ завѣшана,
Въ одной рукѣ — широкій ножъ,
Въ другой ручникъ — и кровь на немъ,
А на носу очки!
Такъ тихо стало въ горницѣ...
Начальничекъ помалчивалъ,
Поскрипывалъ перомъ;
Попъ трубочкой попыхивалъ;
Не шолохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножомъ въ сердцахъ читаете»,
Сказалъ священникъ лѣкарю,
Когда злодѣй у Дёмушки
Сердечко распласталъ.
Тутъ я опять рванулася...
«Ну, такъ и есть — помѣшана!
Связать ее!» десятнику
Начальникъ закричалъ.
Сталъ понятыхъ опрашивать:
«Въ крестьянкѣ Тимофеевой
И прежде помѣшательство
Вы примѣчали?»

— Нѣтъ!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:
— Не примѣчали, нѣтъ!
Спросили дѣда стараго:

— Не примѣчалъ! ровна была...
Одно: къ начальству кликнули, —
Пошла... а ни цѣлковика,
Ни новины, пропащая,
Съ собой я не взяла!

Заплакалъ на-взрыдъ дѣдушка.
Начальничекъ нахмурился,
Ни слова не сказалъ.
И тутъ я спохватилася:
Прогнѣвался Богъ: разуму
Лишилъ, — была готовая
Въ коробкѣ новина!
Да поздно было каяться.
Въ моихъ глазахъ по косточкамъ
Изрѣзалъ лѣкарь Дёмушку,
Цыновочкой прикрылъ.
Я словно деревянная
Вдругъ стала: заглядѣлась я,
Какъ лѣкарь руки мылъ,
Какъ водку пилъ. Священнику
Сказалъ: «Прошу покорнѣйше!»
А попъ ему: «Что просите?
Безъ прутика, безъ кнутика
Всѣ ходимъ, люди грѣшные,
На этотъ водопой!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися
(Откуда только бралися
У коршуна налетнаго
Корыстныя дѣла!),
Безъ церкви намолилися,

Безъ образа накланялись!
Какъ вихорь налеталъ —
Рвалъ бороды начальничекъ,
Какъ лютый звѣрь наскакивалъ —
Ломалъ перстни злаченые...
Потомъ онъ кушать сталъ.
Пилъ-ѣлъ, съ попомъ бесѣдовалъ.
Я слышала, какъ шопотомъ
Попъ плакался ему:
«У насъ народъ — все голь да пьянь:
За свадебку, за исповѣдь
Должаютъ по годамъ.
Несутъ гроши послѣдніе
Въ кабакъ! А благочинному
Одни грѣхи тащатъ!»
Потомъ я пѣсни слышала —
Все голоса знакомые,
Дѣвичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу, гармонія!..
И вдругъ затихло все!..
Заснула, видно, что̀ ли, я?..
Легко вдругъ стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчетъ надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И креститъ... Съ рукъ скатилися
Веревки... Я не помнила
Потомъ ужъ ничего...

Очнулась я. Темно кругомъ;
Гляжу въ окно — глухая ночь!

Да гдѣ же я? да что̀ со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни мѣсяца, ни звѣздъ.
Сплошная туча черная
Висѣла надъ деревнею.
Темны дома крестьянскіе, —
Одна пристройка дѣдова
Сіяла, какъ чертогъ.
Вошла — и все я вспомнила:
Свѣчами воску яраго
Обставленъ, среди горенки
Дубовый столъ стоялъ;
На немъ гробочекъ крохотный,
Прикрытъ камчатной скатертью,
Икона въ головахъ...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы домъ построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколушки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нѣтъ перинушки...
Ой, жестко будетъ Дёмушкѣ,
Ой, страшно будетъ спать!..»

«Уйди!..» вдругъ закричала я, —
Увидѣла я дѣдушку:
Въ очкахъ, съ раскрытой книгою,
Стоялъ онъ передъ гробикомъ,
Надъ Дёмою читалъ.
Я старика столѣтняго

Звала клейменымъ, каторжнымъ,
Гнѣвна, грозна кричала я:
«Уйди! убилъ ты Дёмушку!
Будь проклятъ ты... уйди!..»

Старикъ ни съ мѣста. Крестится,
Читаетъ... Уходилась я.
Тутъ дѣдко подошелъ:
«Зимой тебѣ, Матренушка,
Я жизнь мою разсказывалъ,
Да разсказалъ не все:
Лѣса у насъ огромные,
Озера нелюдимыя,
Народъ у насъ дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медвѣдя рѣжь рогатиной,
Сплошаешь — самъ пропалъ!
А господинъ Шалашниковъ
Съ своей воинской силою?
А нѣмецъ-душегубъ?
Потомъ острогъ да каторга...
Окаменѣлъ я, внученька,
Лютѣе звѣря былъ.
Сто лѣтъ зима безсмѣнная
Стояла. Растопилъ ее
Твой Дёма-богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Дёмушка...
И я ему въ отвѣтъ!
Со мною чудо сталося:
Третьево-дня прицѣлился
Я въ бѣлку: на суку

Качалась бѣлка... лапочкой,
Какъ кошка, умывалася...
Не выпалилъ: живи!
Брожу по рощамъ, по̀ лугу,
Любуюсь каждымъ цвѣткомъ,
Иду домой, — опять
Смѣюсь, играю съ Дёмушкой...
Богъ видитъ, какъ я малаго
Младенца полюбилъ!
И я же, по грѣхамъ моимъ,
Сгубилъ дитя невинное...
Кори, казни меня!
А съ Богомъ спорить нѐчего.
Стань! помолись за Дёмушку!
Богъ знаетъ, что̀ творитъ:
Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дѣдушка
О горькой долѣ пахаря
Съ тоскою говорилъ...
Случись купцы московскіе,
Вельможи государевы,
Самъ царь случись: не надо бы
Ладнѣе говорить!

«Теперь въ раю твой Дёмушка,
Легко ему, свѣтло ему...»

Заплакалъ старый дѣдъ.

— Я не ропщу, сказала я,
Что Богъ прибралъ младенчика,
А больно то, зачѣмъ они
Ругалися надъ нимъ?

Зачѣмъ, какъ черны вòроны,
На части тѣло бѣлое
Терзали?.. Неужли
Ни Богъ, ни царь не вступится?..

«Высоко Богъ, далеко царь...»
— Нужды нѣтъ: я дойду!

«Ахъ! что̀ ты? что̀ ты, внученька?
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Намъ правды не найти».

— Да почему же, дѣдушка?

«Ты — крѣпостная женщина!»
Савельюшка сказалъ.

Я долго, горько думала...
Громъ грянулъ, окна дрогнули,
И я вздрогнула... Къ гробику
Подвелъ меня старикъ:
«Молись, чтобъ къ лику ангеловъ
Господь причислилъ Дёмушку!»
И далъ мнѣ въ руки дѣдушка
Горящую свѣчу.

Всю ночь до свѣту бѣлаго
Молилась я, а дѣдушка
Протяжнымъ, ровнымъ голосомъ
Надъ Дёмою читалъ...

ГЛАВА V.

ВОЛЧИЦА.

Ужъ двадцать лѣтъ, какъ Дёмушка
Дерновымъ одѣялечкомъ
Прикрытъ, — все жаль сердечнаго!
Молюсь о немъ, въ ротъ яблока
До Спаса не беру.
Не скоро я оправилась.
Ни съ кѣмъ не говорила я,
А старика Савелія
Я видѣть не могла.
Работать — не работала...
Надумалъ свекоръ-батюшка
Возжами поучить,
Такъ я ему отвѣтила:
«Убей!» Я въ ноги кланялась:
«Убей! одинъ конецъ!»
Повѣсилъ возжи батюшка...
На Дёминой могилочкѣ
Я день и ночь жила.
Платочкомъ обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорѣе поросла:
Молилась за покойничка,
Тужила по родителямъ:
Забыли дочь свою!
Собакъ моихъ боитеся,
Семьи моей стыдитеся?
— Ахъ, нѣтъ, родная, нѣтъ
Собакъ твоихъ не боязно,
Семьи твоей не совѣстно,

А ѣхать сорокъ верстъ, —
Свои бѣды разсказывать,
Твои бѣды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы пріѣхали,
Да ту мы думу думали:
Пріѣдемъ — ты расплачешься,
Уѣдемъ — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я съ мужемъ подѣлилася,
Въ Савельевой пристроечкѣ
Тужили мы вдвоемъ.

— Что-жъ, умеръ, что ли, дѣдушка?

— Нѣтъ. Онъ въ своей коморочкѣ
Шесть дней лежалъ безвыходно,
Потомъ ушелъ въ лѣса;
Такъ пѣлъ, такъ плакалъ дѣдушка,
Что лѣсъ стоналъ! А осенью
Ушелъ на покаяніе
Въ Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
Съ Филиппомъ побывала я,
За дѣло принялась.
Три года, такъ считаю я,
Недѣля за недѣлею
Однимъ порядкомъ шли.
Что годъ, то дѣти: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Богъ съ работой справиться
Да лобъ перекрестить.

Поѣшь — когда останется
Отъ старшихъ, да отъ дѣточекъ,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
Къ кому оно привяжется,
До смерти не избыть!
Впереди летитъ — яснымъ соколомъ,
Позади летитъ — чернымъ ворономъ,
Впереди летитъ — не укатится,
Позади летитъ — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темныя,
Слыхали вѣтры буйные
Сиротскую печаль,
А вамъ нѣтъ нужды сказывать...
На Дёмину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянномъ крестикѣ
Складная, золоченая
Икона. Передъ ней
Я старца распростертаго
Увидѣла. — Савельюшка!
Откуда ты взялся?

— «Пришелъ я изъ Песочнаго...
Молюсь за Дёму бѣднаго.
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелій кланялся),

Чтобъ сердце гнѣвной матери
Смягчилъ Господь... Прости!»

— Давно простила, дѣдушка!

Вздохнулъ Савелій... «Внученька!
А, внученька!» — Что̀, дѣдушка?
«Попрежнему взгляни!»

Взглянула я попрежнему.
Савельюшка засматривалъ
Мнѣ въ очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсѣмъ сталъ бѣлый дѣдушка...
Я обняла старинушку.
И долго у креста
Сидѣли мы и плакали.
Я дѣду горе новое
Повѣдала свое...

Недолго прожилъ дѣдушка.
По осени у стараго
Какая-то глубокая
На шеѣ рана сдѣлалась,
Онъ трудно умиралъ:
Сто дней не ѣлъ; хирѣлъ да сохъ,
Самъ надъ собой подтрунивалъ:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжскаго,
Костлявый, я похожъ?»
То добрый былъ, сговорчивый,
То злился, привередничалъ,
Пугалъ насъ: «Не паши,
Не сѣй, крестьянинъ! Сгорбившись,

За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Какъ вы ни бейтесь, глупые,
Что̀ на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ, да каторга,
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая — шелку краснаго,
А третья — шелку чернаго:
Любую выбирай,
Въ любую полѣзай!..»
Такъ засмѣялся дѣдушка,
Что всѣ въ коморкѣ вздрогнули, —
И къ ночи умеръ онъ.
Какъ приказалъ — исполнили:
Зарыли рядомъ съ Дёмою...
Онъ жилъ сто семь годовъ.

———

Четыре года тихіе,
Какъ близнецы похожіе,
Прошли потомъ... Всему
Я покорилась: первая
Съ постели Тимофеевна,
Послѣдняя — въ постель;
За всѣхъ, про всѣхъ работаю, —
Съ свекрови, съ свекра пьянаго,
Съ золовушки бракованой
Снимаю сапоги...
Лишь дѣточекъ не трогайте,
За нихъ горой стояла я...

Случилось, молодцы,
Зашла къ намъ богомолочка;
Сладкорѣчивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила насъ угодница,
По праздникамъ къ заутрени
Будила... а потомъ
Потребовала странница,
Чтобъ грудью не кормили мы
Дѣтей по постнымъ днямъ.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середамъ, по пятницамъ
Кричатъ! Иная мать
Сама надъ сыномъ плачущимъ
Слезами заливается:
И Бога-то ей боязно,
И дитятко-то жаль!
Я только не послушалась, —
Судила я по-своему:
Коли терпѣть, такъ матери!
Я передъ Богомъ грѣшница,
А не дитя мое!

Да, видно, Богъ прогнѣвался!
Какъ восемь лѣтъ исполнилось
Сыночку моему,
Въ подпаски свекоръ сдалъ его.
Однажды жду Ѳедотушку —
Скотина ужъ пригналася —
На улицу иду.
Тамъ видимо-невидимо

Народу! Я прислушалась
И бросилась въ толпу.
Гляжу, Ѳедота блѣднаго
Силантій держитъ за ухо.
— Что̀ держишь ты его?
«Посѣчь хотимъ маненичко:
Овечками прикармливать
Надумалъ онъ волковъ!»
Я вырвала Ѳедотушку,
Да съ ногъ Силантья старосту
И сбила невзначай.

Случилось дѣло дивное:
Пастухъ ушелъ; Ѳедотушка
При стадѣ былъ одинъ.
«Сижу я — такъ разсказывалъ
Сынокъ мой — на пригорочкѣ.
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная —
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней;
Кричу, кнутищемъ хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бѣгать молодецъ,
Да гдѣ бы окаянную
Нагнать, кабы не щонная:
У ней сосцы волочились,
Кровавымъ слѣдомъ, матушка,
За нею я гнался!

— «Пошла потише, сѣрая,
Идетъ, идетъ, — оглянется,
А я какъ припущу!

И сѣла... Я кнутомъ ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдаетъ, сидитъ...
Я не сробѣлъ: «Такъ вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвалъ... Ничего —
Не укусила, сѣрая:
Сама едва живехонька!
Зубами только щелкаетъ,
Да дышитъ тяжело.
Подъ ней рѣка кровавая,
Сосцы травой изрѣзаны,
Всѣ ребра на счету!
Глядитъ, поднявши голову,
Мнѣ въ очи... и завыла вдругъ!
Завыла, какъ заплакала...
Пощупалъ я овцу:
Овца была ужъ мертвая...
Волчица такъ ли жалобно
Глядѣла, выла... Матушка!
Я бросилъ ей овцу!..»

Такъ вотъ что̀ съ парнемъ сталося.
Пришелъ въ село, да, глупенькій,
Все самъ и разсказалъ:
За то и сѣчь надумали.
Да, благо, подоспѣла я...
Силантій осерчалъ,
Кричитъ: «Чего толкаешься?
Самой подъ розги хочется?»
А Марья, — та свое:
«Дай, пусть проучатъ глупаго!»

И рветъ изъ рукъ Өедотушку.
Өедотъ, какъ листъ, дрожитъ.

Трубятъ рога охотничьи, —
Помѣщикъ возвращается
Съ охоты. Я къ нему:
— Не выдай! Будь заступникомъ!
«Въ чемъ дѣло?» Кликнулъ старосту
И мигомъ порѣшилъ:
«Подпаска малолѣтняго
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примѣрно наказать!»
«Ай, баринъ!» Я подпрыгнула:
«Освободилъ Өедотушку!
Иди домой, Өедотъ!»

— Исполнимъ повелѣнное!
Сказалъ мірянамъ староста:
— Эй! погоди плясать!

Сосѣдка тутъ подсунулась:
— А ты бы въ ноги старостѣ...

«Иди домой, Өедотъ!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Изъ пѣсни слово выкинуть,
Такъ пѣсня вся нарушится.
Легла я, молодцы...

. . . .

Въ Ѳедотову коморочку,
Какъ кошка, я прокралася:
Спитъ мальчикъ, бредитъ, мечется;
Одна ручонка свѣсилась,
Другая на глазу
Лежитъ, въ кулакъ зажатая:
Ты плакалъ, что ли, бѣдненькій?
Спи. Ничего! я тутъ!
Тужила я по Дёмушкѣ,
Какъ имъ была беременна —
Слабенекъ родился;
Однако, вышелъ умница:
На фабрикѣ Алферова
Трубу такую вывели
Съ родителемъ, что страсть!
Всю ночь надъ нимъ сидѣла я,
Я пастушка любезнаго
До солнца подняла,
Сама обула въ лапотки,
Перекрестила, шапочку,
Рожокъ и кнутъ дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на рѣчку быструю,
Избрала я мѣсто тихое
У ракитова куста,
Сѣла я на сѣрый камушекъ,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступникъ батюшка!

Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нѣтъ великой оборонушки!
Рано гостья безподсудная,
Безплемянная, безродная
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку, —
Отзывались вѣтры буйные,
Откликались горы дальнія,
А родная не пришла!
День деннà моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла въ безповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда вѣтеръ не доносится,
Не дорыскиваетъ звѣрь...

Нѣтъ великой оборонушки:
Кабы знали вы, да вѣдали,
На кого вы дочь покинули,
Чтò безъ васъ я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — какъ травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гнѣвное ношу!..

ГЛАВА VI.

ТРУДНЫЙ ГОДЪ.

Въ тотъ годъ необычайная
Звѣзда играла на небѣ;
Одни судили такъ:
Господь по небу шествуетъ,
И ангелы Его
Метутъ метлою огненной
Передъ стопами Божьими
Въ небесномъ полѣ путь;
Другіе то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли бѣду.
Сбылось: пришла безхлѣбица!
Братъ брату не уламывалъ
Куска! Былъ страшный годъ...
Волчицу ту Ѳедотову
Я вспомнила — голодную:
Похожа съ ребятишками
Я на нее была!
Да тутъ еще свекровушка
Примѣтой прислужилася:
Сосѣдкамъ наплела,
Что я бѣду накликала.
А чѣмъ? *Рубаху чистую*
Надѣла въ Рождество.
За мужемъ, за заступникомъ,
Я дешево отдѣлалась;
А женщину одну
Никакъ за то же самое
Убили нà смерть кольями:
Съ голоднымъ не шути!..

Одной бѣдой не кончилось:
Чуть справились съ безхлѣбицей, —
Рекрутчина пришла.
Да я не безпокоилась:
Ужъ за семью Филипову
Въ солдаты братъ ушелъ.
Сижу одна, работаю,
И мужъ, и оба деверя
Уѣхали съ утра;
На сходку свекоръ-батюшка
Отправился, а женщины
Къ сосѣдкамъ разбрелись.
Мнѣ крѣпко нездоровилось, —
Была я Ліодорушкой
Беременна: послѣдніе
Дохаживала дни.
Управившись съ ребятами,
Въ большой избѣ подъ шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы къ вечеру,
Нѣтъ только свекра-батюшки, —
Ждутъ ужинать его.
Пришелъ: «Охъ-охъ! умаялся,
А дѣло не поправилось...
Пропали мы, жена!
Гдѣ видано, гдѣ слыхано:
Давно ли взяли старшаго,
Теперь меньшого дай!
Я по годамъ высчитывалъ,
Я міру въ ноги кланялся,
Да міръ у насъ какой?
Просилъ бурмистра: божится,
Что жаль, да дѣлать нечего!

И писаря просилъ,
Да правды изъ мошенника
И топоромъ не вырубишь,
Что тѣни изъ стѣны!
Задаренъ... всѣ задарены...
Сказать бы губернатору,
Такъ онъ бы задалъ имъ!
Всего и попросить-то бы,
Чтобъ онъ по нашей волости
Очередныя росписи
Повѣрить повелѣлъ.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнемъ горю,
Горю... Богъ вѣсть, что̀ думаю...
Не дума... бредъ... Голодныя
Стоятъ сиротки-дѣточки
Передо мной... Неласково
Глядитъ на нихъ семья:
Они въ дому шумливыя,
На улицѣ драчливыя,
Обжоры за столомъ...
И стали ихъ пощипывать,
Въ головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

. . . .

Теперь ужъ я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одёжѣ и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано

Горючихъ слезъ, засѣяно
Три полосы бѣдой!

. . . .

Теперь, какъ виноватая,
Стою передъ сосѣдями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива;
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Какъ жить самой? Какъ дѣточекъ
Поить, кормить, ростить?..

. . . .

Послала дѣтокъ по̀ міру:
Просите, дѣтки, ласкою,
Не смѣйте воровать!
А дѣти въ слезы: «Холодно!
На насъ одёжа рваная,
Съ крылечка на крылечко-то
Устанемъ мы ступать;
Подъ окнами натопчемся,
Иззябнемъ... У богатаго
Намъ боязно просить.
«Богъ дастъ!» отвѣтятъ бѣдные...
Ни съ чѣмъ домой воротимся —
Ты станешь насъ бранить!..»

. . . .

Собрала ужинъ; матушку
Зову, золовокъ, деверя,
Сама стою голодная
У двери, какъ раба.
Свекровь кричитъ: «Лукавая!

Въ постель скорѣй торопишься?»
А деверь говоритъ:
«Немного ты работала:
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Какъ солнышко зайдетъ!»

. . . .

Получше нарядилась я,
Пошла я въ церковь Божію,
Смѣхъ слышу за собой!

. . . .

Хорошо не одѣвайся,
До бѣла не умывайся:
У сосѣдокъ очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смѣйся,
Не поплачь съ тоски!

. . . .

Пришла зима безсмѣнная,
Поля, луга зеленые
Попрятались подъ снѣгъ.
На бѣломъ, снѣжномъ саванѣ
Ни талой нѣтъ талиночки —
Нѣтъ у солдатки-матери
Во всемъ мірѣ дружка!
Съ кѣмъ думушку подумати?
Съ кѣмъ словомъ перемолвиться?
Какъ справиться съ убожествомъ?
Куда обиду сбыть?
Въ лѣса — лѣса повяли бы,
Въ луга — луга сгорѣли бы!

Во быструю рѣку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бѣдная,
Съ собой ее по гробъ!

. . . .

Нѣтъ мужа, нѣтъ заступника!
Чу, барабанъ! Солдатики
Идутъ... Остановилися...
Построились въ ряды.
«Живѣй!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемѣна первая!»
Шалашниковъ кричитъ.
Упалъ Филиппъ: — Помилуйте!
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрѣпа богатырская,
Не розги у меня!..!»

. . . .

И тутъ я съ печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Все тихо, спитъ семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла... Ночь морозная...
Изъ Домнипой избы,
Гдѣ парни деревенскіе
И дѣвки собиралися,
Гремѣла пѣсня складная,
Любимая моя...

«На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.

Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдемъ домой!
Ефимовна, пойдемъ домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
Машенька, пойдемъ домой,
Душа, Ефимовна, пойдемъ домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть».

ГЛАВА VII.

ГУБЕРНАТОРША.

Почти бѣгомъ бѣжала я
Черезъ деревню, — чудилось,
Что съ пѣсней парни гонятся
И дѣвицы за мной.
За Клиномъ оглядѣлась я:
Равнина бѣлоснѣжная,
Да небо съ яснымъ мѣсяцемъ,
Да я, да тѣнь моя...
Не жутко и не боязно
Вдругъ стало, — словно радостью
Такъ и взмывало грудь...
Спасибо вѣтру зимнему!
Онъ, какъ водой студеною,
Больную напоилъ:
Обвѣялъ буйну голову,
Разсѣялъ думы черныя,
Разсудокъ воротилъ.
Упала на колѣни я:
«Открой мнѣ, Матерь Божія,
Чѣмъ Бога прогнѣвила я?
Владычица! во мнѣ
Нѣтъ косточки неломаной,
Нѣтъ жилочки нетянутой,
Кровинки нѣтъ непорченой —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богомъ данную,
Въ работу полагаю я,
Всю въ дѣточекъ любовь!
Ты видишь все, Владычица,

Ты можешь все, Заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться въ ночь морозную
Подъ звѣзднымъ небомъ Божіимъ
Люблю я съ той поры.
Бѣда пристигнетъ — вспомните
И женамъ посовѣтуйте:
Усерднѣй не помолишься
Нигдѣ и никогда.
Чѣмъ больше я молилася,
Тѣмъ легче становилося
И силы прибавлялося,
Чѣмъ чаще я касалася
До бѣлой снѣжной скатерти
Горящей головой...

Потомъ — въ дорогу тронулась.
Знакомая дороженька!
Ѣзжала я по ней.
Поѣдешь раннимъ вечеромъ,
Такъ утромъ вмѣстѣ съ солнышкомъ
Поспѣешь на базаръ.
Всю ночь я шла, не встрѣтила
Живой души; подъ городомъ
Обозы начались,
Высокіе, высокіе
Возы сѣнца крестьянскаго...
Жалѣла я коней:
Свои кормы законные
Везутъ съ двора, сердечные,
Чтобъ послѣ голодать.
И такъ-то все, я думала:

Рабочій конь солому ѣстъ,
А пустоплясъ — овесъ!
Нужда съ кулемъ тащилася, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждутъ!
Съ посада подгороднаго
Торговцы-колотырники
Бѣжали къ мужикамъ:
Божба, обманъ, ругательство!

Ударили къ заутрени,
Какъ въ городъ я вошла.
Ищу соборной площади!
Я знала: губернаторскій
Дворецъ на площади.
Темна, пуста площадочка,
Передъ дворцомъ начальника
Шагаетъ часовой.

— Скажи, служивый, рано ли
Начальникъ просыпается?
«Не знаю. Ты иди!
Намъ говорить не велѣно!»
(Дала ему двугривенный):
«На то у губернатора
Особый есть швейцаръ».
— А гдѣ онъ? какъ назвать его?
«Макаромъ Ѳедосѣичемъ...
На лѣстницу поди!»
Пошла, да двери заперты;
Присѣла я, задумалась,
Ужъ начало свѣтать.
Пришелъ фонарщикъ съ лѣстницей,

Два тусклые фонарика
На площади задулъ.

«Эй! что̀ ты тутъ разсѣлася?»

Вскочила, испугалась я:
Въ дверяхъ стоялъ въ халатикѣ
Плѣшивый человѣкъ.
Скоренько я цѣлковенькій
Макару Ѳедосѣичу
Съ поклономъ подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

«Пускать-то васъ не велѣно,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Такъ... черезъ два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоитъ изъ мѣди кованый,
Точь-въ-точь Савелій дѣдушка,
Мужикъ на площади.
— Чей памятникъ? «Сусанина».
Я передъ нимъ помѣшкала,
На рынокъ побрела.
Тамъ крѣпко испугалась я,
Чего? Вы не повѣрите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый сѣрый селезень,
Сталъ парень догонять его, —

А онъ какъ закричитъ!
Такой былъ крикъ, что за душу
Хватилъ — чуть не упала я:
Такъ подъ ножомъ кричатъ!
Поймали! Шею вытянулъ
И зашипѣлъ съ угрозою,
Какъ будто думалъ повара,
Бѣдняга, испугать.
Я прочь бѣжала, думала:
Утихнетъ сѣрый селезень
Подъ поварскимъ ножомъ!

Теперь дворецъ начальника
Съ балкономъ, съ башней, съ лѣстницей,
Ковромъ богатымъ устланной,
Весь сталъ передо мной.
На окна поглядѣла я:
Завѣшаны... «Въ которомъ-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какіе видишь сны?..»
Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я въ швейцарскую...

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалася:
Макара Ѳедосѣича
Я не узнала: выбрился,
Надѣлъ ливрею шитую,
Взялъ въ руки булаву,
Какъ не бывало лысины.
Смѣется. — «Что ты вздрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусь! Богъ милостивъ!
Ты дай еще цѣлковенькой,
Увидишь — удружу!»

Дала еще цѣлковенькой.

«Пойдемъ въ мою коморочку,
Попьешь пока чайку!»

Коморочка подъ лѣстницей:
Кровать да печь желѣзная,
Шандалъ да самоваръ;
Въ углу лампада теплится,
А по стѣнѣ картиночки.
«Вотъ онъ!» сказалъ Макаръ:
«Его превосходительство!»
И щелкнулъ пальцемъ браваго
Военнаго въ звѣздахъ.

— Да добрый ли? спросила я.

«Какъ стихъ найдетъ! Сегодня вотъ
Я тоже добръ, а временемъ
Какъ песъ бываю золъ».

— Скучаешь, видно, дядепька?
«Нѣтъ, тутъ статья особая,
Не скука тутъ — война!
И Самъ, и люди вечеромъ
Уйдутъ, а къ Ѳедосѣичу
Въ коморку врагъ: «Поборемся!»
Борюсь я десять лѣтъ.
Какъ выпьешь рюмку лишнюю,

Махорки какъ накуришься,
Какъ эта печь накалится,
Да свѣчка нагоритъ —
Такъ тутъ устой!..»

Я вспомнила
Про богатырство дѣдово:
— Ты, дядюшка, — сказала я,
Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
А силой тотъ не хвастайся,
Кто сна не поборалъ!»
Въ коморку постучалися, —
Макаръ ушелъ... Сидѣла я,
Ждала; ждала, соскучилась, —
Пріотворила дверь.
Къ крыльцу карету подали.
— Самъ ѣдетъ? «Губернаторша!»
Отвѣтилъ мнѣ Макаръ
И бросился на лѣстницу.
По лѣстницѣ спускалася
Въ собольей шубѣ барыня,
Чиновничекъ при ней.

Не знала я, что̀ дѣлала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Какъ брошусь я
Ей въ ноги: «Заступись!
Обманомъ, не по-божески
Кормильца и родителя
У дѣточекъ берутъ!»

— Откуда ты, голубушка?

Впопадъ ли я отвѣтила —
Не знаю... Мука смертная
Подъ сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
Въ богатой свѣтлой горницѣ,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня — кормилица,
Нарядная, въ кокошникѣ,
Съ ребеночкомъ сидитъ:
— Чье дитятко, красавица?
«Твое!» — Поцѣловала я
Рожоное дитя...

Какъ въ ноги губернаторшѣ
Я пала, какъ заплакала,
Какъ стала говорить, —
Сказалась усталь долгая,
Истома непомѣрная,
Упередилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторшѣ,
Еленѣ Александровнѣ:
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Ліодорушка —
Младенцу избрала...

— «А что же съ мужемъ сталося?»

— Послали въ Клинъ нарочнаго,
Всю истину довѣдали —
Филиппушку спасли.

Елена Александровна
Ко мнѣ его, голубчика,
Сама — дай Богъ ей счастія! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А дѣтокъ не далъ Богъ!
Пока у ней гостила я,
Все время съ Ліодорушкой
Носилась, какъ съ роднымъ.
Весна ужъ начиналася,
Березка распускалася,
Какъ мы домой пошли...

Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божіемъ!
Хорошо, легко,
Ясно на сердцѣ.

Мы идемъ, идемъ —
Остановимся,
На лѣса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаемъ,
Какъ шумятъ-бѣгутъ
Воды вешнія,
Какъ поетъ-звенитъ
Жавороночекъ!
Мы стоимъ, глядимъ...
Очи встрѣтятся —
Усмѣхнемся мы,
Усмѣхнется намъ
Ліодорушка.

А увидимъ мы
Старца нищаго,
Подадимъ ему
Мы копѣечку...
«Не за насъ молись»,
Скажемъ старому:
«Ты молись, старикъ,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидимъ мы
Церковь Божію,
Передъ церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, Господи,
Радость-счастіе,
Доброй душенькѣ
Александровнѣ!»

Зеленѣетъ лѣсъ,
Зеленѣетъ лугъ,
Гдѣ низиночка —
Тамъ и зеркало!
Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божіемъ,
Хорошо, легко
Ясно на сердцѣ.
По водамъ плыву
Бѣлымъ лебедемъ,
По степямъ бѣгу —
Перепелочкой.

Прилетѣла въ домъ
Сизымъ голубемъ...
Поклонился мнѣ
Свекоръ-батюшка;
Поклонилася
Мать-свекровушка;
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что̀ скажу я вамъ:
Тому кланяться,
Кто сильнѣй меня, —
Кто добрѣй меня,
Тому славу пѣть.
Кому славу пѣть?
Губернаторшѣ!
Доброй душенькѣ
Александровнѣ!

ГЛАВА VIII.

БАБЬЯ ПРИТЧА.

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чаркѣ осушить...
И, видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,

Къ ней подошли гуськомъ:
— Что̀-жъ дальше?
— Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену съ той поры...
Что̀ дальше? Домомъ правлю я,
Рощу дѣтей... На радость ли?
Вамъ тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянскіе
Порядки нескончаемы, —
Ужъ взяли одного!

Красивыми рѣсницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспѣшно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мѣшкали,
Шептались. — Ну, хозяюшка!
Что̀ скажешь намъ еще?

— А то, что вы затѣяли
Не дѣло — между бабами
Счастливую искать!

— Да все ли разсказала ты?

— Чего же вамъ еще?
Не то ли вамъ разсказывать,
Что дважды погорѣли мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посѣтилъ,
Потуги лошадиныя
Несли мы; погуляла я,
Какъ меринъ, въ боронѣ!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вамъ еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумѣла я, —
Простите, молодцы!
Не горы съ мѣста сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Богъ стрѣлой громовою
Во гнѣвѣ грудь пронзилъ:
По мнѣ, — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Какъ по змѣѣ растоптанной,
Кровь первенца прошла;
По мнѣ обиды смертныя
Прошли не отплачоныя,
И плеть по мнѣ прошла!..
Я только не отвѣдала —
Спасибо! умеръ Ситниковъ —
Стыда неискупимаго,
Послѣдняго стыда!
А вы — за счастьемъ сунулись:
Обидно, молодцы!
Идите вы къ чиновнику,
Къ вельможному боярину,
Идите вы къ царю,
А женщинъ вы не трогайте!
Вотъ Богъ! ни съ чѣмъ проходите
До гробовой доски!

Къ намъ на ночь попросилася
Одна старушка Божія:
Вся жизнь убогой старицы —
Убійство плоти, постъ;
У гроба Іисусова
Молилась, на Ѳаворскія
Всходила высоты,
Въ Іордань-рѣкѣ купалася...
И та святая старица
Разсказывала мнѣ:
«Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У Бога Самого!
Отцы-пустынножители
И жены непорочныя
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ — не найдутъ!
Пропали! Думать надобно,
Сглонула рыба ихъ...
Въ веригахъ, изможденные,
Голодные холодные,
Прошли Господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвовъ выспрашивать
И по звѣздамъ высчитывать
Пытались — нѣтъ ключей!
Весь Божій міръ изъвѣдали,
Въ горахъ, въ подземныхъ пропастяхъ
Искали... Наконецъ
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоцѣнимые,
А все — не тѣ ключи!

Пришлись они, — великое
Избраннымъ людямъ Божіимъ
То было торжество, —
Пришлись къ рабамъ-невольникамъ:
Темницы растворилися,
По міру вздохъ прошелъ,
Такой ли громкій, радостный!..
А къ нашей женской волюшкѣ
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Великіе сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Подъ небо подымаются —
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Да врядъ они сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи тѣ заповѣдные,
Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ — Богъ забылъ!

1873 г.

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІРЪ.

Изъ четвертой части.

Посвящается Сергѣю Петровичу Боткину.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ концѣ села Вахлачина,
Гдѣ житель — пахарь изстари
И частью смолокуръ,
Подъ старой-старой ивою,
Свидѣтельницей скромною
Всей жизни вахлаковъ,
Гдѣ праздники справляются,
Гдѣ сходки собираются,

Гдѣ днемъ сѣкутъ, а вечеромъ
Цѣлуются, милуются —
Шелъ пиръ, великій пиръ!
Орудовать по-питерски
Привыкшій дѣло всякое
Знакомецъ нашъ Климъ Яковличъ,
Видавшій благородные
Пиры съ рѣчами, спичами, —
Затѣйщикъ пира былъ.
На бревна, тутъ лежавшія,
На срубъ избы застроенной
Усѣлись мужики;
Тутъ тоже наши странники
Сидѣли съ Власомъ-старостой
(Имъ дѣло до всего).
Какъ только пить надумали,
Власъ сыну-малолѣточку
Вскричалъ: «Бѣги за Трифономъ!»
Съ дьячкомъ приходскимъ Трифономъ,
Гулякой, кумомъ старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Савушка
И Гриша; было старшему
Ужъ девятнадцать лѣтъ:
Теперь же протодьякономъ
Смотрѣлъ; а у Григорія
Лицо худое, блѣдное
И волосъ тонкій, вьющійся,
Съ оттѣнкомъ красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сѣяли
И пили водку въ праздники
Съ крестьянствомъ наравнѣ.

Тотчасъ же за селеніемъ
Шла Волга, а за Волгою
Былъ городъ небольшой
(Сказать точнѣе, города
Въ ту пору тѣни не было,
А были головни:
Пожаръ все снесъ третьеводни):
Такъ люди мимоѣзжіе,
Знакомцы вахлаковъ,
Тутъ тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищіе,
И тараторка-странница,
И тихій богомолъ.
Въ день смерти князя стараго
Крестьяне не предвидѣли,
Что не луга поёмные,
А тяжбу наживутъ,
И, выпивъ по стаканчику,
Первѣй всего заспорили:
Какъ имъ съ лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмѣряна
Землицей; попадаются
Углы благословенные,
Гдѣ ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Невѣдѣньемъ помѣщика,
Живущаго вдали,
Ошибкою посредника
А чаще изворотами
Крестьянъ-руководителей

Въ надѣлъ крестьянамъ изрѣдка
Попало и лѣску.
Тамъ гордъ мужикъ; попробуй-ка
Въ окошко стукнуть староста
За податью — осердится!
Одинъ отвѣтъ до времени:
«А ты лѣску подай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поёмные
Сдать старостѣ — на подати:
Все взвѣшено, разсчитано,
Какъ-разъ — оброкъ и подати,
Съ излишкомъ. — Такъ ли, Власъ?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь съ бабою,
Не то — иду въ кабакъ!

«Такъ!» Вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: «На подати!
Согласенъ, дядя Власъ?»

— У Клима рѣчь короткая
И ясная, какъ вывѣска,
Зовущая въ кабакъ.
Сказалъ шутливо староста:
— Начнетъ Климаха бабою,
А кончитъ — кабакомъ.

— «А чѣмъ же? не острогомъ же
Кончать-то? Дѣло вѣрное,

Не каркай, порѣши!»
Но Власу не до карканья.
Власъ былъ душа добрѣйшая,
Болѣлъ за всю Вахлачину,
Не за одну семью.
Служа при строгомъ баринѣ,
Несъ тяготу на совѣсти
Невольнаго участника
Жестокостей его.
Какъ молодъ былъ, ждалъ лучшаго,
Да вѣчно такъ случалося,
Что лучшее кончалося
Ничѣмъ или бѣдой:
И сталъ бояться новаго,
Богатаго посулами,
Невѣрующій Власъ.
Не столько въ Бѣлокаменной
По мостовой проѣхано,
Какъ по душѣ крестьянина
Прошло обидъ... до смѣху ли?...
Власъ вѣчно былъ угрюмъ.
А тутъ — сплошалъ старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Безъ барщины... безъ подати...
Безъ палки... Правда ль, Господи?»
И улыбнулся Власъ.
Такъ солнце съ неба знойнаго
Въ лѣсную глушь дремучую
Забросить лучъ — и чудо тамъ:
Роса горитъ алмазами,
Позолотился мохъ.

«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не въ мѣру было весело:
У каждаго въ груди
Играло чувство новое,
Какъ будто выносила ихъ
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свѣтъ, гдѣ нескончаемый
Имъ уготованъ пиръ!
Еще ведро поставили,
Галдѣнье непрерывно
И пѣсни начались.
Какъ, схоронивъ покойника,
Родные и знакомые
О немъ лишь говорятъ,
Покамѣстъ не управятся
Съ хозяйскимъ угощеніемъ
И не начнутъ зѣвать,
Такъ и галдѣнье долгое
За чарочкой, подъ ивою,
Все, почитай, сложилося
Въ поминки по подрѣзаннымъ
Помѣщичьимъ «крѣпямъ».
Къ дьячку съ семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запѣли молодцы.
(Ту пѣсню — не народную —
Впервые спѣлъ сынъ Трифона
Григорій вахлакамъ,
И съ «Положенья» царскаго,
Съ народа крѣпи снявшаго,
Она по пьянымъ праздникамъ,
Какъ плясовая пѣлася

Попами и дворовыми —
Вахлакъ ея не пѣлъ,
А, слушая, притопывалъ,
Присвистывалъ, «веселою»
Не въ шутку называлъ).

I.

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКІЯ ПѢСНИ.

ВЕСЕЛАЯ.

. . . .
. . . .

Потомъ свою, вахлацкую,
Родную — хоромъ грянули,
Протяжную, печальную —
Иныхъ покамѣстъ нѣтъ.
Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу въ ней тьма темъ,
А ни въ одной-то душенькѣ
Споконъ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка,
Веселая и ясная,
Какъ ведряный денекъ.
Не дивно ли? не странно ли?
О время, время новое!
Ты тоже въ пѣснѣ скажешься,
Но какъ?... Душа народная!
Возсмѣйся жъ, наконецъ!..
«Ай, пѣсенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:

— Мы барщинные! Съ наше-то
Попробуй, потерпи!
— Мы барщинные! выросли
Подъ рыломъ у помѣщика —
Попробуй, поживи!
Въ лицо позабывали мы
Другъ дружку, въ землю глядючи,
Мы потеряли рѣчь.
Въ молчанку напивалися,
Въ молчанку цѣловалися,
Въ молчанку драка шла.
— Ну, ты насчетъ молчанки-то
Не очень! намъ молчанка-то
Досталась солонѣй!
Сказалъ сосѣдней волости
Крестьянинъ, съ сѣномъ ѣхавшій
(Нужда пристигла крайняя,
Скосилъ — и на базаръ!)
— Рѣшила наша барышня
Гертруда Александровна:
Кто скажетъ слово крѣпкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться;
А мужику не лаяться —
Едино, что молчать.
Намаялись! ужъ подлинно
Отпраздновали волю мы,
Какъ праздникъ: такъ ругалися,
Что попъ Иванъ обидѣлся
За звоны колокольные,
Гудѣвшіе въ тотъ день.
Такіе сказы чудные

Посыпались... и диво ли?
Ходить далеко за словомъ
Не надо — все прописано
На собственной спинѣ!

— «У насъ была оказія»,
Сказалъ дѣтина съ черными
Большими бакенбардами:
«Такъ нѣтъ ея чуднѣй».
(На маломъ шляпа круглая
Съ значкомъ, жилетка красная
Съ десяткомъ свѣтлыхъ пуговицъ,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивалъ
На дерево, съ котораго
Кору подпасокъ крохотный
Всю снизу ободралъ,
А выше — ни царапины:
Въ вершинѣ не побрезгуетъ
Ворона свить гнѣздо).
— Такъ что̀ же, братъ, разсказывай!
«Дай, прежде покурю!»
Покамѣстъ онъ покуривалъ,
У Власа наши странники
Спросили: — Что̀ за гусь?
— Такъ, подбѣгало-мученикъ,
Приписанъ къ нашей волости
Барона Синегузина *)
Дворовый человѣкъ
Викентій Александровичъ.
Съ запятокъ въ хлѣбопашество

*) Тизенгаузена.

Прыгнулъ! За нимъ осталася
И кличка: «выѣздной».
Здоровъ, а ноги слабыя,
Дрожатъ: его-то барыня
Въ каретѣ цугомъ ѣздила
Четверкой по грибы...
Разскажетъ онъ! послушайте!
Какая память знатная,
Должно быть (кончилъ староста),
Сорочьи яйца ѣлъ *).
Поправивъ шляпу круглую,
Викентій Александровичъ
Къ разсказу приступилъ.

ПРО ХОЛОПА ПРИМѢРНАГО—ЯКОВА ВѢРНАГО.

Былъ господинъ невысокаго рода:
Онъ деревнюшку на взятки купилъ,
Жилъ въ ней безвыѣздно тридцать три года —
Вольничалъ, бражничалъ, горькую пилъ.
Жадный, скупой, не дружился съ дворянами,
Только къ сестрицѣ ѣзжалъ на чаекъ;
Даже съ родными, не только съ крестьянами,
Былъ господинъ Поливановъ жестокъ:
Дочь повѣнчавъ, муженька благовѣрнаго
Высѣкъ — обоихъ прогналъ нагишомъ,
Въ зубы холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго,
Походя билъ кулакомъ.

---

*) Примѣта: чтобы имѣть хорошую память, нужно ѣсть сорочьи яйца.

Люди холопскаго званія —
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказанія,
Тѣмъ имъ милѣй господа.
Яковъ такимъ объявился изъ младости;
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяша-малолѣтка качать.
Такъ они оба до старости дожили...
Стали у барина ножки хирѣть:
Ѣздилъ лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и пѣть!
Очи-то ясныя,
Щеки-то красныя,
Пухлыя руки какъ сахаръ — бѣлы,
Да на ногахъ — кандалы!
Смирно помѣщикъ лежитъ подъ халатомъ,
Горькую долю клянетъ;
Яковъ — при баринѣ; другомъ и братомъ
Вѣрнаго Якова баринъ зоветъ.
Зиму и лѣто вдвоемъ коротали,
Въ карточки больше играли они,
Скуку разсѣять къ сестрицѣ ѣзжали,
Верстъ за двѣнадцать, въ хорошіе дни.
Вынесетъ самъ его Яковъ, уложитъ,
Самъ на долгушкѣ свезетъ до сестры,
Самъ до старушки добраться поможетъ.
Такъ они жили ладкомъ до поры...

Выросъ племянничекъ Якова, Гриша,
Барину въ ноги: «Жениться хочу!»
— Кто же невѣста? — «Невѣста — Ариша».
Баринъ отвѣтствуетъ: «Въ гробъ вколочу!»

Думалъ онъ самъ, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги Господь воротилъ!»
Какъ ни просилъ за племянника дядя,
Баринъ соперника въ рекруты сбылъ.
Крѣпко обидѣлъ холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго,
Баринъ; холопъ задурилъ —
Мертвую запилъ!.. Неловко безъ Якова:
Кто ни послужитъ — дуракъ, негодяй!
Злость-то давно накипѣла у всякаго, —
Благо, есть случай: губи, вымещай!
Баринъ то проситъ, то пёски ругается...
Такъ двѣ недѣли прошли.
Вдругъ его вѣрный холопъ возвращается...
Первое дѣло — поклонъ до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногаго:
Кто-де сумѣетъ его соблюсти?
«Не поминай только дѣла жестокаго, —
Буду свой крестъ до могилы нести!»
Снова помѣщикъ лежитъ подъ халатомъ,
Снова у ногъ его Яковъ сидитъ,
Снова помѣщикъ зоветъ его братомъ...
«Что̀ ты нахмурился, Яша?» — Мутитъ!..
Много грибовъ нанизали на нитки,
Въ карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину въ напитки
И поразвлечься къ сестрѣ собрались.
Куритъ помѣщикъ, лежитъ беззаботно,
Ясному солнышку, зелени радъ;
Яковъ угрюмъ, говоритъ неохотно,
Возжи у Якова дрожмя дрожатъ,
Крестится. «Чуръ меня, сила нечистая!»
Шепчетъ: «Разсыпься!» (мутилъ его врагъ).

Ѣдутъ... Направо трущоба лѣсистая,
Имя ей издстари «Чортовъ оврагъ».
Яковъ свернулъ и поѣхалъ оврагомъ,
Баринъ опѣшилъ: «Куда жъ ты, куда?»
Яковъ ни слова. Проѣхали шагомъ
Нѣсколько верстъ, не дорога — бѣда!
Ямы, валежникъ; бѣгутъ по оврагу
Вешнія воды, деревья шумятъ...
Стали лошадки — и дальше ни шагу:
Сосны стѣною предъ ними торчатъ.

Яковъ, не глядя на барина бѣднаго,
Началъ коней отпрягать;
Вѣрнаго Яшу, дрожащаго, блѣднаго,
Началъ помѣщикъ тогда умолять.
Выслушалъ Яковъ посулы — и грубо,
Зло засмѣялся: «Нашелъ душегуба!
Стану я руки убійствомъ марать!
Нѣтъ, не тебѣ умирать!»
Яковъ на сосну высокую прянулъ,
Возжи въ вершинѣ ея укрѣпилъ,
Перекрестился, на солнышко глянулъ,
Голову въ петлю — и ноги спустилъ!..
Экія страсти Господни: виситъ
Яковъ надъ бариномъ, мѣрно качается.
Мечется баринъ, рыдаетъ, кричитъ, —
Эхо одно откликается!
Вытянувъ голову, голосъ напрягъ
Баринъ — напрасные крики!
Въ саванъ окутался Чортовъ оврагъ:
Ночью тамъ росы велики,
Зги не видать! только совы снуютъ,
О-земь шпряясь крылами,

Слышно, какъ лошади листья жуютъ,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходитъ — горятъ
Чьи-то два круглыя, яркія ока,
Птицы какія-то съ шумомъ летятъ,
Слышно, посѣли онѣ недалеко.
Воронъ надъ Яковомъ каркнулъ одинъ...
Чу! ихъ слетѣло до сотни!
Ухнулъ, грозитъ костылемъ господинъ...
Экія страсти Господни!
Баринъ въ оврагѣ всю ночь пролежалъ,
Стонами птицъ и волковъ отгоняя;
Утромъ охотникъ его увидалъ.
Баринъ вернулся домой, причитая:
«Грѣшенъ я, грѣшенъ! Казните меня!»
Будешь ты, баринъ, холопа примѣрнаго
Якова вѣрнаго
Помнить до суднаго дня!

«Грѣхи, грѣхи!» послышалось
Со всѣхъ сторонъ: «Жаль Якова,
Да жутко и за барина —
Какую принялъ казнь!»
— Ой! ой!.. Еще прослушали
Два-три разсказа страшные
И горячо заспорили
О томъ, кто всѣхъ грѣшнѣй?
Одинъ сказалъ: «Кабатчики»,
Другой сказалъ: «Помѣщики»,
А третій — «Мужики».
То былъ Игнатій Прохоровъ,
Извозомъ занимавшійся,

Степенный и зажиточный
Мужикъ — не пустословъ.
Видалъ онъ виды всякіе;
Изъѣздилъ всю губернію
И вдоль, и поперекъ.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Такъ обозлились, — не дали
Игнатью слово вымолвить,
Особенно Климъ Яковлевъ
Куражился: «Дуракъ же ты!..
— А ты бы прежде выслушалъ...
«Дуракъ же ты...»
— И всѣ-то вы,
Я вижу, дураки!
Вдругъ вставилъ слово грубое
Ереминъ, братъ купеческій,
Скупавшій у крестьянъ
Что̀ ни попало: лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное, мастакъ
Подстерегать оказіи,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась съ молотка.
— Затѣять споръ затѣяли,
А въ точку не утрафили!
Кто всѣхъ грѣшнѣй? подумайте!
— Ну, кто же? говори!
«Извѣстно кто, разбойники!»
А Климъ ему въ отвѣтъ:
— Вы крѣпостными не были;
Была капель великая,

Да не пашу плѣшь!
Набилъ мошну: мерещатся
Вездѣ ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тутъ не при чемъ!
«Разбойникъ за разбойника
Вступился!» прасолъ вымолвилъ.
А Лавинъ — скокъ къ нему!
— Молись! — и въ зубы прасола.
«Прощайся съ животишками!»
И прасолъ въ зубы Лавина
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне разступилися —
Никто не подзадоривалъ,
Никто не разнималъ.
Удары градомъ сыпались:
— Убью! пиши къ родителямъ!
«Убью! зови попа!»
Тѣмъ кончилось, что прасола
Климъ сжалъ рукой, что обручемъ,
Другой вцѣпился въ волосы
И гнулъ со словомъ: «Кланяйся!»
Купца къ своимъ ногамъ.
— Ну, баста! прасолъ вымолвилъ;
Климъ выпустилъ обидчика, —
Обидчикъ сѣлъ на бревнышко,
Платкомъ широкимъ клѣтчатымъ
Отерся и сказалъ:
— Твоя взяла! и диво ли?
Не жнетъ, не пашетъ — шляется
По коновальской должности:
Какъ силъ не нагулять?
Крестьяне засмѣялися).

« А ты еще не хочешь ли?»
Сказалъ задорно Климъ.
— Ты думалъ нѣтъ? Попробуемъ!
Купецъ снялъ чуйку бережно
И въ руки наплевалъ.

«Раскрыть уста грѣховныя
Пришелъ чередъ: прислушайте!
И такъ васъ помирю!»
Вдругъ возгласилъ Іонушка,
Весь вечеръ молча слушавшій,
Вздыхавшій и крестившійся
Смиренный богомолъ.
Купецъ былъ радъ; Климъ Яковлевъ
Помалчивалъ. Усѣлися,
Настала тишина.

II.

СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ.

Бездомнаго, безроднаго
Не мало попадается
Народу на Руси.
Не жнутъ, не сѣютъ — кормятся
Изъ той же общей житницы,
Что̀ кормитъ мышку малую
И воинство несмѣтное,
Осѣдлаго крестьянина:
Горбомъ его зовутъ.
Пускай народу вѣдомо,
Что цѣлыя селенія
На попрошайство осенью,

Какъ на доходный промыселъ,
Идутъ: въ народной совѣсти
Уставилось рѣшеніе,
Что больше тутъ злосчастія,
Чѣмъ лжи — имъ подаютъ.
Пускай нерѣдки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у бабъ
За просфоры аѳонскія,
За «слезки Богородицы»
Паломникъ пряжу выманитъ,
А послѣ бабы свѣдаютъ,
Что дальше Тройцы-Сергія
Онъ самъ-то не бывалъ.
Былъ старецъ, чуднымъ пѣніемъ
Плѣнялъ сердца народныя;
Съ согласья матерей
Въ селѣ Крутыя-Заводи
Божественному пѣнію
Сталъ дѣвокъ обучать;
Всю зиму дѣвки красныя
Съ нимъ въ ригѣ запиралися,
Оттуда пѣнье слышалось,
А чаще смѣхъ и визгъ.
Однако, чѣмъ же кончилось?
Онъ пѣть-то ихъ не выучилъ,
А перепортилъ всѣхъ.
Есть мастера великіе
Подлаживаться къ барынямъ:
Сначала черезъ бабъ
Доступится до дѣвичьей,
А тамъ — и до помѣщицы;
Бренчитъ ключами, по двору

Похаживаетъ бариномъ,
Плюетъ въ лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнулъ въ бараній рогъ!..
Но видитъ въ тѣхъ же странникахъ
И лицевую сторону
Народъ. Кѣмъ церкви строятся?
Кто кружки монастырскія
Наполнилъ черезъ край?
Иной добра не дѣлаетъ,
И зла за нимъ не видится;
Иного не поймешь.
Знакомъ народу Ѳомушка:
Вериги двухпудовыя
По тѣлу опоясаны,
Зимой и лѣтомъ босъ,
Бормочетъ непонятное,
А жить — живетъ по-божески:
Доска да камень въ головы,
А пища — хлѣбъ одинъ.
Чуденъ ему и памятенъ
Старикъ изъ секты скрытниковъ,
Никифоръ каргополъ.
Пришелъ въ село Усолово:
Коритъ мірянъ безбожіемъ,
Зоветъ въ лѣса дремучіе
Спасаться. Становой
Случился тутъ, все выслушалъ:
— Къ допросу сомутителя!
Онъ то же и ему:
«Ты врагъ Христовъ, антихристовъ
Посланникъ!» Сотскій, староста
Мигали старику:

— Эй, покорись! — Не слушаетъ!
Везли его въ острогъ,
А онъ корилъ начальника
И, на телѣгѣ стоючи,
Усоловцамъ кричалъ:

«Горе вамъ, горе, пропащія головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били васъ палками, розгами, кнутьями, —
Будете биты желѣзными прутьями!..»

Усоловцы крестилися,
Начальникъ билъ глашатая:
«Попомнишь ты, анаѳема,
Судью ерусалимскаго!»
У парня, у подводчика
Съ испугу возжи выпали
И волосъ дыбомъ сталъ!
И какъ на грѣхъ, воинская
Команда утромъ грянула:
Въ Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмиреніе!
Тревога! По спопутности
Досталось и усоловцамъ:
Пророчество строптиваго
Чуть въ точку не сбылось.

Вовѣкъ не позабудется
Народомъ Ефросиньюшка,
Посадская вдова:
Какъ Божія посланница,
Старушка появляется

Въ холерные года:
Хоронитъ, лѣчитъ, возится
Съ больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость невѣдомый!
Кто бъ ни былъ ты, увѣренно
Въ калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителенъ
Крестьянинъ коренной, —
Въ немъ мысль не зарождается,
Какъ у людей достаточныхъ,
При видѣ незнакомаго,
Убогаго и робкаго:
Не стибрилъ бы чего?
А бабы — тѣ радехоньки!
Зимой передъ лучиною
Сидитъ семья, работаетъ.
А странничекъ гласитъ.
Ужъ въ банькѣ онъ попарился,
Ушицы ложкой собственной,
Съ рукой благословляющей,
Досыта похлебалъ,
По жиламъ ходитъ чарочка,
Рѣкою льется рѣчь.
Въ избѣ все словно замерло:
Старикъ, чинившій лапотки,
Къ ногамъ ихъ уронилъ;
Челнокъ давно не чикаетъ, —
Заслушалась работница
У ткацкаго станка;
Застылъ ужъ на уколотомъ
Мизинцѣ у Евгеньюшки,

Хозяйской старшей дочери,
Высокій бугорокъ,
А дѣвка и не слышала,
Какъ укололась до крови;
Шитье къ ногамъ спустилося,
Сидитъ — зрачки расширены,
Руками развела...
Ребята, свѣсивъ головы
Съ палатей, не шелохнутся:
Какъ тюленята сонные
На льдинахъ за Архангельскомъ,
Лежатъ на животѣ.
Лицъ не видать, завѣшаны
Спустившимися прядями
Волосъ, — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! ужъ скоро странничекъ
Доскажетъ быль аѳонскую,
Какъ турка взбунтовавшихся
Монаховъ въ море гналъ,
Какъ шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шопотъ ужаса,
Увидишь рядъ испуганныхъ,
Слезами полныхъ глазъ!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося съ колѣнъ.
Котъ Васька насторожился —
И прыгъ къ веретену!
Въ другую пору то-то бы
Досталось Васькѣ шустрому,

А тутъ и не замѣтили,
Какъ онъ проворной лапкою
Веретено потрогивалъ,
Какъ прыгалъ на него,
И какъ оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывалъ, какъ слушаетъ
Своихъ захожихъ странниковъ
Крестьянская семья, —
Пойметъ, что ни работою,
Ни вѣчною заботою,
Ни игомъ рабства долгаго,
Ни кабакомъ своимъ
Еще народу русскому
Предѣлы не поставлены:
Предъ нимъ широкій путь!
Когда измѣнятъ пахарю
Поля старозапашныя, —
Клочки въ лѣсныхъ окраинахъ
Онъ пробуетъ пахать.
Работы тутъ достаточно;
Зато полоски новыя
Даютъ безъ удобренія
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русскаго...
О, сѣятель! приди!..

Іона (онъ же Ляпушкинъ)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навѣщалъ.

Не только не гнушалися
Крестьяне Божьимъ странникомъ,
А спорили о томъ,
Кто первый пріютитъ его,
Пока ихъ спорамъ Ляпушкинъ
Конца не положилъ:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли...
Предъ каждою иконою
Іона падалъ ницъ:
«Не спорьте! дѣло Божіе:
Котора взглянетъ ласковѣй,
За тою и пойду!»
И часто за бѣднѣйшею
Иконой шелъ Іонушка
Въ бѣднѣйшую избу.
И къ той избѣ особое
Почтенье: бабы бѣгаютъ
Съ узлами, сковородками
Въ ту избу. Чашей полною,
По милости Іонушки,
Становится она.

Не громко и не торопко
Повелъ разсказъ Іонушка
«О двухъ великихъ грѣшникахъ»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХЪ ВЕЛИКИХЪ ГРѢШНИКАХЪ.

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвѣстимъ:
Мнѣ въ Соловкахъ ее сказывалъ
Инокъ отецъ Питиримъ.

Было двѣнадцать разбойниковъ,
Былъ Кудеяръ — атаманъ;
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ...

Много богатства награбили;
Жили въ дремучемъ лѣсу...
Вождь-Кудеяръ изъ-подъ Кіева
Вывезъ дѣвицу-красу.

Днемъ съ полюбовницей тѣшился,
Ночью набѣги творилъ...
Вдругъ у разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ.

Сонъ отлетѣлъ, опротивѣли
Пьянство, убійство, грабежъ.
Тѣни убитыхъ являются:
Цѣлая рать — не сочтешь:

Долго боролся, противился
Господу звѣрь-человѣкъ, —
Голову снесъ полюбовницѣ
И есаула засѣкъ.

Совѣсть злодѣя осилила!
Шайку свою распустилъ,
Роздалъ на церкви имущество,
Ножъ подъ ракитой зарылъ.

И прегрѣшенья отмаливать
Къ гробу Господню идетъ.
Странствуетъ, молится, кается...
Легче ему не стаетъ.

Старцемъ, въ одеждѣ монашеской
Грѣшникъ вернулся домой,
Жилъ подъ навѣсомъ старѣйшаго
Дуба въ трущобѣ лѣсной.

Денно и нощно Всевышняго
Молитъ: «Грѣхи отпусти!
Тѣло предай истязанію,
Дай только душу спасти!»

Сжалился Богъ и къ спасенію
Схимнику путь указалъ:
Старцу въ молитвенномъ бдѣніи
Нѣкій угодникъ предсталъ, —

Рекъ: «Не безъ Божьяго промысла
Выбралъ ты дубъ вѣковой:
Тѣмъ же ножомъ, что разбойничалъ,
Срѣжь его, той же рукой!

«Будетъ работа великая,
Будетъ награда за трудъ:
Только что рухнется дерево,
Цѣпи грѣха упадутъ».

Смѣрилъ отшельникъ страшилище:
Дубъ — три обхвата кругомъ;
Сталъ на работу съ молитвою,
Рѣжетъ булатнымъ ножомъ,

Рѣжетъ упругое дерево,
Господу славу поетъ...
Годы идутъ — подвигается
Медленно дѣло впередъ.

Что̀ съ великаномъ подѣлаетъ
Хилый, больной человѣкъ?
Нужны тутъ силы желѣзныя,
Нуженъ не старческій вѣкъ!

Въ сердце сомнѣніе крадется...
Рѣжетъ и слышитъ слова:
«Эй, старина, что̀ ты дѣлаешь?»
Перекрестился сперва, —

Глянулъ — и пана Глуховскаго
Видитъ на борзомъ конѣ —
Пана богатаго, знатнаго,
Перваго въ той сторонѣ.

Много жестокаго, страшнаго
Старецъ о панѣ слыхалъ
И въ поученіе грѣшнику
Тайну свою разсказалъ.

Панъ усмѣхнулся: «Спасенія
Я ужъ не чаю давно!
Въ мірѣ я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

«Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холоповъ гублю,
Мучу, пытаю и вѣшаю,
А поглядѣлъ бы, какъ сплю!»

Чудо съ отшельникомъ сталося:
Бѣшеный гнѣвъ ощутилъ,
Бросился къ пану Глуховскому,
Ножъ ему въ сердце вонзилъ!

Только что панъ окровавленный
Палъ головой на сѣдло, —
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лѣсъ потрясло!

Рухнуло древо, скатилося
Съ инока бремя грѣховъ!.
Господу Богу помолимся:
Милуй насъ, темныхъ рабовъ.

II.

И СТАРОЕ, И НОВОЕ.

Іона кончилъ, крестится;
Народъ молчитъ. Вдругъ прасола
Сердитымъ крикомъ прорвало:
«Эй вы, тетери сонныя!
Па-ромъ, живѣй паромъ!»
— Парома не докличешься
До солнца: перевозчики
И днемъ-то трусу празднуютъ:
Паромъ у нихъ худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...
«Паромъ! пар-ромъ! пар-ромъ!»
Ушелъ, съ телѣгой возится;
Корова къ ней привязана —
Онъ пнулъ ее ногой;
Въ ней курочки курлыкаютъ:
Сказалъ имъ: «Дуры! цыцъ!»
Теленокъ въ ней мотается —
Досталось и теленочку
По звѣздочкѣ на лбу.

Нажегъ коня саврасаго
Кнутомъ — и къ Волгѣ двинулся.
Плылъ мѣсяцъ надъ дорогою —
Такая тѣнь потѣшная
Бѣжала рядомъ съ прасоломъ
По лунной полосѣ!
«Отдумалъ, стало, драться-то?
А спорить — видитъ — не о чемъ»,
Замѣтилъ Власъ. «Ой, Господи!
Великъ дворянскій грѣхъ!»
— Великъ, а все не быть ему
Противъ грѣха крестьянскаго,
Опять Игнатій Прохоровъ
Не вытерпѣлъ — сказалъ.
Климъ плюнулъ. — Экъ, приспичило!
Кто съ чѣмъ, а нашей галочкѣ
Родные галченяточки
Всего милѣй... Ну, сказывай,
Что̀ за великій грѣхъ?

КРЕСТЬЯНСКІЙ ГРѢХЪ.

Адмиралъ-вдовецъ по морямъ ходилъ,
По морямъ ходилъ, корабли водилъ,
Подъ Ачаковымъ бился съ туркою,
Наносилъ ему пораженіе,
И дала ему государыня
Восемь тысячъ душъ въ награжденіе.
Въ той ли вотчинѣ припѣваючи
Доживаетъ вѣкъ адмиралъ-вдовецъ,
И вручаетъ онъ, умираючи,
Глѣбу-старостѣ золотой ларецъ.
«Гой ты, староста! береги ларецъ!

Воля въ немъ моя сохраняется:
Изъ цѣпей-крѣпей на свободушку
Восемь тысячъ душъ отпускается!»
    Адмиралъ-вдовецъ на столѣ лежитъ,
Дальній родственникъ хоронить катитъ.
    Схоронилъ, забылъ! Кличетъ старосту
И заводитъ съ нимъ рѣчь окольную;
Все повывѣдалъ, насулилъ ему
Горы золота, выдалъ вольную...
    Глѣбъ — онъ жаденъ былъ — соблазняется:
Завѣщаніе сожигается!
    На десятки лѣтъ, до недавнихъ дней,
Восемь тысячъ душъ закрѣпилъ злодѣй,
Съ родомъ, съ племенемъ, — что̀ народу-то,
Что̀ народу-то! съ камнемъ въ воду-то!
Все прощаетъ Богъ, а Іудинъ грѣхъ
    Не прощается.
Ой, мужикъ! мужикъ! ты грѣшнѣе всѣхъ
И за то тебѣ вѣчно маяться!

Суровый и разсерженный,
Громовымъ, грознымъ голосомъ
Игнатій кончилъ рѣчь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздохъ, послышалось:
«Такъ вотъ онъ грѣхъ крестьянина!
И впрямь — страшенный грѣхъ!»
— «И впрямь: намъ вѣчно маяться,
Охъ-охъ!..» сказалъ намъ староста,
Опять, убитый, въ лучшее
Невѣрующій Власъ
И скоро поддававшійся
Какъ горю, такъ и радости.

«Великій грѣхъ! великій грѣхъ!»
Тоскливо вторилъ Климъ.
Площадка передъ Волгою,
Луною освѣщенная,
Перемѣнилась вдругъ!
Пропали люди гордые
Съ увѣренной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не ѣдавшіе,
Несолоно хлебавшіе,
Къ которымъ голодъ стукнуться
Грозитъ: засуха долгая,
А тутъ еще — жучокъ!
Которымъ прасолъ-выжига
Урѣзать цѣну хвалится
На ихъ добычу трудную —
Смолу, слезу вахлацкую;
Урѣжетъ, попрекнетъ:
«За что платить вамъ много-то?
У васъ товаръ не купленый:
Изъ васъ на солнцѣ топится
Смола, какъ изъ сосны!»
Опять упали бѣдные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, пріубожились,
Легли на животы!
Лежали, думу думали
И вдругъ запѣли. Медленно,
Какъ туча надвигается,
Текли слова тягучія.
Такъ пѣсню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ.

Стоитъ мужикъ —
Колышется
Идетъ мужикъ —
Не дышится!

Съ коры его
Распучило,
Тоска-бѣда
Измучила.

Темнѣй лица
Стекляннаго
Не видано
У пьянаго.

Идетъ — пыхтитъ,
Идетъ — и спитъ,
Прибрелъ туда,
Гдѣ рожь шумитъ.

Какъ идолъ сталъ
На полосу, —
Стоитъ, поетъ
Безъ голосу:

«Дозрѣй, дозрѣй,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой
Панкратушка!

«Ковригу съѣмъ
Гора горой,

Ватрушку съѣмъ
Со столъ большой!

«Все съѣмъ одинъ,
Управлюсь самъ, —
Хоть мать, хоть сынъ
Проси — не дамъ!»

«Ой, батюшки, ѣсть хочется!»
Сказалъ упалымъ голосомъ
Одинъ мужикъ, изъ пещура
Досталъ краюху — ѣстъ.
— Поютъ они безъ голосу,
А слушать — дрожь по волосу!
Сказалъ другой мужикъ.
И правда, что не голосомъ —
Нутромъ — свою «Голодную»
Пропѣли вахлаки.
Иной во время пѣнія
Сталъ на ноги — показывалъ,
Какъ шелъ мужикъ разслабленный,
Какъ сонъ долилъ голоднаго,
Какъ вѣтеръ колыхалъ,
И были строги, медленны
Движенья. Спѣвъ «Голодную»,
Шатаясь, какъ разбитые,
Гуськомъ пошли къ ведерочку
И выпили пѣвцы.

«Дерзай!» за ними слышится
Дьячково слово: сынъ его
Григорій, крестникъ старосты,

Подходитъ къ землякамъ.
— Хошь водки? — Пилъ достаточно.
— Что тутъ у васъ случилося? —
Какъ въ воду вы опущены!..
— «Мы!.. что ты?..» Насторожилися;
Власъ положилъ на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя къ вамъ вернулася?
Погонятъ васъ на барщину?
Луга у васъ отобраны?
— «Луга-то?.. Шутишь, братъ!»
— Такъ что жъ перемѣнилося?
Закаркали «Голодную»:
Накликать голодъ хочется?
— «Никакъ и впрямь ништо!»
Климъ какъ изъ пушки выпалилъ;
У многихъ зачесалися
Затылки, шопотъ слышится:
— «Никакъ и впрямь ништо!»

— «Пей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по нашему,
Какъ было ждано-гадано.
Не вѣшай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?
А Глѣбъ-то?..

Потолковано
Не мало: въ ротъ положено,
Что не они отвѣтчики
За Глѣба окаяннаго,

Всему виною: крѣпь!
Змѣя родитъ змѣенышей,
А крѣпь — грѣхи помѣщика;
Грѣхъ Якова несчастнаго,
Грѣхъ Глѣба родила!
Нѣтъ крѣпи — нѣтъ помѣщика,
До петли доводящаго
Усерднаго раба;
Нѣтъ крѣпи — нѣтъ двороваго,
Самоубійствомъ мстящаго
Злодѣю своему;
Нѣтъ крѣпи — Глѣба новаго
Не будетъ на Руси!
Всѣхъ пристальнѣй, всѣхъ радостнѣй
Прослушалъ Гришу Провъ!
Осклабился, товарищамъ
Сказалъ побѣднымъ голосомъ:
— «Мотайте-ка на усъ!»
— «Такъ, значитъ, и «Голодную»
Теперь навѣки по-боку?
Эй! други! Пой веселую!»
Климъ радостно кричалъ...
Пошло, толпой подхвачено,
О крѣпи слово вѣрное
Трепаться: «Нѣтъ змѣи —
Не будетъ и змѣенышей!»
Климъ Яковлевъ Игнатія
Опять ругнулъ: «Дуракъ же ты!
Чуть-чуть не подрались!»
Дьячокъ рыдалъ надъ Гришею·
— «Создастъ же Богъ головушку!
Недаромъ порывается
Въ Москву, въ новорситетъ!

А Власъ его поглаживалъ:
— Дай Богъ тебѣ и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мнѣ ни серебра,
Ни золота, а дай Господь,
Чтобъ землякамъ моимъ
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!»
Зардѣвшись, словно дѣвушка,
Сказалъ изъ сердца самаго
Григорій — и ушелъ.

Свѣтаетъ. — Снаряжаются
Подводчики. — «Эй, Власъ Ильичъ!
Иди сюда, гляди, кто здѣсь?»
Сказалъ Игнатій Прохоровъ,
Взявъ къ бревнамъ приваленную
Дугу. Подходитъ Власъ,
За нимъ бѣгомъ Климъ Яковлевъ,
За Климомъ — наши странники
(Имъ дѣло до всего):
За бревнами, гдѣ нищіе
Въ повалку спали съ вечера,
Лежалъ какой-то смученный,
Избитый человѣкъ;
На немъ одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шеѣ красный шелковый
Платокъ, рубаха красная,
Жилетка и часы.

Нагнулся Лавинъ къ спящему,
Взглянулъ и съ крикомъ! «Бей его!»
Пнулъ въ зубы каблукомъ.
Вскочилъ дѣтина, мутные
Протеръ глаза, а Власъ его
Тѣмъ временемъ въ скулу.
Какъ крыса прищемленная,
Дѣтина пискнулъ жалобно —
И къ лѣсу! Ноги длинныя,
Бѣжитъ — земля дрожитъ!
Четыре парня бросилнсь
Въ погоню за дѣтиною;
Народъ кричалъ имъ: «Бей его!»
Пока въ лѣсу не скрылися
И парни и бѣглецъ.

— Что̀ за мужчина? старосту
Допытывали странники!
— За что̀ его тузятъ?

— Не знаемъ: такъ наказано
Намъ изъ села изъ Тискова,
Что буде гдѣ покажется
Егорка Шутовъ — бить его!
И бьемъ. Подъѣдутъ тисковцы,
Разскажутъ. — Удоволили?
Спросилъ старикъ вернувшихся
Съ погони молодцовъ.

— «Догнали, удоволили!
Побѣгъ къ Кузьмо-Демьянскому:
Тамъ, видно, переправиться
За Волгу норовитъ».

— Чудной народъ! бьютъ соннаго,
За что, про что, не знаючи...

— Коли всѣмъ міромъ велѣно:
Бей! — стало, есть за что!
Прикрикнулъ Власъ на странниковъ:
Не вѣтрогоны тисковцы!
Давно ли тамъ десятаго
Пороли!.. Ой, Егоръ!..
Ай, служба — должность подлая!..
Гнусъ-человѣкъ! — Не бить его,
Такъ ужъ кого и бить?
Не намъ однимъ наказано:
Отъ Тискова по Волгѣ-то
Тутъ деревень четырнадцать:
Чай, черезъ всѣ четырнадцать
Прогнали, какъ сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то имъ желательно,
Въ чемъ штука? да прогнѣвался
И такъ ужъ дядя Власъ.

Совсѣмъ свѣтло. Позавтракать
Мужьямъ хозяйки вынесли:
Ватрушки съ творогомъ,
Гусятина. (Прогнали тутъ
Гусей; три затомилися, —
Мужикъ ихъ несъ подъ мышкою:
«Продай! помрутъ до городу!»
Купили ни за что).
Какъ пьетъ мужикъ, толковано

Не мало, а не всякому
Извѣстно, какъ онъ ѣстъ.
Жаднѣе на говядину,
Чѣмъ на вино бросается.
Былъ тутъ непьющій каменщикъ:
Такъ опьянѣлъ съ гусятины, —
На что̀ твое вино!
Чу! слышенъ крикъ: «Кто ѣдетъ-то!
Кто ѣдетъ-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаковъ:
Возъ съ сѣномъ приближается;
Высоко на возу
Сидитъ солдатъ Овсянниковъ,
Верстъ на двадцать въ окружности
Знакомый мужикамъ,
И рядомъ съ нимъ Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райкомъ кормился дѣдушка,
Москву да Кремль показывалъ;
Вдругъ инструментъ испортился,
А капиталу нѣтъ!
Три желтенькія ложечки
Купилъ — такъ не приходятся
Заученныя на̀-твердо
Присловья къ новой музыкѣ,
Народа не смѣшать!
Хитеръ солдатъ! По времени
Слова придумалъ новыя —
И ложки въ ходъ пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дѣдко! Спрыгни-ка,

Да выпей съ нами рюмочку,
Да въ ложечки ударь!
— Забраться-то, забрался я,
А какъ сойду, не вѣдаю:
Ведётъ! — «Небось, до города
Опять, за полной пенсіей?
Да городъ-то сгорѣлъ!»
— Сгорѣлъ? И подѣлòмъ ему!
Сгорѣлъ? Такъ я до Питера!
Тутъ всѣ мои товарищи
Гуляютъ съ полной пенсіей,
Тамъ—дѣло разберутъ!
«Чай, по чугункѣ тронешься?»
Служивый посвисталъ:
— Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты намъ люба,
Какъ отъ Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликовъ
Платить, такъ чортъ съ тобой!

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ,
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ,
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

— А ты ударь-ка въ ложечки,
Сказалъ солдату староста:

Народу подгулявшаго
Покуда тутъ достаточно —
Авось, дѣла поправятся:
Орудуй живо, Климъ!
(Власъ Клима недолюбливалъ,
А тутъ дѣлишко трудное,
Тотчасъ къ нему: — «Орудуй, Климъ!»
А Климъ тому и радъ).

Спустили съ возу дѣдушку.
Солдатъ былъ хрупокъ на ноги,
Высокъ и тощъ до крайности;
На немъ сюртукъ съ медалями
Висѣлъ, какъ на шестѣ.
Нельзя сказать, чтобъ доброе
Лицо имѣлъ, особенно,
Когда сводило стараго —
Чортъ чортомъ! Ротъ ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдатъ ударилъ въ ложечки, -
Что̀ было вплоть до берегу
Народу, все сбѣгается, —
Ударилъ — и запѣлъ.

. . . .

Служиваго задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Онъ поднялъ ногу лѣвую
И сталъ ее раскачивать,
Какъ гирю на вѣсу!
Продѣлалъ то же съ правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!»
И вдругъ на обѣ сталъ.

— «Орудуй, Климъ!» По-питерски
Климъ дѣло оборудовалъ:
По блюдцу деревянному
Далъ дядѣ и племянницѣ,
Поставилъ ихъ рядкомъ,
А самъ вскочилъ на бревнышко
И громко крикнулъ: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживалъ
И часто въ рѣчь крестьянина
Вставлялъ словечко мѣткое
И въ ложечки стучалъ).

. . . .

Солдатъ слегка притопывалъ
И слышалось, какъ стукалась
Сухая кость о кость,
А Климъ молчалъ; ужъ двинулся
Къ служивому народъ, —
Всѣ дали: по копѣечкѣ,
По грошу, — на тарелочкахъ
Рублишко набрался...

III.

ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЯ ПѢСНИ.

Въ замѣну спичей съ пѣснями,
Въ подспорье рѣчи съ дракою,
Пиръ только къ утру кончился, —
Великій пиръ! Расходится
Народъ. Уснувъ, остался
Подъ ивой наши странники,
И тутъ же спалъ Іонушка,

Смиренный богомолъ.
Качаясь, Савва съ Гришею
Вели домой родителя
И пѣли; въ чистомъ воздухѣ
Надъ Волгой, какъ набатные,
Согласные и сильные
Гремѣли голоса:

Славься, народу
Давшій свободу!

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

Славься, народу
Давшій свободу!

Благослови,
Господи правый!
Счастьемъ и славой
Дѣло любви!

Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!

Жизнь круговая,
Другу прямая

Къ сердцу дорога, —
Прочь отъ порога,
Трусъ и лѣнтяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

Біднѣе захудалаго
Послѣдняго крестьянина
Жилъ Трифонъ. Двѣ коморочки:
Одна съ дымящей печкою,
Другая — въ сажень — лѣтняя,
И вся тутъ недолга;
Коровы нѣтъ, лошадки нѣтъ;
Была собака Зудушка,
Былъ котъ — и тѣ ушли.

Спать уложивъ родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Гришѣ не сидѣлося, —
Ушелъ въ поля, луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо: ихъ не докармливалъ
Хапуга-экономъ.
Григорій въ семинаріи
Въ часъ ночи просыпается
И ужъ потомъ до солнышка

Не спитъ — ждетъ жадно ситника,
Который выдавался имъ
Со сбитнемъ по утрамъ.
Какъ ни бѣдна вахлачина, —
Они въ ней отъѣдалися,
Спасибо Власу-крестному
И прочимъ мужикамъ!
Платили имъ молодчики,
По мѣрѣ силъ, работою,
По ихъ дѣлишкамъ хлопоты
Справляли въ городу.
Дьячокъ хвалился дѣтками,
А чѣмъ они питаются —
И думать позабылъ.
Онъ самъ былъ вѣчно голоденъ,
Весь тратился на поиски,
Гдѣ выпить, гдѣ поѣсть.
И былъ онъ нрава легкаго,
А будь иного, врядъ ли бы
И дожилъ до сѣдинъ.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговѣчности
Богъ не далъ ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нѣтъ хлѣба — у кого-нибудь
Попроситъ, а за соль
Дать надо деньги чистыя,
А ихъ во всей вахлачинѣ,
Сгоняемой на барщину,
Негусто! Благо хлѣбушкомъ
Вахлакъ дѣлился съ Домною.
Давно въ землѣ истлѣли бы

Ея родныя дѣточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чѣмъ Богъ послалъ.

Батрачка безотвѣтная
На каждаго, кто чѣмъ-нибудь
Помогъ ей въ черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пѣла Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимаго сынка.
Какъ сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спѣли пѣсню Домнину
(Прозвалъ ее «Соленою»
Находчивый вахлакъ).

СОЛЕНАЯ.

Никто какъ Богъ!
Не ѣстъ, не пьетъ
Меньшой сынокъ,
Гляди — умретъ!

Дала кусокъ,
Дала другой —
Не ѣстъ, кричитъ:
«Посыпь сольцой!»

А соли нѣтъ,
Хоть бы щепоть!

«Посыпь мукой»,
Шепнулъ Господь.

Разъ-два куснулъ,
Скривилъ ротокъ.
«Соли еще!»
Кричитъ сынокъ.

Опять мукой...
А на кусокъ
Слеза рѣкой!
Поѣлъ сынокъ!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнилъ Гриша пѣсенку
И голосомъ молитвеннымъ
Тихонько въ семинаріи,
Гдѣ было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Пѣвалъ, — тужилъ о матушкѣ
И обо всей вахлачинѣ,
Кормилицѣ своей.
И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью къ бѣдной матери
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слилась — и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что будетъ жить для счастія
Убогаго и темнаго
Родного уголка.

Довольно демонъ ярости
Леталъ съ мечомъ карающимъ
Надъ русскою землей!
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Надъ Русью оживающей
Святая пѣсня слышится:
То ангелъ милосердія,
Незримо пролетающій
Надъ нею, — души сильныя
Зоветъ на честный путь:

Нейди просторною
Дорогой торною,
Страстей раба,

По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа,

О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна.

Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
Вражда-война.

За блага бренныя...
Тамъ души плѣнныя,
Въ цѣпяхъ умы.

Ключомъ кипящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Тамъ — царство тьмы...

* * *

Иные — чистые
Пути тернистые
Обрѣтены...

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ —
По ихъ стопамъ,

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

И ангелъ милосердія
Недаромъ съ чудной пѣснею
Надъ Гришею виталъ.
Года ученья минули,
И юноша, отмѣченный
Печатью дара Божьяго,
Сталъ пылкимъ и восторженнымъ
Пѣвцомъ освобожденія
Униженныхъ, обиженныхъ
На всей святой Руси.

Свѣтило солнце ласково,
Дышало утро раннее

Прохладой, ароматами
Косимыхъ всюду травъ...

Григорій шелъ задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: съ высокими
Курчавыми березами,
Прямая, какъ стрѣла).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
Въ немъ сильно мысль работала
И въ пѣснѣ излилась:

«Въ минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью впередъ улетаю.
Еще суждено тебѣ много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

«Былъ гуще невѣжества мракъ надъ тобой,
Удушливѣй сонъ непробудный,
Была ты глубоко-несчастной страной, —
Подавленной, рабски-безсудной.

«Давно ли народъ твой игрушкой служилъ
Позорнымъ страстямъ господина?
Потомокъ татаръ, какъ коня, выводилъ
На рынокъ раба-славянина,

«И русскую дѣву влекли на позоръ, —
Свирѣпствовалъ бичъ безъ боязни,
И ужасъ народа при словѣ «наборъ»
Подобенъ былъ ужасу казни?

«Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ расчетъ,
Оконченъ расчетъ съ господиномъ!
Сбирается съ силами русскій народъ
И учится быть гражданиномъ.

«И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты въ семействѣ покуда — раба,
Но мать уже вольнаго сына!»

Сманила Гришу узкая
Извилистая тропочка,
Черезъ хлѣба бѣгущая,
Въ широкій лугъ, подкошенный.
Спустился онъ по ней.
Въ лугу траву сушившія
Крестьянки Гришу встрѣтили
Его любимой пѣснею.
Взгрустнулось крѣпко юношѣ
По матери-страдалицѣ,
А пуще злость брала.
Онъ въ лѣсъ ушелъ. Аукаясь,
Въ лѣсу, какъ перепелочки
Во ржи, — бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сѣнцо).
Онъ съ ними кузовъ рыжиковъ
Набралъ. Ужъ жжется солнышко;
Ушелъ къ рѣкѣ. Купается;
Три дня тому сгорѣвшаго
Обугленнаго города
Картина передъ нимъ:

Ни дома уцѣлѣвшаго, —
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побѣленная,
Какъ бѣлая коровушка
На выгонѣ, стоитъ.
Начальство тамъ попряталось,
А жители подъ берегомъ,
Какъ войско, стали лагеремъ.
Все спитъ еще, немногіе
Проснулись: два подъячіе,
Придерживая полочки
Халатовъ, пробираются
Между шкапами, стульями,
Узлами, экипажами,
Къ палаткѣ-кабаку.
Туда жъ портняга скорченный
Аршинъ, утюгъ и ножницы
Несетъ — какъ листъ дрожитъ.
Воставъ отъ сна, съ молитвою
Причесываетъ голову
И держитъ на-отлетъ,
Какъ дѣвка, косу длинную
Высокій и осанистый
Протоіерей Стефанъ.
На сонной Волгѣ медленно
Плоты съ дровами тянутся;
Стоятъ подъ правымъ берегомъ
Три барки нагруженныя:
Вчера бурлаки съ пѣснями
Сюда ихъ привели.
А вотъ и онъ — измученный
Бурлакъ! Походкой праздничной
Идетъ, рубаха чистая,

Въ карманѣ мѣдь звенитъ.
Григорій шелъ, поглядывалъ
На бурлака довольнаго,
А съ губъ слова срывалися
То шопотомъ, то громкія.
Григорій думалъ вслухъ:

БУРЛАКЪ.

«Плечами, грудью и спиной
Тянулъ онъ барку бичевой,
Полдневный зной его палилъ,
И потъ съ него ручьями лилъ,
И падалъ онъ, и вновь вставалъ,
Хрипя «дубинушку» стоналъ;
До мѣста барку дотянулъ
И богатырскимъ сному уснулъ
И, въ банѣ смывъ поутру потъ,
Безпечно пристанью идетъ.
Зашиты въ поясъ три рубля;
Остаткомъ — мѣдью — шевеля,
Подумалъ мигъ, зашелъ въ кабакъ
И молча кинулъ на верстакъ
Трудомъ добытые гроши
И, выпивъ, крякнулъ отъ души,
Перекрестилъ на церковь грудь:
«Пора и въ путь! пора и въ путь!»
Онъ бодро шелъ, жевалъ калачъ,
Въ подарокъ несъ женѣ кумачъ,
Сестрѣ платокъ, а для дѣтей
Въ сусальномъ золотѣ коней.
Онъ шелъ домой — не близкій путь,
Дай Богъ дойти и отдохнуть!»

Съ бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
Къ народу перешли.
И долго Гриша берегомъ
Бродилъ, волнуясь, думая,
Покуда пѣсней новою
Не утолилъ натруженной
Горящей головы.

РУСЬ.

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
— Хватитъ ли силушки?
Хватитъ ли золота?
Думалъ, гадалъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка-Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая: —
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены:
Жита по зернышку
Горы наношены

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

IV.

«Удалась мнѣ пѣсенка!» молвилъ Гриша, прыгая:
«Горячо сказалася правда въ ней великая!
Завтра же спою ее вахлачкàмъ — не все же имъ
Пѣсни пѣть унылыя... Помогай, о Боже, имъ!

Какъ съ игры да съ бѣганья щеки разгораются
Такъ съ хорошей пѣсенки духомъ поднимаются
Бѣдные, забытые!..» Прочитавъ торжественно
Брату пѣсню новую (братъ сказалъ: «божественно!»),
Гриша спать попробовалъ. Спалося, не спалося, —
Краше прежней пѣсенка въ полуснѣ слагалася:
Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
Если бъ знать могли они, чтò творилось съ Гришею.
Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
Услаждали слухъ его звуки благодатные, —
Звуки лучезарные гимна благороднаго —
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго!

Октябрь, 1876.
Ялта.

ДѢТСТВО.

НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

I.

Въ первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стѣны ея деревянныя,
Крышу неровную, сѣрую,
Мохомъ зеленымъ поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его съ прихожанами,
Что угрожаетъ обрушиться
Старое, ветхое зданіе.
Часто они совѣщалися,
Какъ обновить отслужившую

Бѣдную церковь приходскую;
Поговоривъ, расходилися,
Храмъ окружали подпорками,
И продолжалось служеніе.
Въ ветхую церковь безтрепетно
Въ праздники шли православные —
Шли старики престарѣлые,
Шли малолѣтки безпечные,
Бабы съ грудными младенцами.
Въ ней причащались, вѣнчалися,
Въ ней отпѣвали покойниковъ...

Синее небо виднѣлося
Въ трещины стараго купола;
Дождь иногда въ эти трещины
Падалъ; по лицамъ молящихся
И по иконамъ угодниковъ
Крупныя капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдругъ выступали... Боялась я, —
Словно въ семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
Съ мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Вѣтромъ окошко непрочное,
И въ заунывно-печальное
Пѣніе гимна церковнаго
Звонкая пѣсня вторгалася,
Полная горя житейскаго —
Пѣсня суроваго пахаря!..

Помню я службу послѣднюю:
Громъ загремѣлъ неожиданно;
Все сотрясенное зданіе
Долго дрожало, готовое
Рухнуть; лампады горящія,
Паникадилы качалися;
Съ звономъ упали тяжелыя
Ризы съ иконы Спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
Въ ужасѣ ницъ преклонилися —
Божьяго ждали рѣшенія!..

II.

Ближе къ дорогѣ красивая
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняетъ развалины
Старой. Изъ ветхаго зданія
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатковъ строенія
Руки мірянъ не коснулися,
Словно больной, отъ котораго
Врачъ отказался, оставлено
Времени старое зданіе.
Ласточки тамъ поселилися —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко привѣтствуя птенчиковъ
Звонкимъ своимъ щебетаніемъ...

Въ землю вростая медлительно,
Эти остатки убогіе
Преобразились въ развалины
Странныя, чудно красивыя:
Дверь завалилась, обрушился
Куполъ; оторваны бурею,
Ветхія рамы попадали;
Травами густо поросшія,
Въ зелени стѣны терялися,
И простирали въ раскрытыя
Окна березы сосѣднія
Вѣтви свои многолистныя...

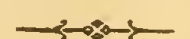
Ихъ сѣмена, занесенныя
Вѣтромъ на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что̀ возвышалась тамъ, стройная,
Съ блѣдно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги рѣзвая дѣвочка,
Что̀ ужъ сегодня вскарабкалась
На высоту и безтрепетно
Смотритъ оттуда, съ смѣющимся
Смѣлымъ и ласковымъ личикомъ.

Птицы носились тамъ стаями;
Тамъ стрекотали кузнечики,
Да деревенскіе мальчики
И русокудрыя дѣвочки
Живмя тамъ жили; по тропочкамъ
Между высокими травами
Бѣгали, звонко аукались,

Пѣли веселыя пѣсенки.
Тамъ мое дѣтство безпечное
Мирно летѣло... Играла я,
Помню, однажды съ подругами
И набѣжала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдавъ меня, дерево
Вдругъ подо мною разсыпалось:
Я провалилась въ развалины,
Внутрь запустѣлаго зданія,
Гдѣ не бывала со времени
Службы послѣдней...

Объятая
Трепетомъ, я огладѣлся:
Гнѣздышекъ рядъ подъ карнизами, —
Ласточки смотрятъ изъ гнѣздышекъ,
Словно киваютъ головками;
А по стѣнамъ — молчаливыя,
Строгія лица угодниковъ...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мнѣ было, дрожала я,
А уходить не хотѣлося.
Чудилось мнѣ: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голосъ отца престарѣлаго,
Пѣніе гимновъ божественныхъ,
Вздохи и шопотъ молитвенный
Слышались мнѣ, — простояла бы
Долго я тутъ неподвижная,
Если бы вдругъ не услышала
Криковъ: «Параша! да гдѣ же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули

Дѣти гурьбой, и наполнились
Звуками жизни развалины,
Гдѣ столько лѣтъ ужъ не слышались
Голосъ и шагъ человѣческій!..

НАКАНУНѢ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА.

из ъ стихотвореній, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ.

I.

Ѣхалъ я къ Ростову
Высокимъ холмомъ...
Лѣсокъ малорослый
Тянулся на немъ:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слѣва — долина
Какъ скатерть ровна.

Пестрѣлъ деревнями,
Дорогами долъ, —
Онъ все понижался
И къ озеру шелъ.

Ни озера, дѣти,
Забыть не могу,
Ни церкви на самомъ
Его берегу:

Тутъ чудо-картину
Я видѣлъ тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II.

Начну по порядку:
Я ѣхалъ весной,
Въ Страстную Субботу
Предъ самой Святой.

Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ;

Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Маляръ, водовозъ?

Не трудное дѣло!
Идутъ кузнецы —
Кто ихъ не узнаетъ?
Они молодцы

И пѣть и ругаться
Да — день не такой!
Идетъ кривоногій
Гуляка-портной:

Въ одномъ сертучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ. —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!

Смотрите — красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ:

Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;

Онъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.

Вотъ пильщики: сайку
Угрюмо жуютъ,
И, словно солдаты,
Всѣ въ ногу идутъ,

А пилы стальныя
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя,
На плечахъ дрожатъ!

Я добраго всѣмъ имъ
Желаю пути,
Въ родныя деревни
Скорѣе придти,

Омыть съ себя копоть
И потъ трудовой
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

III.

Стемнѣло. Болтая
Съ моимъ ямщикомъ,
Я ѣхалъ все тѣмъ же
Высокимъ холмомъ;

Взглянулъ на долину,
Что къ озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила!

На каждой тропинкѣ,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.

Куда? Я подумать
О томъ не успѣлъ,
Какъ колоколъ громко
Отвѣтъ прогудѣлъ!

У озера ярко
Горѣли костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свѣтѣ горящей
Соломы, — толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла...
Чудесная, дѣти,
Картина была!..

20 марта
1873.

УТРО.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю — здѣсь не страдать мудрено
Съ окружающей насъ нищетою
Здѣсь природа сама заодно:

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрыя, сонныя галки,
Что̀ сидятъ на вершинѣ стога;

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;
Жутко нервамъ — желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Начинается всюду работа;
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — тамъ ужъ ждутъ палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшатъ за прилавки засѣсть:
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки:
Наводненье столицѣ грозитъ...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотитъ — попался!
Гонятъ стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ — кто-то покончилъ съ собой...

НАДЪ ЧѢМЪ МЫ СМѢЕМСЯ.

Разъ сказалъ я за пирушкой:
«До свиданія, друзья!
Вечеръ съ матушкой старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бѣдную занять...»
Съ той поры, когда случится
Мнѣ съ друзьями пировать,
Какъ запасъ вѣстей изсякнетъ
И настанетъ тишина,
Кто-нибудь навѣрно брякнетъ:
«Человѣкъ! давай вина!

Выпьемъ мы еще по чашѣ
И — *туда*... Живѣй, холопъ!
Ну... а ты — иди къ мамашѣ!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю въ лобъ!
  Водовозъ воды боченокъ
Въ гололедицу тащилъ;
Старъ и слабъ, какъ щепка тонокъ,
Бѣдный, выбился изъ силъ.
Я усталому салазки
На бугоръ помогъ ввезти.
На-бѣду, въ своей коляскѣ
Мчался Митя по пути —
Какъ всегда, румянъ и свѣтелъ,
Онъ рукою мнѣ послалъ
Поцѣлуй, — онъ все замѣтилъ
И друзьямъ пересказалъ.
Съ той поры мнѣ нѣтъ проходу:
Филантропъ да филантропъ!
«Чтó? возилъ сегодня воду?
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю въ лобъ!

ПОЭТУ.

ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА.

Гдѣ ты — пѣвецъ любви, свободы, мира
И доблести?.. Вѣкъ «крови и меча!»
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласитъ: «Пѣвцы не нужны вѣку!» —
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...

О, кто жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призванiе его?..

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшiй духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убiйство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ мiръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,

На путь вражды!.. Въ его дѣла и чувства
Гармонiю внести лишь можешь ты,—
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

НОЧЛЕГИ.

I.

НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ.

Вступили кони подъ навѣсъ,
Гремя безчеловѣчно.
Усталый, я съ телѣги слѣзъ,
Ночлегу радъ сердечно.

Спрыгнули псы: задорный лай
Наполнилъ всю деревню,
Впустилъ насъ дворникъ Николай
Въ убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидѣлъ ужъ тамъ прохожій
Въ пальто съ господскаго плеча:
«Спознались, сударь, тоже?»

Онъ, низко кланяясь, сказалъ.
— Да, нынче дни коротки.
Усѣлся я, а онъ стоялъ.
— Садитесь! выпьемъ водки!

Прохожій выпилъ рюмки двѣ
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жилъ въ Москвѣ...
До царскаго указу.

«Былъ крѣпостной: отецъ и дѣдъ
Помѣщикамъ служили.
Мнѣ было двадцать восемь лѣтъ,
Какъ волю объявили;

«Нашъ баринъ сталъ куда какъ лихъ, —
Сердился, придирался,
А передъ самымъ срокомъ стихъ,
Съ рабами попрощался,

«Сказалъ намъ: — «Вольны вы теперь»,
И очи помутились:
— «Идите съ Богомъ!» Вѣрь, не вѣрь,
Мы тоже прослезились

«И потянулись кто куда...
Пришелъ я въ городишко,
А тамъ ужъ цѣлая орда
Такихъ же — нѣтъ мѣстишка!

«Рѣшился я идти въ Москву,
Въ конторѣ записался,
И вышло мѣсто къ Покрову.
Не баринъ — кладъ попался!

«Сначала, правда, злился онъ, —
Чѣмъ больше угождаю,
Тѣмъ онъ грубѣй: прогонитъ вонъ...
За что?.. Не понимаю!

«Да съ нимъ, — какъ я смекнулъ позднѣй, —
Знать надо было штучку:
Сплошалъ — сознайся поскорѣй,
Не лги, не чмокай въ ручку!

«Не то разсердишь: — Ермолай!
Опомнись! какъ не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мнѣ за тебя обидно!

— «Ты человѣкъ! ты гражданинъ!
Знай: сила не въ богатствѣ,
Не въ томъ — великъ ли, малъ ли чинъ,
А въ равенствѣ и братствѣ!

— «Я раболѣпства не терплю, —
Не льсти, не унижайся!
Случиться можетъ: самъ вспылю —
И мнѣ не поддавайся!..»

«Работы мало, да и той
Самъ половину правилъ;
Я захворалъ — всю ночь со мной
Сидѣлъ — піявки ставилъ;

«За каждый шагъ благодарилъ.
Съ любовью, не со страхомъ
Три года я ему служилъ —
И вдругъ пошло все прахомъ!

«Однажды онъ сердитый всталъ,
Порѣзался, какъ брился, —
Все не по немъ! — Весь день ворчалъ
И вдругъ совсѣмъ озлился.

«Коститъ!.. — Потише, господинъ!
Сказалъ я, вспыхнувъ тоже.
— «Какъ?.. что?.. Зазнался, хамовъ сынъ!»
И хлопъ меня по рожѣ!

«По старой памяти, я прочь,
А онъ за мной — бѣдовый!...
— Такъ вотъ, продумалъ я всю ночь,
Каковъ онъ — баринъ новый!

«Такія рѣчи поведетъ,
Что слушать любо-мило,
А кончитъ тѣмъ же, что прибьетъ!
Нѣтъ, прежде проще было!

«Обидно! Я его считалъ
Не бариномъ, а братомъ...
Настало утро — не позвалъ;
Свернувшись подъ халатомъ,

«Стоналъ, какъ раненый, весь день.
Не выпилъ чашку чаю...
А ночью баринъ, словно тѣнь,
Прокрался къ Ермолаю;

«Впередъ уставился лицомъ:
— «Ударь меня скорѣе!
Мнѣ легче будетъ!..» (Мертвецомъ
Глядѣлъ онъ, былъ бѣлѣе

«Своей рубахи), — Мы равны, —
Да, я сплошалъ... я знаю..
Какъ быть! Сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

«— Не такъ ли, другъ? Скорѣе хлопъ —
И снова правы, святы...»
— Не такъ! Вы — баринъ, я — холопъ!
Я бѣденъ, вы богаты!

(Сказалъ я). — Долженъ я служить,
Пока стаётъ терпѣнья,
И я служить готовъ... а бить
Не буду... съ позволенья!

«Онъ все свое, а я свое —
Споръ долго продолжался,
Смекнулъ я: тутъ мнѣ не житье!
И съ бариномъ разстался.

«Иду покамѣстъ въ Арзамасъ:
Тамъ у меня невѣста...
Нельзя ли будетъ черезъ васъ
Достать другое мѣсто?..»

II.

НА ПОГОРѢЛОМЪ МѢСТѢ.

Слава Богу, хоть ночь-то свѣтла!
Увлекаться такъ глупо и стыдно.
Мы устали, промокли до-тла,
А кругомъ деревеньки не видно.

Наконецъ увидалъ я бугоръ:
Тамъ угрюмыя сосны стояли
И подъ ними дымился костеръ
Мы съ Трофимомъ *) туда побѣжали.

«Горевали, а вотъ и ночлегъ!»
— Таборъ, что ли, цыганскій тамъ? — «Нѣту!
Не видать ни коней, ни телѣгъ,
Незамѣтно и краснаго цвѣту.

«У цыганокъ, куда ни взгляни,
Красный цвѣтъ — это первое дѣло!»
— Косари? — «Кабы были они,
Хоть одна бы тутъ женщина пѣла».

— Пастухи ли огонь развели?..
Черезъ пни погорѣлаго бора
Къ неширокой рѣкѣ мы пришли
И разгадку увидѣли скоро:

Погорѣльцы разбили тутъ станъ.
Къ намъ навстрѣчу ребята бѣжали:
«Не видали вы нашихъ крестьянъ?
Побираться пошли — да пропали!»

---

*) Проводникъ.

— Не видали!.. Весь таборъ притихъ...
Звучно щиплетъ траву лашаденка,
Бабы няньчатъ младенцевъ грудныхъ
Утѣшаетъ ребятъ старушонка:

— Воля Божья: усните скорѣй!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вамъ накуплю калачей.
Вотъ и деньги... Глядите-ка, сколько!

— Гдѣ ты, бабушка, денегъ взяла?
— «У оконца, на мѣсячномъ свѣтѣ,
Въ ночи зимнія пряжу пряла...»
Побренчали казной ея дѣти...

Старый дѣдъ, словно царь Соломонъ,
Роздалъ имъ кой-какую одежу.
Патріархомъ библейскихъ временъ
Онъ глядѣлъ, завернувшись въ рогожу.

Величавая строгость въ чертахъ,
Черепъ голый, нависшія брови,
На груди и на голыхъ ногахъ
Слѣдъ недавнихъ ожоговъ и крови.

Мой вожатый къ нему подлетѣлъ:
— Здравствуй, дѣдко! «Живите здоровы!»
— Погорѣли? А хлѣбъ уцѣлѣлъ?
Уцѣлѣли лошадки, коровы?

«Хлѣбу было сгорѣть мудрено»,
Отвѣчалъ патріархъ неохотно:
«Мы его не имѣли давно.
Спите, дѣтки, окутавшись плотно!

«А къ костру не ложитесь, огонь
Подползетъ — опалитъ волосенки.
Уцѣлѣлъ изъ двѣнадцати — конь,
Изъ семнадцати — три коровенки».

— Нѣтъ и вашихъ дремучихъ лѣсовъ?
Вѣкъ росли, а въ недѣлю пропали!
«Соблазняли они мужиковъ:
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взялъ онъ ружье у меня,
Осмотрѣлъ, осторожно поставилъ.
Я сказалъ: — Безпощаднѣй огня
Нѣтъ врага — ничего не оставилъ!

— «Не скажи. Разсудила судьба,
Что нельзя же безъ древа-то въ мірѣ,
И оставила намъ на гроба
Эти сосны...» (Ихъ было четыре)...

III.

У ТРОФИМА.

Звѣзды осени мерцаютъ
Тускло, мѣсяцъ безъ лучей;
Кони бережно ступаютъ;
Рѣки налило съ дождей.

Поскорѣй бы къ самовару!
Нетерпѣніемъ томимъ,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчитъ Трофимъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «Мѣсяцъ въ небѣ,
Словно сайка на столѣ» —
Значитъ: думаетъ о хлѣбѣ;
Я мечтаю о теплѣ.

Ѣдемъ... ѣдемъ... Тучи вьются
И бѣгутъ... конца имъ нѣтъ!
Если разомъ всѣ прольются —
Поминай, какъ звали свѣтъ!

Вотъ и наша деревенька!
Встрепенулся спутникъ мой:
«Есть тутъ валенки, надѣнь-ка!»
— Чаю! рому!.. Все долой!..

Вотъ погашена лучина;
Ночь, но оба мы не спимъ.
У меня своя причина —
Но чего не спитъ Трофимъ?

— Что̀ ты охаешь, Степанычъ?
Страшно, баринъ! мочи нѣтъ.
Вспомнилъ то, чего бы на ночь
Вспоминать совсѣмъ не слѣдъ!

«И откуда чортъ приводитъ
Эти мысли? Вороню,
Управляющій подходитъ, —
Низко голову клоню,

«Поглядѣть въ глаза не смѣю,
Да и онъ-то не глядитъ —
Знай, накладываетъ въ шею.
Шея, — вѣришь ли? — трещитъ!

«Только стану забываться,
Голосъ барина: «Трофимъ!
Недоимку!» Кувыркаться
Начинаю передъ нимъ...»

— Страшно, видно, воротиться
Къ недалекой старинѣ?
«Такъ ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мнѣ!

«И теперь уйдешь весь въ пятки,
Какъ посредникъ налетитъ;
Да съ Трофима взятки гладки:
Пошумитъ и укатитъ!

«И теперь въ квашнѣ солома
Перемѣшана съ мукой,
Да зато покойно дома;
А бывало — волкомъ вой!

«Дѣти были малолѣтки, —
Я дрожалъ и за дѣтей:
Какъ цыплятъ изъ-подъ насѣдки
Вырветъ — пикнуть не посмѣй!

«Какъ томили! Какъ пороли!
Сыну сказывать начну —
Сынъ не вѣритъ: а давно ли?..
Дочку бариномъ пугну —

«Дѣвка прыснетъ, захохочетъ:
— Шутишь, батька!»
— Погоди!
Если только Богъ захочетъ,
То ли будетъ впереди!

— Есть у васъ въ округѣ школы?
«Есть». — Учите-ка дѣтей!
Не бѣда, что люди голы;
Лишь бы стали поумнѣй.

— Перестанетъ ѣсть солому,
Трусу праздновать народъ...
И твой внукъ отцу родному
Не повѣритъ въ свой чередъ.

ТРИ ЭЛЕГІИ.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ.

I.

Ахъ! что̀ изгнанье, заточенье!
Захочетъ — выручитъ судьба!
Что̀ врагъ — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
Онъ промахнется, въ добрый часъ...
Но той руки ударъ смертеленъ,
Которая ласкала насъ!..

Одинъ, одинъ!.. А ту, кѣмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
Не сноситъ горестей оно

И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлитъ ужъ давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?.. Молчу̀, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтобъ было прошлаго не жаль!

Что̀ жъ, если сбудется желанье?..
О, нѣтъ! живетъ въ душѣ моей
Неотразимое сознанье,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили,
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужого моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И — вѣрю я — она придетъ!

Придетъ... и, какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупитъ очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?

Простить не можешь ты ее —
И не любить ея не можешь!.

II.

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза,
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что̀ сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетимъ съ тобою вновь
Въ ту страну обѣтованную,
Гдѣ вѣнчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
Тамъ лазурнѣй небеса,
Соловьи тамъ голосистѣе,
Густолиственнѣй лѣса...

III.

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права, —
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди, — она недалека...
Зачѣмъ же ты, о сердце! не миришься
Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что намп здѣсь любимо,
Что день — сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..
Усни... умри!..

—⁂—

УНЫНІЕ.

I.

Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
Но я рѣки любимой не покинулъ:
Вблизи ея песчаныхъ береговъ
Я и теперь на лѣто укрываюсь
И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь
Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
Мой черный конь, съ Кавказа приведенный,
Уменъ и смѣлъ: какъ вихорь онъ летитъ,
Еще отцомъ къ охотѣ пріученный,
Какъ вкопаный при выстрѣлѣ стоитъ, —
Когда «Кадо» *) бѣжитъ опушкой лѣса
И глухаря нечаянно спугнетъ,
На всемъ скаку остановивъ «Черкеса **),
Спущу курокъ — и птица упадетъ.

*) Собака.
**) Лошадь.

II.

Какой восторгъ! За перелетной птицей
Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ нивъ
Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
Я тѣломъ здравъ. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать надъ мыслью молотка
Я не могу, какъ сильно ни желаю;
Но если онъ приподнятъ хоть слегка,
Но если я о немъ позабываю
На полчаса, — и тѣмъ я дорожу:
Я *самъ себя*, читатель, *нахожу*,
А это все, что̀ нужно для поэта.
Такъ шли дѣла; но нынѣшнее лѣто
Не задалось: не заряжалъ ружья
И не писалъ еще ни строчки я.

III.

Мнѣ совѣстно признаться: я томлюсь, —
Читатель мой, мучительнымъ недугомъ.
Чтобъ отъ него отдѣлаться, дѣлюсь
Я имъ съ тобой: ты быть умѣешь другомъ, —
Довѣриться тебѣ я не боюсь.
Недугъ не новъ (но сила вся въ размѣрѣ) —
Его зовутъ уныньемъ; въ старину
Я храбро съ нимъ выдерживалъ войну,
Иль хоть смягчалъ трудомъ, по крайней мѣрѣ;
А нынче съ нимъ не оберусь хлопотъ.
Быть можетъ, есть причина въ атмосферѣ,
А можетъ быть, мнѣ знать себя даетъ,
Друзья мои, пятидесятый годъ.

IV.

Да, онъ насталъ — и требуетъ отчета!
Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О юноши, грозитъ
Она и вамъ, — судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлый жизни трудъ,
И мстящаго, зовущаго на судъ
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости — неумолимый богъ
(Отъ юности готовьте вашъ итогъ!).

V — VI — VII.

Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка
И говоритъ: «Оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка...»
Увы! ихъ нѣтъ! однѣхъ ошибокъ рядъ!
Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ; пытливое волненье
Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
И, прослѣдивъ со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопросъ неотразимый
Насмѣшливо поставилъ предо мной:
Зачѣмъ ты жилъ?
. . . .

VIII.

Враги мои рѣшатъ его согласно:
Всѣхъ мѣряя на собственный аршинъ,
Въ чужой душѣ они читаютъ ясно!

Но мой судья — читатель-гражданинъ:
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру,
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру!
Еще мой трудъ тобою не забытъ,
И знаешь ты: во мнѣ нѣтъ силъ героя —
Тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя, —
Я рядовой (теперь ужъ инвалидъ)...

IX.

Суди, рѣшай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, міръ безстрашно облетая,
Мой умъ къ труду, къ покою возврати!
Чтобъ отдохнуть душою несвободной,
Иду къ рѣкѣ, — кормилицѣ народной..
Съ младенчества на этомъ мнѣ пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Лѣнивыя медлительныя волны...
О чемъ ихъ грусть?.. Бывало, каждый день
Я здѣсь бродилъ въ раздумьи молчаливомъ
И слышалъ я въ ихъ ропотѣ тоскливомъ
Тоску и скорбь сопутныхъ деревень...

X.

День свечерѣлъ. Томимъ тоскою вялой,
То по лѣсамъ, то по лугу брожу.
Уныніе въ душѣ моей усталой,
Уныніе — куда ни погляжу.
Вотъ дождь пошелъ, и громъ готовъ ужъ грянуть:
Косцы бѣгутъ проворно подъ шатры,
А я дождемъ спасаюсь отъ хандры;

Но, видно, мнѣ и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись въ лугахъ костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычкѣ повинуясь,
Пишу стихи — и, недовольный, жгу.
Мой стихъ упылъ, какъ ропотъ на несчастье,
Какъ плескъ волны въ осеннее ненастье
На сѣверномъ пустынномъ берегу...
Подъ берегомъ, гдѣ вѣчная прохлада
Отъ старыхъ ивъ, нависшихъ надъ рѣкой,
Стоитъ въ водѣ понуренное стадо,
Надъ нимъ — шмелей неугомонный рой.
Лишь овцы рвутъ траву береговую,
Какъ рекруты острижены вплотную.
Невеселъ видъ рѣки и береговъ.
Свиститъ куликъ, кружится рыболовъ,
Добычу карауля, какъ разбойникъ;
Таинственно снастями шевеля,
Проходитъ барка, виденъ у руля
Высокій крестъ: на баркѣ есть покойникъ...

XI.

Чу! конь заржалъ. Трава кругомъ на славу;
Но лошадямъ невесело пришлось,
И, позабывъ зеленую отаву,
Подъ дымъ костра, спасающій отъ осъ,
Сошлись онѣ, поникли головами
И машутъ въ тактъ широкими хвостами.
Лишь тамъ, вдали, остался сѣрый конь, —
Онъ не бѣжитъ проворно на огонь:
Хоть и надъ нимъ кружится рой докучный,
Сѣркò стоитъ понуръ и недвижимъ.

Несчастный конь, неnатурально-тучный!
Ты пораженъ недугомъ роковымъ.

XII.

Я подошелъ: алѣла бугорками
По всей спинѣ, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струплась изъ ноздрей...
Я наблюдалъ жестокій пиръ шмелей,
А конь дышалъ все рѣже, все слабѣй.
Какъ вкопаный, стоялъ онъ часъ — и болѣ,
И вдругъ упалъ. Лежитъ недвижимъ въ полѣ...
Надъ трупомъ солнца раскаленный шаръ
Да степь кругомъ. Вотъ съ вышины спустился
Степной орелъ; надъ жертвой покружился
И царственно усѣлся на стожаръ.
Въ досадѣ я послалъ ему ударъ,
Спугнулъ его, но онъ вернется къ ночи
И выклюетъ ей острымъ клювомъ очи...

XIII.

Иду на шелестъ нивы золотой.
Печальныя, убогія равнины!
Недавнія и страшныя картины,
Стѣсняя грудь, проходятъ предо мной.
Ужели Богъ не сжалится надъ нами,
Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживитъ,
И мельница съ недвижными крылами
И этотъ годъ безъ дѣла простоитъ?

XIV.

Ужель опять наградой будетъ плугу
Голодный годъ?.. Чу! женщина поетъ!

Какъ будто въ гробъ она кладетъ подругу,
Душа болитъ, уныніе растетъ.
Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ — плохой я гражданинъ!
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья:
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?..

ЭЛЕГІЯ.

ПОСВЯЩЕНО ДРУГУ МОЕМУ.

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЕРАКОВУ.

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая — «страданія народа»,
И что поэзія забыть ее должна, —
Не вѣрьте, юноши: не старѣетъ она!
О, если бы ее могли состарить годы,
Процвѣлъ бы Божій міръ!.. Увы! пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ.
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра —
Чему достойнѣе служить могла бы лира?

Я лиру посвятилъ народу своему.
Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
Но я ему служилъ — и я умру спокоенъ...
Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьи...
«Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьи» —
Шепнула Муза мнѣ: «Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?..»

Внимаю ль пѣсни жницъ надъ жатвой золотою,
Старикъ ли медленно шагаетъ за сохою,
Бѣжитъ ли по лугу, играя и свистя,
Съ отцовскимъ завтракомъ довольное дитя,
Сверкаютъ ли серпы, звенятъ ли дружно косы,
Отвѣта я ищу на тайные вопросы,
Кипящіе въ умѣ: «Въ послѣдніе года
Сноснѣй ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы? въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?..»

Ужъ вечеръ настаетъ. Волнуемый мечтами,
По нивамъ, по лугамъ, уставленнымъ стогами,
Задумчиво брожу въ прохладной полутьмѣ,
И пѣснь сама собой слагается въ умѣ —
Недавнихъ тайныхъ думъ живое воплощенье:
На сельскіе труды зову благословенье,
Народному врагу проклятія сулю,
А другу у небесъ могущества молю, —
И пѣснь моя громка!.. Ей вторятъ долы, нивы,

И эхо дальнихъ горъ ей шлетъ свои отзывы,
И лѣсъ откликнулся... Природа внемлетъ мнѣ,
Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта —
Увы! не внемлетъ онъ — и не даетъ отвѣта...

ГОРЕ СТАРАГО НАУМА.

ВОЛЖСКАЯ БЫЛЬ.

I.

Науму паточный заводъ
И дворикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ — не глупый малый:

Задаромъ снявъ клочокъ земли,
Крестьянину съ охотой
Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
А тотъ плати работой —

Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле...
Вблизи — «Бабайскій» монастырь
Село «Большія Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наумъ живетъ — не тужитъ,
И Волга-матушка сама
Его карману служитъ.

Питейный домъ его стоитъ
На самомъ «перекатѣ»;
Какъ лѣто Волгу обмелитъ,
Къ пустынной этой хатѣ

Тропа знакома бурлакамъ:
Выходитъ много «чарки»...
Здѣсь ходу нѣтъ большимъ судамъ, —
Здѣсь «паузятся» барки.

Купцы бѣгутъ: «Помогу дай!»
Наумъ купцовъ встрѣчаетъ,
Мигнетъ народу «не плошай!»
И самъ не оплошаетъ...

Кипитъ работа до утра!
Все весело, довольно..
Итакъ, нѣтъ худа безъ добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалѣя бѣдняка,
Мелѣешь годъ отъ года,
Благословенная рѣка,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайныя тревоги,
И трудъ, и пѣсни, и костры...
Съ береговой дороги

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,

А паруса, что крылья птицъ,
Колеблются лѣниво!

А мѣсяцъ медленно плыветъ,
А Волга чуть лепечетъ...
Чу! рѣзко свистнулъ пароходъ,
Бѣжитъ и искры мечетъ.

Ущелья темныхъ береговъ
Стогласнымъ эхомъ полны...
Не все же пѣснямъ бурлаковъ
Внимаютъ эти волны.

Я слушалъ жадно иногда
И тотъ напѣвъ унылый,
Но гулъ довольнаго труда
Мнѣ слаще слышать было.

Увы! я дожилъ до сѣдинъ,
Но измѣнился мало.
Иныхъ временъ, иныхъ картинъ
Провижу я начало

Въ случайной жизни береговъ
Моей рѣки любимой:
Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый

Созрѣетъ, густо заселитъ
Прибрежныя пустыни;
Наука воды углубитъ.
По гладкой ихъ равнинѣ

Сюда гиганты побѣгутъ
Несчетною толпою,

И будетъ вѣченъ бодрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою...

III.

Мечты!.. Я вѣрую въ народъ...
. . . .
. . . .
. . . .

IV

Науму слишкомъ пятьдесятъ,
А ни дѣтей, ни женки.
Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ однѣ деньженки.

Онъ говорилъ: «Жениться — взять
Обузу, а «сударки»
Еще тошнѣй: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его рѣчей
Тогда не приходилось,
Хоть, можетъ быть, въ груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у насъ, какъ ледъ и зной,
Причины были розны.
«Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны;

Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,

Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ!»

Я думалъ гордо: кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился невпопадъ —
Лихое было время!

Забыло солнышко свѣтить,
Погасъ и мѣсяцъ ясный,
И трудно было отличить
Отъ ночи день ненастный.

Громъ непрестанно грохоталъ,
И вихорь былъ ужасенъ,
И человѣкъ подъ нимъ стоялъ
Испуганъ и безгласенъ.

Былъ краткій мигъ: заря зажгла
Роскошно край лазури, —
И буря новая пришла
На смѣну старой бури:

И новымъ силамъ новый бой
Готовился... Усталый,
Поникъ я буйной головой,
Погибли идеалы,

Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на Музу!

V.

Стрѣляя сѣрыхъ куликовъ
На отмели песчаной,
Заслышу говоръ бубенцовъ
И свистъ, и топотъ рьяный, —

На кручу выбѣгу скорѣй:
Знакомая телѣжка,
Нарядны гривы у коней,
У сѣдока — усмѣшка...

Лихая пара! На шлеяхъ
И бляхи, и чешуйки;
Въ личныхъ высокихъ сапогахъ,
Въ солидной синей чуйкѣ

Въ московскомъ новомъ картузѣ,
Самъ правя пристяжною,
Наумъ катитъ во всей красѣ.
Увидитъ — радъ душою!

Кричитъ: «Довольно вамъ палить,
Пора чайку покушать!..»
Наумъ любилъ поговорить,
А я любилъ послушать.

Закуску, водку, самоваръ
Вносили по порядку
И Волги драгоцѣнный даръ —
Янтарную стерлядку.

Наумъ усердно предлагалъ
Рябиновку, вишневку,
А, расходившись, обивалъ
«Смоленую головку».

— Ну, какъ дѣлишки? «Въ барышѣ»,
Съ улыбкой отвѣчаетъ.
Разговорившись по душѣ,
Подробно исчисляетъ,

Что̀ дало въ годъ ему вино
И сколько отъ завода.
«Накопчено, насолено —
Чай хватитъ на три года!

«Все лѣто занято трудомъ,
Хлопотъ по самый воротъ,
Придетъ зима — лежу суркомъ,
Не то поѣду въ городъ.

«Начальство — други-кумовья,
Стрясись бѣда — поправятъ;
Работы много — свистну я:
Сосѣди не оставятъ;

«Округа вся въ горсти моей,
Казна надёжнѣй цѣпи:
Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
Мои остались крѣпи.

«Судью за денежки куплю,
Умилостивлю Бога...»
(Русакъ природный — во хмелю
Онъ былъ хвастливъ немного).

VI.

Полвѣка прожилъ такъ Наумъ
И не тужилъ нимало;
Работалъ въ немъ житейскій умъ,
А сердце мирно спало.

Встрѣчаясь съ нимъ, я вспоминалъ
Невольно дубъ красивый
Въ моемъ саду: тамъ сѣти ткалъ
Паукъ трудолюбивый;

Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ;

То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятья,
А, пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятья.

И вывелъ, точно на показъ,
Паукъ мой паутину.
Какая ткань! Какой запасъ
На черную годину!

Тамъ мошекъ цѣлыя стада
Нашли себѣ могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосѣдъ, другой паукъ,
Качался тамъ, замученъ:
А мой — отъѣлся вонъ изъ рукъ!
Доволенъ, гладокъ, тученъ,

То мирно дремлетъ въ уголку,
То мухою закуситъ...
Живется славно пауку:
Не тужитъ и не труситъ!

Съ Наумомъ я давно знакомъ,
Еще какъ былъ моложе,
Наума съ этимъ паукомъ
Я сравнивалъ... И что̀ же?

Ужъ округлился капиталъ,
Въ купцы бы надо вскорѣ,
А человѣкъ затосковалъ!
Пришло къ Науму горе...

VII.

Сидѣлъ онъ поздно у воротъ,
Въ расчеты погруженный;
Послѣдній свистнулъ пароходъ
На Волгѣ полусонной,

И потянулись на покой
И человѣкъ и птица.
Зашли къ Науму той порой
Молодчикъ да дѣвица:

У Тани русая коса
И голубыя очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой отъ темной ночи!»

— А самоварчикъ надо грѣть?
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могутъ гости посидѣть:
У нихъ и смѣхъ и шутки,

Задѣть другъ дружку норовятъ
Ногой, рукой, плечами,
И такъ глядятъ... и такъ шалятъ,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнетъ личико у ней,
То бѣлое, какъ сливки...
Поѣли гости калачей,
Отвѣдали наливки:

«Теперь уснемъ мы до утра,—
У васъ покой, приволье!
— А кто вы?—«Братецъ и сестра,
Идемъ на богомолье».

Онъ думалъ:—Вретъ! поди, сманилъ
Купеческую дочку!
Да что̀ мнѣ? лишь бы заплатилъ!
Пускай ночуютъ ночку.

Онъ имъ подушекъ пару далъ:
— Уснете на диванѣ!—
И доброй ночи пожелалъ
И молодцу и Танѣ.

Въ своей коморкѣ на часахъ
Поддернулъ кверху гири
И утонулъ въ пуховикахъ...
Проснулся: бьетъ четыре;

Еще темно; во рту горитъ;
Кваску ему желалось,
Да квасъ-то въ горницѣ стоитъ,
Гдѣ парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на умъ!
Да я пройду тихонько.
Добуду! (думаетъ Наумъ)
Чай, спятъ они крѣпонько.

«Не скоро ихъ бы разбудилъ
Теперь и конскій топотъ...»
Но только дверь пріотворилъ,
Услышалъ тихій шопотъ:

«Покуримъ, Ваня!» говоритъ
Молодчику дѣвица.
И спичка чиркнула — горитъ.
Увидѣлъ онъ ихъ лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивѣе у Тани!
Рука, согнутая въ кольцо,
Лежитъ на шеѣ Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Какъ жаръ горитъ одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще онъ видѣлъ на-лету,
Какъ встрѣтились ихъ очи.
И вновь на юную чету
Спустился пологъ ночи.

Назадъ тихонько онъ ушелъ,
И съ той поры Наума
Не узнаютъ: онъ вѣчно золъ,
Сидитъ одинъ угрюмо,

Или пойдетъ бродить окрестъ
И къ ночи лишь вернется,
Соленыхъ рыжиковъ не ѣстъ
И чай ему не пьется.

Забылъ наливки настоять
Душистой поленикой;
Хозяйство стало упадать —
Грозитъ уронъ великій!

На счетахъ спутался не разъ,
Хоть счетикъ былъ отмѣнный...
Двѣ пары глазъ, отмѣнныхъ глазъ,
Горятъ предъ нимъ безсмѣнно!

«Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ»,
Онъ думаетъ уныло:
«А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?..»
И все ему постыло...

СОВРЕМЕННИКИ.

I.

ЮБИЛЯРЫ И ТРІУМФАТОРЫ.

Я книгу взялъ, возставъ отъ сна,
И прочиталъ я въ ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй».

Швырнулъ далеко книгу я...
Ужели мы съ тобой
Такого вѣка сыновья,
О другъ-читатель мой?..

Конечно, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!
Клевещетъ нашъ зоилъ.
Лакей принесъ пучокъ газетъ;
Я жадно ихъ раскрылъ, —

Минуя кражу и пожаръ
И рядъ самоубійцъ,
Встрѣчаю слово «юбиляръ», —
Читаю списокъ лицъ,

Стяжавшихъ лавры. Счета нѣтъ!
Степендія... медаль...
Аренда... памятникъ... обѣдъ...
Обѣдъ... обѣдъ... О, враль!

Протри глаза!.. Иду къ друзьямъ:
Готовитъ спичъ одинъ,

Другой десятокъ телеграммъ —
Въ Москву, въ Рязань, въ Тульчинъ.

Пошелъ я съ нимъ «на телеграфъ»:
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподнявъ,
Толпились тамъ съ утра.

Мелькаютъ крупныя слова:
«Герою много лѣтъ...»
«Ликуй, Орелъ!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привѣтъ...»

Не мало тутъ «друзей добра»,
«Отцовъ» не перечесть,
А вотъ листокъ; одно — «ура...»
Пора, однако, ѣсть.

Я пришелъ въ трактиръ и тоже
Счетъ теряю торжествамъ.
Книга дерзкая! за что̀ же
Ты укоръ послала намъ?..

У Дюссо готовятъ славно
Юбилейные столы;
Тамъ обѣдаютъ издавна
Тріумфаторы-орлы.
Посмотрите — что̀ за рыба!
Еле внесъ ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Изъ отворенныхъ дверей.
Заказавъ бульонъ и дичи,

Коридоромъ я брожу;
Дверь растворятъ — слышу спичи,
На пирующихъ гляжу;
Люди заняты въ трактирахъ,
Не мѣшаютъ... я и радъ...

Зала № 1.

Въ первой залѣ всѣ въ мундирахъ,
Въ бѣлыхъ галстухахъ стоятъ.
Юбиляръ-администраторъ
Древенъ, весь шитьемъ залитъ,
Двѣ звѣзды... Ему ораторъ,
Тоже старецъ, говоритъ:
«Ты отецъ! До населенья
Добръ и милостивъ ты былъ:
Не довелъ до разоренья,
Пищи, крова не лишилъ!
Ты герой — до кассы частной,
До казеннаго добра
Не простеръ руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

Вдругъ курьеръ вошелъ, сіяя:
Засіялъ и юбиляръ.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный даръ.

№ 2.

Рѣчь долго, долго длилась,
Расплакался старикъ...
Я сдѣлалъ шагъ... открылась

Другая дверь — на мигъ,
И тутъ героя чтили,
Кричали: «много лѣтъ!»
Герою подносили
Магницкаго портретъ:
Устрой еще заставы
И надписи прибей..

Исчезла сцена славы —
Захлопнулъ дверь лакей..

№ 2.

На столѣ лежатъ «подарки» —
Въ Петербургѣ лучшихъ нѣтъ:
Двѣ брильянтовыя арки —
Восхитительный браслетъ!
Брилліантовыя звѣзды:
Чудо! Нѣсколько ребятъ
Съ упоеніемъ невѣсты
На сокровища глядятъ.
(Были тутъ и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрѣлые юристы,
И купцы... et caetera...)

— Чудо! дядька ихъ почтенный
Восклицаетъ, князь Иванъ,
И, лѣтами удрученный,
Упадаетъ на диванъ...
Князь Иванъ — колоссъ по брюху,
Руки — родъ пуховика.

Пьедесталомъ служитъ уху
Ожирѣвшая щека.
По устройству верхней губы
Онъ — бульдогъ, съ оскаломъ зубы,
Подъ гребенку волоса
И — добрѣйшіе глаза
Онъ — извѣстный объѣдало,
Говоритъ умно,
Словно въ бочку изъ-подъ сала.
Льетъ въ себя вино.
Дома рѣдко пребываетъ,
До шестидесяти лѣтъ
Водевили посѣщаетъ,
Оперетку и балетъ.
У него друзья — кадеты;
Именитый дѣдъ его
Былъ шутомъ Елизаветы,
Самъ онъ — ровно ничего.
Презираетъ аксельбанты,
Не охотникъ до чиновъ:
Унаслѣдовавъ таланты
Историческихъ шутовъ,
Съ языкомъ своимъ проворнымъ,
Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
Былъ бы онъ шутомъ придворнымъ,
А теперь онъ — шутъ простой.

«Да! дары такіе рѣдки!»
Восклицаетъ князь Иванъ:
«Надо спрыснуть... спрыснуть, дѣтки!..
Наливай полнѣй стаканъ!.
Нѣтъ, постой! Въ началѣ пира
Совершимъ одинъ обрядъ:

Передъ нами нѣтъ кумира,
Но... *и камни говорятъ*
Эта брошка пріютится
У богини на груди,—
Значитъ, должно преклониться
Передъ нею... Подходи!..»

И почтительно къ алмазамъ
Приложился князь Иванъ,
И потомъ ужъ выпилъ разомъ
Свой вмѣстительный стаканъ.
И, вослѣдъ за командиромъ,
Приложилися юнцы
Къ бриліантамъ и сафирамъ...

— «На колѣни, молодцы!
Гимнъ!..»

Глядитъ умильнымъ взоромъ
Старый шутъ на небеса,
И поютъ согласнымъ хоромъ
Молодые голоса:

Мадонны ликъ,
Взоръ херувима...
Мадамъ Жюдикъ
Непостижима!

Жизнь наша—пуфъ,
Пустѣй орѣха;
Заѣхать въ Буффъ—
Одна утѣха.

Восторга крикъ,
Порывъ блаженства ..
Мадамъ Жюдикъ
Верхъ совершенства!

№ 4.

«... Первоприсутствуя въ Сенатѣ,
Радѣлъ ли ты о меньшемъ братѣ?
Всегда ли ты служилъ добру?
Всегда ли къ истинѣ стремился?..»
— «Позвольте-съ!»

Я посторонился
И далъ дорогу осетру...

№ 5.

Большая зала... шума нѣтъ...
Ученое собранье,
Агрономическій обѣдъ,
Вѣрнѣе — засѣданье.
Встаетъ извѣстный агрономъ,
Членъ общества — Колѣновъ
(Докладчикъ пасмуренъ лицомъ,
Печальны лица членовъ).
Онъ говоритъ: «Я посвятилъ
Досугъ мой скотоводству:
Я восемь лѣтъ въ Тиролѣ жилъ.
Повѣривъ превосходству
Швейцарскихъ, англійскихъ породъ,

Въ отечествѣ любезномъ
Старался я улучшить скотъ
И думалъ быть полезнымъ.
Увы! напрасная мечта!
Убилъ я даромъ годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
Въ крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало ѣсть» —
Основа вѣковая!
Печальный видъ: голодный конь
На почвѣ истощенной,
Съ голоднымъ пахаремъ... А тронь
Рукой непосвященной—
Еще печальнѣй что-нибудь
Получится въ итогѣ...
Покинулъ я опасный путь,
Увы! на полдорогѣ...
Трудитесь дальше безъ меня...»

— «Прискорбны рѣчи ваши!
Придется съ нынѣшняго дня
Закрыть собранья наши!»
Сказалъ ученый президентъ
(Толстякъ, заплывшій жиромъ):
— «Раздѣлимъ скромный дивидендъ
И разойдемся съ миромъ!
Оставимъ бѣдный нашъ народъ
Судьбамъ его — и Богу!
Безъ насъ скорѣе онъ найдетъ
Къ развитію дорогу...»

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль!»
Рѣшило все собранье:
И дать Колѣнову медаль
«*За ревность и старанье*».
«Ура!.. Подписку!..» Увлеклись —
Нескупо подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6.

Шагъ впередъ — и снова зала...
Все заводчики-тузы;
Слышенъ голосъ: «Ты сначала
Много выдержалъ грозы.
Весь души прекрасный пламень
Ты принесъ на подвигъ свой,
Но пошелъ ко дну, какъ камень,
Броненосецъ первый твой!
Смертоносныя гранаты
Изобрѣлъ ты на враговъ...
Были бъ чудо результаты,
Кабы дѣльныхъ мастеровъ!
То-то ихъ принять бы въ прутья!..
Ты гранатою своей
Переранилъ изъ орудья
Только собственныхъ людей...
Ты поклялся, какъ заразы,
Новыхъ опытовъ бѣжать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять:
Ты вступилъ...»

Лакей суровый
Дверь захлопнулъ, какъ на-зло.

№ 7.

Я впередъ... Изъ залы новой
Мертвечиной понесло...
Пиръ тутъ, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господинъ Ветхозавѣтный
Говоритъ:

«Судьба сама
Насъ свела сегодня вмѣстѣ:
Шелъ я радостно сюда,
Какъ женихъ грядетъ къ невѣстѣ —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкинъ
Изъ могилы... Наконецъ,
Отозвался и Тяпушкинъ,
Скромный труженикъ-пѣвецъ:
Драгоцѣнную находку
Отыскалъ товарищъ нашъ!
Въ бѣдной лавочкѣ селедку
Завернулъ въ нее торгашъ.
Грязный синенькій листочекъ, —
А какіе перлы въ немъ!..

— Прочитай-ка хоть кусочекъ!'
Закричали...

«Мы начнемъ
Съ дѣтства. Видно, что въ разъѣзды

Посылалъ его отецъ:
Гдѣ иной считалъ бы звѣзды,
Онъ... — Читай же! — Началъ чтецъ:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ЮНОШИ ТЯПУШКИНА, ВЕДЕННЫХЪ ИМЪ ВО ВРЕМЯ РАЗЪѢЗДОВЪ ЕГО ПО РОССІИ ПО ДѢЛАМЪ ОТЦА.

Найденъ случайно между оберточной бумагой въ лавкѣ купца С. С. Подтекина; подлинникъ — собственность Зосима Терентьевича Ветхозавѣтнаго.

На рѣкѣ на Свири
Рыба, какъ въ Сибири:
Окуни, лини
Средней долины.
На рѣкѣ же Ленѣ
Хуже, чѣмъ на Оби:
Ноги по колѣни
Отморозилъ обѣ:
А прибывъ въ Ирбитъ,
Дядей былъ прибитъ...

— Превосходно! поэтично!..
Каждый въ лупу смотритъ листъ,
«И притомъ характерично»,
Замѣчаетъ журналистъ:
«То-то мы ударимъ въ трубы!
То-то праздникъ будетъ намъ!»
И прикладываетъ губы
Къ полуграмотнымъ строкамъ.
Приложилъ—и, къ дѣлу рьяный,
Примѣчаніе строчитъ:
«Отморозилъ ноги — *пьяный!*
И — *за пьянство* былъ побитъ;

Чужды нравственности узкой,
Не рѣшаемся мы скрыть
Этотъ знакъ натуры русской...
Да! «веселье Руси — пить!»...
(Прим. ред.).

Ужъ знакомлюсь я съ поэтомъ,
Біографію пишу...

— Не снабдите ли портретомъ?

«Дороговько... погляжу...
Случай рѣдкій! Мы Россіи
Явимъ вновь труды свои:
Возстановимъ запятыя,
Двоеточіе надъ і;
Можно будетъ въ духѣ «Миши»
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоцѣнную тетрадь —
Провидѣнія печать!..
Позавидуетъ Бартеневъ
И Семевскій затрещитъ
Но замѣтку самъ Тургеневъ
Въ «Петербургскихъ» помѣститъ...

— Вѣрно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецамъ:
Всѣ живые интересы
Уступаютъ поле намъ...
«Такъ... и такъ да будетъ вѣчно!
Дарованья въ наши дни
Гибнутъ рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...

Жаль!.. Но боги справедливы
Въ начертаніяхъ своихъ!
Намъ безъ смерти — нѣтъ поживы,
Какъ аптекѣ безъ больныхъ!
Дарованіемъ богатый
Служитъ обществу перомъ, —
Служимъ мы ему лопатой..
Други! пьемъ! За мертвыхъ пьемъ!..»
Вмѣсто влаги искрометной,
Пили за̀просто марсалъ,
А Зосимъ Ветхозавѣтный
Умиленно лепеталъ:
«Я люблю живыхъ писателей,
Но — мнѣ мертвые милѣй!..»
Это — пиръ гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорѣй!..

№ 8.

«Получай же по проценту!»
Говоритъ сѣдой банкиръ
Полицейскому агенту:
«Въ честь твою сегодня пиръ!»
Радъ банкиръ, какъ сумасшедшій;
Всѣ довольны; сыщикъ пьянъ;
Отъ дѣтей сюда зашедшій,
По знакомству, князь Иванъ
Держитъ спичъ:

— Свои законы
Есть у вѣка, господа!
Какъ пропали милліоны,
Я подумалъ: не бѣда!

Вѣрьте, нѣтъ глупѣй несчастья:
Потерять послѣдній грошъ —
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повѣсься, не найдешь!
А украдутъ у банкира
Изъ десятка милліонъ —
Растревожится полміра...
«Милліонъ!..» Со всѣхъ сторонъ
Сожалѣнья раздадутся,
Всѣ правительства снесутся
Телеграммами, въ набатъ
Пріударятъ! Всѣ газеты
Похитителя примѣты
Многократно возвѣстятъ,
Обозначатъ каждый прыщикъ...
И глядишь: нашелся воръ!
На два дня банкиръ и сыщикъ —
Самый модный разговоръ!
Имъ улыбки, имъ поклоны,
Поздравленья добрыхъ душъ...
Ужъ терять — такъ милліоны,
Царь вселенной — кушъ!..»

№ 9.

Чу! пѣнье! Я туда скорѣй:
То пѣла свѣтская плеяда
Благотворителей посредствомъ лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-съ! Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду!
Мы Марьѣ Львовнѣ
Сложили оду.

Гдѣ Марья Львовна?
На вдовьемъ балѣ!
Гдѣ Марья Львовна?
Въ читальной залѣ...

Кто на эстрадѣ
Поетъ романсы?
Чьи въ маскарадѣ
Вѣрнѣе шансы?

У Марьи Львовны
Такъ милы рѣчи!
У Марьи Львовны
Такъ круглы плечи!..

Гласитъ афиша:
«Народный праздникъ».
Купилъ корову
Одинъ проказникъ:

— «Да-съ, Марья Львовна,
Не ваши рѣчи,
Да-съ, Марья Львовна.
Не ваши плечи, —

Съ народомъ нужны
Иные шансы!..»
Въ саду корова
Поетъ романсы,

Въ саду толпится
Народъ наивный,
Рискуютъ прачки
Послѣдней гривной,

За грошъ корову
Кому не надо?
И побѣлѣли
Дорожки сада,

Какъ будто въ маѣ
Послалъ Богъ снѣгу..
Пустыхъ билетовъ
Свезли телѣгу

Изъ сада ночью...
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысячъ
Собрали ровно!

Пятнадцать — съ нищихъ!
Что̀ значитъ — масса!
Да процвѣтаетъ
Пріюта касса!

Да процвѣтаетъ
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-съ, Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду...
Ея призванье —
Служить народу!

№ 10.

Слышенъ голосъ — и знакомый:
«Ананасъ — не огурецъ!»

Возложили гастрономы
На товарища вѣнецъ.
Это — кругъ интимный, близкій.
Тише! слышенъ жаркій споръ:
Надъ какою-то сосиской
Произносятъ приговоръ;
Поросенку ставятъ баллы;
Разсуждая о винѣ,
Тычутъ градусникъ въ бокалы...
«Какъ! четыре — ветчинѣ?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро къ вамъ приду и я, —
Буду новую сосиску
Каждый день изобрѣтать,
Буду мнѣнія безъ риску
О салатѣ подавать,
Буду кушать плотно, жирно,
Облѣнюся, какъ верблюдъ,
И засну на-вѣки мирно
Между двухъ изящныхъ блюдъ. .

II.

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.

ТРАГИ-КОМЕДІЯ.

«Кушать подано!» — Мнѣ дали
Очень маленькій салонъ.
За стѣной «ура» кричали,
По тарелкамъ шелъ трезвонъ.

Кто жъ они — съ моимъ чуланомъ
Рядомъ пьющіе теперь?
Я чуть-чуть открылъ диваномъ
Загороженную дверь,
Поглядѣлъ изъ-за портьеры:
Зала публикой кишитъ —
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Производитель работъ
Акціонерной компаніи,
Сдавшій недавно отчетъ
Въ общемъ годичномъ собраніи.
Въ группѣ директоровъ Шкуринъ сидитъ
(Синяя чуйка и крупныя губы).

Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы,
Савва Антихристовъ спичъ говоритъ
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генералъ, и банкиръ, и кулакъ).

— «Да, господа! самородокъ-русакъ
Стòитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вамъ словами его
(Тутъ и отвага, и умъ, и смекалка):

«Я — уроженецъ степей;
Давъ пастухамъ по алтыну,
Я изъ хребта у свиней
Въ младости дергалъ щетину.

«Мечется стадо, реветъ, —
Знамо: живая скотина!

Мальчикъ не труситъ — деретъ,
Перваго сорту щетина!

«Сталъ я теперь богачомъ;
Домъ у меня, какъ картинка,
Думаю, глядя на домъ:
Это свиная щетинка!..»

«Великорусская мѣткая рѣчь!..
Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
Сняли мы линію; много заботы:
Надо сдавать земляныя работы.
Ѣду я разъ по дѣламъ въ Перекопъ,
Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
— Кто ты? Я—Федоръ Никифоровъ Шкуринъ»

(Обращается къ Шкурину).

Чокнемся! Выпьемъ, Христовъ мужичокъ!
Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
Выборъ-то мой оказался недуренъ...

(Чокаются и пьютъ).

«Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ,
Вмѣсто науки — съ однимъ «глазомѣромъ»:
Ѣздитъ по селамъ съ своимъ инженеромъ,
Рядитъ рабочихъ — никто не идетъ!
Земли кругомъ тутъ дворянскія были —
Только дворяне о нихъ позабыли.
Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу въ озерахъ ловили,
Гнали безданно изъ пеньевъ смолу,
Брали морошку, опёнки солили
И говорили: «Нейдемъ въ кабалу!»

Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго;
Прежде всего: создавай тутъ «рабочаго».
Какъ же создашь его? Шкуринъ не спитъ:
Земли, озера, болота, графитъ —
Все откупилъ у помѣщика,
Все — «до послѣдняго лещика»!
(Какъ энергически самъ говоритъ).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Какъ изъ-подъ ногъ ея почва ушла.
Мысль эта, — смѣю сказать, лучезарная, —
Наши доходы спасла.
Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
Акціонеры найдутъ:
На сорокъ три съ половиной процента
Разомъ понизился трудъ!..

«Ходко пошла земляная работа.
Шкуринъ, трудясь до кроваваго пота,
Не раздѣвался въ ночи,
Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Самъ поставлялъ для артели громадной.
Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
Не пренебрегъ гигіены народной:
Вмѣсто болотной стоячей воды,
Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
Этимъ и наша достигнута цѣль:
Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно безъ мяса!
Быстро въ артели упалъ аппетитъ
На двадцать два съ половиной процента.

Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣе словъ говоритъ!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ «янки». А я, между тѣмъ,
Покамѣстъ здоровье подрядчика пили,
Успѣлъ присмотрѣться ко всѣмъ:
Во-первыхъ, тутъ были почетныя лица,
Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видитъ столица
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ:
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,
Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Коммерческихъ фирмъ на паяхъ.
Тутъ были плебеи, изъ праха и пыли
Достигшіе денегъ, крестовъ,
И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
Погрязшіе въ тинѣ долговъ
(То имя, что дѣды въ безумной отвагѣ
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнутъ на бумагѣ,
Не стоющей трети цѣны)...
Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы,
Зацѣпа и Савва — столпы-воротилы
(Зацѣпа былъ мраченъ, а Савва сіялъ).
Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные;
Тутъ было съ десятокъ мѣнялъ.
Сидѣли тутъ рядомъ тузы-иноземцы:
Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
Евреи и греки и много другихъ —
Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Петербургѣ
Банкирскія фирмы у нихъ —

На *аки*, на *раки*, на *борги* и *бурги*
Кончаются прозвища ихъ.
Зацѣпа — красивый старикъ бѣлокудрый,
Нажившій богатство политикой мудрой, —
Былъ сборища главнымъ вождемъ.
Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
И два инженера — съ ученымъ значкомъ —
Его окружали почетною свитой.
Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стяжалъ
Въ коммерческомъ мірѣ великую славу
И львиную долю себѣ выдѣлялъ
Изъ каждаго крупнаго дѣла по праву.
Сей старецъ находчивъ, уменъ, даровитъ;
Въ немъ чудная тайна успѣха таится, —
Недаромъ онъ въ каждомъ правленьи сидитъ...
Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
Старайтесь его къ предпріятью привлечь —
Пойдетъ какъ по маслу!..

Герой-тріумфаторъ
Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ —
Мѣняло — писклива была его рѣчь:

«Мм. гг.

«Времена наступаютъ тревожныя,
Кризисъ близится: мало даютъ
Предпріятья желѣзподорожныя;
Банки тоже не бойко идутъ:
«Половину закрыть не мѣшало бы!»
Слышенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
Какъ недавно мы слышали жалобы
На избытокъ питейныхъ домовъ.
Время выйти на поприще новое.
Честь имѣю проектъ предложить:

Все обдумано — дѣло готовое,
Стоитъ только уставъ сочинить.

Пауза. Выпивъ глотокъ воды, ораторъ продолжаетъ съ одушевленіемъ.

«Мысль «Центральнаго Дома Терпимости» —
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
«Прежде Невскій цѣлковыми вымости! —
И на то я согласіе дамъ!»
Вамъ порукою наше серьезное
Отношенье къ дѣлàмъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣемся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессію...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:
Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ кутящіе нынѣ въ-разбродъ!
Предпріятія съ точки вещественной
Невозможно вѣрнѣе желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной,
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго,
Не оставимъ мы дѣло никакъ,
Мы найдемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ.
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденья: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...»

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
Нѣкто Грошъ испугался до смерти
Остроумной затѣи мѣнялъ
И подвинулся дальше со стуломъ.
На проектъ отвѣчала толпа
Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ, —
Ждали мнѣнья Зацѣпы-столпа.
«Да (сказалъ онъ), доходное дѣло;
Но совѣтую вамъ подождать.
Ново... странно... до дерзости смѣло...
Преждевременно, смѣю сказать!
Кто не знаетъ? Пророки событій,
Пролагатели новыхъ путей,
Провозвѣстники важныхъ открытій —
Побиваются грудой камней.
Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
Чѣмъ прогрессъ узаконитъ ее, —
Потеряете вы репутацію
И погубите дѣло свое.
Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что̀ сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...»
«Браво!» Залпъ громоподобный...
На арену вышелъ Грошъ,
И проекту спичъ надгробный
Довершилъ: «Проектъ хорошъ,
«Исполнители опасны!»
Онъ язвительно сказалъ.
Пренья были долги, страстны;
Впрочемъ, я ихъ не слыхалъ:
Я заснулъ...

Мнѣ снились планы
О походахъ на карманы
Благодушныхъ россіянъ,
И, ощупавъ мой карманъ,
Я проснулся...
Шумно... Въ уши
Словно бьютъ колокола,
Гомерическіе куши,
Милліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележъ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидѣлъ тупой и мрачный;
Долго мнѣ понять мѣшалъ
Этотъ крикъ и дымъ табачный:
Гдѣ я? Какъ сюда попалъ?

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
Вижу жжонку недопитую,
Землянику, виноградъ.
Къ англичанину съ объятьями
Лѣзетъ русскій человѣкъ.
— Выпьемъ, Борухъ! Будемъ братьями:
Говоритъ еврею грекъ.
Кто-то низко клонитъ голову,
Кто-то на полъ льетъ вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
И на распашку закутили.

Одни сидѣли у стола,
Другіе парами ходили.
Сюда пришелъ и князь Иванъ *)
И, на диванѣ отдыхая,
Не умолкалъ, какъ барабанъ,
Чужія рѣчи заглушая.
Старикъ съ друзьями продолжалъ
Пить вдохновляющую жжонку
И мимошедшимъ посылалъ
Свои любезности въ-догонку.
Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
И разговоръ былъ часто страшенъ:
— Съ какой иконы ты скусилъ
Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
«Да съ той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
Такъ, остроумно веселясь,
Одни смѣялись до-упаду,
Другіе хмурились... Журча,
Лился потокъ сужденій, споровъ...
Вотъ вамъ отрывки разговоровъ, —
Ищите сами въ нихъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю, —
Милліончикъ пропадетъ.
Вотъ Господь послалъ Емелю!
Доложилъ наоборотъ:
Позабылъ о братьяхъ Примахъ,
Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
Образецъ непроходимыхъ

*) См. часть 1-ю: «Юбиляры и тріумфаторы», зала № 3.

Государственныхъ неряхъ!
. . . .

2-й голосъ *(князя Ивана).*

Чу! какъ орутъ: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты сѣвера и юга.
Немного фактовъ, бездна словъ...
Одно тутъ каждый понимаетъ,
Что на пути до рудниковъ
Постлать соломки не мѣшаетъ!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,
Кондукторамъ красть не давалъ:
Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
У сонныхъ сосчитывалъ ноги,
Чтобъ видѣть: придется иль нѣтъ
На каждую пару билетъ?
Но дальше билетовъ и ногъ
Считать ничего онъ не могъ!

Голосъ князя Ивана—*кому-то навстрѣчу:*

Сотню рублей серебра
Въ день получаю...
Сорокъ-четыре ребра
Въ сутки ломаю...
А! господинъ костоломъ!
Радуюсь встрѣчѣ случайной.
Правда ли, мы создаемъ
Новый проектъ чрезвычайный:
Предупредительныхъ мѣръ
Мы отрицаемъ полезность...
(Такъ! господинъ инженеръ!

Благодаримъ за любезность).
Вѣчно мы будемъ ломать
Ѣдущимъ руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
Съ праваго боку возвесть
Раненымъ нужно жилища,
А для убитыхъ отвесть
Съ лѣваго боку кладбища.
Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
Вы узаконить хотите
Право увѣчить людей...
Мало еще вы кутите!
Что̀ же? Дай Богъ вамъ успѣть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагрѣть,
И пассажирамъ пріятно:
Вмѣсто того, чтобъ зѣвать,
Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ —
Впредь до крушенья — считать
Будутъ кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) — *проходя мимо двери, негромко:*

— Вамъ дадутъ паи строители —
Я готовъ держать пари —
На тысчонку! Не хотите ли?
— «Въ чемъ же дѣло? — говори!»
— Это — путь изъ самыхъ прибыльныхъ,
Но вѣдь это — тоже дверь
Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
Понимаете теперь?
— «Вѣрно! малый ты практическій!

Какъ пари не заплатить?
Съ точки зрѣнья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голосъ князя Ивана — *кому-то въ догонку.*

Пестрый галстукъ съ чернымъ фракомъ.
Рядъ нечищенныхъ зубовъ
И подернутая лакомъ
Рожа — признакъ дураковъ.
Въ перстнѣ камень изумрудный...
Неотесанный болванъ:
Содержатель кассы ссудной.
Главной кассы — важный санъ!
Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
Современный Митрофанъ
Глупъ во всемъ, въ одномъ искусенъ:
Залѣзать въ чужой карманъ!
И на немъ духъ вѣка виденъ:
Онъ по трусости — скупецъ,
По невѣжеству — безстыденъ
И по глупости — подлецъ!

6-й голосъ.

За что швырнулъ въ меня онъ карточкой своей
И завтра обѣщалъ прислать мнѣ секунданта?
Вѣдь я не отрицалъ у Душкиной таланта:
Я только говорилъ, что Радина милѣй!
Военный человѣкъ, не спорю я, прекрасенъ,
Но дальше отъ него держаться должно намъ:
Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ князя Ивана — *кому-то на-встрѣчу:*

Тысячъ восемьдесятъ въ банкахъ
Получаетъ этотъ франтъ;
Онъ живетъ безсмѣнно въ санкахъ —
Въ этомъ весь его талантъ.
Есть другой счастливецъ въ мірѣ,
Полунѣмецъ, полугрекъ
Получаетъ *сто четыре*...
Заурядный человѣкъ!
Дай мнѣ легонькія санки
И рыси̇стаго коня, —
Я и самъ всѣ наши банки
Облечу въ теченье дня!

7-й голосъ.

Человѣка накачали
И забыли... Какъ тутъ быть?
Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистокъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмелю!
Пить такъ пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Голосъ князя Ивана.

На французскомъ маслѣ,
Сдѣланномъ изъ сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборецъ!
Желѣзнодорожникъ,

И гостинодворецъ,
И во всемъ — художникъ!

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
Пять ростовщиковъ;
Фортель ихъ таковъ:
Межъ собой распредѣляютъ
Весь наличный капиталъ
Изъ осьми... а выручаютъ
Сорокъ... Подло! я отсталъ

Голосъ князя Ивана — *кому-то въ догонку:*

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглупилъ на всю Россію!

9-й голосъ.

...Говорю: помиритесь добромъ!
Не совѣтую знаться съ судомъ!..
На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ, — отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе:
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшій во бдѣніи,
Такъ копался въ моемъ поведеніи,
Что съ-натуги въ истерику впалъ;

Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цѣпь непрерывная
Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
И, содравъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!..

Невеселое вышло рѣшеніе:
Безъ лишенія правъ заключеніе.
Двѣ недѣли пришлось проскучать,
Да съ полгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель — воръ!
Желѣзныя дороги—душегубки!
Суды?.. По платью приговоръ!
А имъ любезны только полушубки!
Теперь не въ модѣ уважать
По капиталу, чину, званью...
Какъ!? подъ арестомъ содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голосъ.

Не щадятъ ни заслуги, ни званія!
Адвокатамъ однимъ только рай:
За лишеніе правъ состоянія —
И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана — *кому-то въ догонку:*

Не люблю австрійца!
Думается мнѣ:

Вотъ — сыноубійца!
Чу! призывъ къ войнѣ!
Брошены парады,
Дѣти въ бой идутъ,
А отцы подряды
На войска берутъ...
Юные герои
Гибнутъ въ каждомъ боѣ,
Не поймутъ никакъ:
Отчего въ атакѣ,
Въ самой жаркой дракѣ,
Невредимъ пруссакъ?
Дѣти! васъ надули
Ваши старики:
Глиняныя пули
Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
Суетливый коммерсантъ
И еврей, процентщикъ ярый,
Въ драгоцѣнныхъ камняхъ франтъ.
Вотъ подходятъ къ самой двери,
Продолжая разсуждать:
— Мнѣ «товарища на вѣрѣ»
Было легче отыскать.
Выручай! Надеждой прочной
Остаешься ты одинъ.
Выручай! Ты — безупречный,
Полноправный гражданинъ!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентахъ» заявилъ
Связь свою съ литературой,

Ты Тиблену кумомъ былъ.
Ты — художникъ по натурѣ...
— «Нежелательно прослыть
Подставнымъ въ литературѣ...»
— Вотъ нашелъ о чемъ тужить!
Полно! Мы съ тобой — не дѣтки;
Нынче — царство подставныхъ:
Настоящіе-то рѣдки,
Да и спроса нѣтъ на нихъ.
Погляди: морякъ на сушѣ,
Инженеръ на кораблѣ,
А дѣла идутъ не хуже
И не лучше на землѣ.
Не у насъ — во всей Европѣ
Прессой правитъ капиталъ;
Былъ же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче ихъ сіялъ!
Прессѣ нужны коммерсанты.
Поспѣшивъ на помощь ей,
Ка̀къ направимъ мы таланты,
Ка̀къ устроимся! —
Еврей
Отвѣчаетъ, убѣжденью
Начиная уступать:
— «Если нужно просвѣщенью
Руку помощи подать,
Я готовъ, но — Богъ свидѣтель —
Я отъ грамоты отвыкъ...»
— Тутъ нужна лишь добродѣтель!
Восклицаетъ биржевикъ...

———

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
Испустилъ внезапный крикъ
Нѣкто — стриженый затылокъ,
Голова «à la мужикъ»,
Ростъ высокій, станъ негибкій,
А лицо... страннѣй всего:
Какъ не высѣкли ошибкой
По лицу его!
Выпивъ первую бутылку,
Лизоблюдовъ пьяный хоръ
Тароватому затылку
Лестью выпалилъ въ-упоръ:

— Сколько вы Божіихъ храмовъ построили!
— Сколько вы выдали замужъ невѣстъ!
— Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
— Сколько роздали пенсій и мѣстъ!
— «А какіе вы строите линіи!
Подвигъ вашъ — достоянье вѣковъ!»
Поправляя очки свои синіе,
Заключилъ запѣвало льстецовъ:
— «На Уралѣ, на Ленѣ, на Терекѣ
Предстоятъ еще подвиги вамъ.
Были люди въ Европѣ, Америкѣ,
А такихъ не встрѣчалось и тамъ!»

— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
Восклицалъ осовѣвшій герой.
— Мы, однако, такъ плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его вѣрные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные
Очень громкіе слухи прошли.
Какъ шаманъ, онъ обвѣшанъ жетонами
(А на шеѣ—Владимірскій крестъ),
Съ телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ѣздитъ и ѣстъ,
Упивается тонкими винами,
Сыплетъ золото щедрой рукой,
Въ предпріятіяхъ долями львиными
Надѣляется... Чѣмъ не герой?..
Есть, однако, и мнѣнье противное:
Говорятъ: у него никакихъ
Дарованій, богатство фиктивное;
Говорятъ: онъ — игрушка другихъ,
Нуженъ онъ для одной декораціи;
Три-четыре искусныхъ дѣльца
Въ омутъ самой шальной спекуляціи,
Словно мячикъ, бросаютъ глупца.

Какъ вопьются раки жирные
Въ тѣло бѣлое его,
Эти люди, съ виду смирные,
Обрываютъ ихъ съ него,
И потомъ дружка сердечнаго
Въ новый омутъ волокутъ...
Ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго, —
Скоро будетъ онъ банкрутъ!

Голосъ князя Ивана — *навстрѣчу вновь вошедшему:*

А! Авраамъ изыскатель!
Мимо прошелъ: не узналъ;
Чѣмъ возгордился, пріятель?
Я пастухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ, —
Берка отъ Лоты бѣжитъ,
Мѣсяца три пропадаетъ
И, возвратясь, говоритъ:

«Радуйся, дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сынъ!
Дѣти! купилъ я болота
Семьдесятъ семь десятинъ!»

Лота одѣлася въ шубку,
Янкель за шапкой бѣжитъ,
Ѣдутъ смотрѣть на покупку —
Лошадь съ натуги хрипитъ:

Мѣстность все ниже и ниже,
Множество кочекъ и ямъ.
«Вотъ оно, Лота, смотри же!»
Лота не вѣритъ глазамъ!

Нѣту ничѣмъ ничего-то
Кромѣ трясины и мховъ!
Только слетѣли съ болота
Семьдесятъ семь куликовъ!

Ѣдучи шагомъ обратно,
Янкель трунилъ надъ отцомъ,
Лота работала знатно
Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
Молвилъ, подъѣхавъ къ крыльцу:
«Не угодилъ я вамъ, дѣти,
Да угодилъ продавцу!»

Утромъ онъ съ ними простился,
Мѣсяца три пропадалъ.
Ночью домой воротился, —
«Радуйтесь!» снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
Думаютъ: глупость опять!
«Взялъ я большіе подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть съ рубля обойдется,
Четверть съ рубля... безъ гроша...
Семьдесятъ семь остается,
Семьдесятъ семь барыша!»

Денегъ у Берки безъ счета,
Берка — давно дворянинъ,
Благословляя болота
Семьдесятъ семь десятинъ!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
Два инженера ликовали
И пѣли пѣсеньку о томъ,
Какъ «непреклоннаго» сломали:

Я проектъ мой излагалъ
Ясно, непреложно, —
Сухо молвилъ генералъ:
«*Это невозможно!*»

Я протекцію сыскалъ,
Все обставилъ чудно,
Грустно молвилъ генералъ:
«*Это очень трудно!*»

Въ третій разъ понять я далъ:
Будетъ — гривна со ста,
И воскликнулъ генералъ:
«*Это — очень просто!*»

Голосъ князя Ивана.

На умѣ чины да куши,
Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
Христіанскія-то души
Жидовинѣ нипочемъ.
До предѣловъ незаконныхъ
Глупъ, а денежки гребетъ...
Все равно, что рѣзать сонныхъ, —
Обирать народъ!

Слышны толки: «лѣность... пьянство...
Земство... волость... мужики...
Это мѣстное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Рѣчь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спросъ на водку и барду»;
А у мѣстнаго — вопросы
Все «сословные» въ ходу.
Графъ Д-довъ, князь Л-ановъ
Въ центрѣ этого кружка
Излагаютъ пользу плановъ,
Неудавшихся пока.

«Вся бѣда Россіи
Въ недостаткѣ власти!»
Говорятъ витіи
По сословной части.

— Да! провинція пустѣетъ:
Города объяты сномъ,
Земледѣлецъ нашъ бѣднѣетъ,
Дворянинъ поникъ челомъ.

Кто не «высшаго разбора», —
Убѣгай изъ нашихъ мѣстъ:
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заѣстъ!

Кто теперь намъ толку сыщетъ?
Народившійся кулакъ
По селеньямъ звѣремъ рыщетъ
Выжимаетъ четвертакъ.

Выбиваетъ недоимку,
Разоряетъ до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловитъ каждая душа!

Даже Божіи стихіи
Ополчились на крестьянъ:
Повсемѣстно по Россіи —
Вихри, штормы, ураганъ.

Громъ жилища зажигаетъ,
Нивы градъ Господень бьетъ,
Деньги земство обираетъ,
Жадный волкъ уноситъ скотъ!

Съ мужикомъ однимъ случилось —
То-то онъ оторопѣлъ!
Даже почва провалилась,
Отведенная въ надѣлъ!

Не за тѣмъ мы уступали
Наши древнія права,
Чтобъ на наше мѣсто стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бѣдныхъ мужиковъ!
Тамъ — семейныя преданья,
Тамъ — любезный прахъ отцовъ!

Прахъ отцовъ — добыча тлѣнья,
А живому дорогъ день:
Какъ изъ чумнаго селенья,
Мы бѣжимъ изъ деревень!»

Тамъ искатели концессій,
Потерпѣвшіе накладъ
Отъ хозяйственныхъ профессій,
Нашимъ земцамъ говорятъ:

— «Нѣтъ, а мы такъ не уходимъ!
Обновивъ съ народомъ связь,
Мы народъ облагородимъ», —
Говоритъ, по Гнейсту, князь:

«Мы судебно-полицейской
Властью — пьянство укротимъ!
И съ улыбкой фарисейской
Ренегаты вторятъ имъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Дворянинъ многоземельный
Съ тайной думою своей
Дышитъ скукою смертельной.
Есть субъекты веселѣй:
Генеральный бой дворянскій
Проигравъ, они нашлись —
И войною партизанской
На-досугѣ занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Такъ и рвутъ, что̀ можно, съ бою
У народа, у казны:
Взявъ съ подряда «разрѣженье»
Государственныхъ лѣсовъ, —
Произвесть опустошенье,
Подмѣнить у мужиковъ
Земли — дѣло «партизана»:
Онъ — процентщикъ, онъ — торгашъ,
Не уйдешь его капкана,
Неизбѣжно дань отдашь:
Четверикъ фальшивой мѣры,
Тайный фортель у вѣсовъ...
Впрочемъ тутъ же есть примѣры...
　　Чу! помѣщикъ Хвастуновъ
　　Самъ кричитъ: «Удралъ я штуку!
　　Не зѣвайте! вотъ вамъ шансъ!»
　　И поетъ, друзьямъ въ науку,
　　Назидательный романсъ.

———

ПѢСНЯ ОБЪ «ОРОШЕНІИ».

Комитету «Поощренья
Земледѣльческихъ трудовъ»
Сдѣлать опытъ орошенья
Нашихъ пашенъ и луговъ

Предложилъ я: снарядили
Двѣ комиссіи въ нашъ край
И потомъ благословили,
Дали денегъ: «Орошай!»

Я поѣхалъ за-границу,
Пожуировалъ; затѣмъ
Началъ сѣять свекловицу.
Время мчалось между тѣмъ:

Домъ мой сталъ богаче, краше,
Самъ толстѣю, что̀ ни годъ.
Вдругъ запросъ: «Успѣшно-ль ваше
Орошеніе идетъ?»

— «При ближайшемъ наблюденьи»,
Отвѣчаю въ Комитетъ:
«Нахожу, что въ орошеньи
Въ нашемъ краѣ — нужды нѣтъ;

«Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...»
Согласились: нѣтъ нужды!
А задатокъ — тысячъ сорокъ —
За посильные труды

Комитетъ — не безъ участья
Добрыхъ душъ — съ меня сложилъ,
И тогда слезами счастья
Грудь жены я *оросилъ!..*

Въ каждой группѣ плутократовъ —
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —
Замѣчаю ренегатовъ
Изъ семьи профессоровъ.
Ихъ исторія извѣстна:
Скромнымъ труженикомъ жилъ
И, служа наукѣ честно,
Плутократію громилъ;
Былъ профессоромъ, ученымъ
Лѣтъ до тридцати,
И, казалось, милліономъ
Не собьешь его съ пути...
Вдругъ — конецъ исторіи —
Въ тридцать лѣтъ герой —
Прыгъ съ обсерваторіи
Въ омутъ биржевой!..
Вотъ москвичъ — родоначальникъ
Этой фракціи дѣльцовъ:
Объ отечествѣ печальникъ,
Лучшій типъ профессоровъ;
Встарь онъ пѣлъ иныя пѣсни, —
Искандеръ былъ другъ его;
Кромѣ каменной болѣзни,
Не имѣлъ онъ ничего;
Подъ опалой въ оны годы
Находился демократъ,
Другъ народа и свободы,

А теперь онъ — плутократъ!
Спекуляторскія штуки
Ловко двигаетъ впередъ
При содѣйствіи науки
Этотъ старый патріотъ...
Вотъ другой — слыветъ за чудо:
Говорунъ и острословъ
(«Леопидъ» — ему покуда
Кличка у тузовъ).
Онъ *машиннымъ краснорѣчьемъ*
Плутократію дивитъ:
Никакимъ противорѣчьемъ
Не смущаясь, говоритъ
Въ интересахъ господина.
Заплати, да тему дай —
Говорильная машина
Загудитъ: подниметъ лай,
Будетъ плакать и смѣяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марксомъ тону задавать.
Предпочтя ученой славѣ
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоялъ.
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары — иногда).
Зналъ къ редакторамъ лазейки,
Къ представителямъ суда,
Составлялъ «записки», «мнѣнья»,
Сплетни прессы отражалъ
И въ директоры правленья
Наконецъ попалъ!

Тутъ ужъ торная дорога:
Нахватавъ десятокъ мѣстъ,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живетъ; по-барски ѣстъ;
На балы къ концесьонерамъ
Возитъ куколку-жену
И поетъ акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну;
Смыслъ извѣстный: «Дивидендовъ
Нѣтъ покамѣстъ — ожидай!
И не медля шесть процентовъ
Намъ въ награду отчисляй!»
Кризисъ: дѣло не спорится,
Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
Въ дверь правленія стучится
Съ исполнительнымъ листомъ
Приставъ: кассу запираетъ,
Мебель штемпелемъ клеймитъ...
Леонидъ не унываетъ
И цинически острить:
«Матъ, конечно, предпріятью,
А правленью — не бѣда!
Стулъ съ казенною печатью
Такъ же мягокъ, господа!..»
Нынче счету нѣтъ артистамъ,
Что такимъ путемъ пошли,
И на помощь аферистамъ
Силу знанья принесли,
Всякій планъ, въ основѣ шаткій,
Какъ на сваяхъ утвердятъ:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдятъ!
Дѣло ихъ — стоять на стражѣ

«Государственныхъ идей».
Нѣтъ еще идеи даже,
Есть одинъ намекъ о ней, —
Ужъ бѣгутъ они къ патронамъ,
Выговариваютъ пай.
Начинаютъ скромнымъ тономъ:
«Нужный банкъ»... «Забытый край»..
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!

Правду вывернувъ до дна
Чудо сдѣлаютъ изъ края,
Этнографіей блеснутъ,
И статистика такая...
Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій,
Аргументъ патріотическій
И важнѣйшій, наконецъ,
Съ точки зрѣнья стратегической
Аргументъ — всему вѣнецъ!..

Изъ пяти одна затѣя
Удалась — набитъ карманъ!
А гуманная идея
Отошла на дальній планъ.
Новый тузъ-богачъ—въ итогѣ,
И сказались барыши
Лишней гривною въ налогѣ
Съ податной души.

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:

И купцу, и дворянину
Плохо спится въ наши дни:
Прежде Русь стихи писала,
Рѳомамъ не было числа,
А теперь практичнѣй стала:
На проекты налегла!
Предпріимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
Нѣтъ теперь задачи трудной,
Каждый планъ найдетъ дѣльца:
Запрудятъ Неву, каналы
По Сахарѣ проведутъ!..
Дайте только капиталы,
Обезпечьте рискъ и трудъ...

Дà, постигла и Россія
Тайну жизни наконецъ:
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій, изваяй
ГАРАНТІЮ и СУБСИДІЮ,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое твореніе
Барельефами: толпой
Пусть идутъ на поклоненіе
И ученый, и герой;
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

———

Бесѣда кипитъ, не смолкая,
И льется рѣкою вино,
Великихъ и малыхъ равняя;
Всѣ группы смѣшались давно.
Зацѣпинъ въ ударѣ, какъ воду
Венгерское пьетъ; Леонидъ,
Великому мужу въ-угоду,
Вистуетъ ему и лиситъ.
Изъ оперы новыя лица
Явились; затѣяли споръ:
Которая выше пѣвица,
Который пошлѣе актеръ.
Веселый толстякъ, краснорожій,
Хохочетъ Иванушка-шутъ,
И мужъ государственный тоже,
Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:
«Да-съ, наша тропа не безъ терній!
Энергія — свойство мое.
Но на сорокъ восемь губерній
Всегда ли достанетъ ея?..»
Но былъ одинъ — онъ общества чуждался:
Построивши дорогу въ восемь верстъ,
На собственномъ величьи помѣшался
Остзейскій тузъ — баронъ фонъ-Клопенгорстъ.
Онъ вынуждалъ къ невольному решпекту —
Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
Пусти нагимъ по Невскому проспекту,
Покажется онъ — въ тогѣ и вѣнцѣ.
Онъ не сгибалъ своей баронской выи
Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
Начертано: «Трудился для Россіи
И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!»
Онъ былъ смѣшонъ картинно, граціозно

И шумный пиръ эффектно оттѣнялъ,
Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
По слову въ часъ медлительно ронялъ.
Молчитъ ли онъ — особая манера
Молчать... Глядитъ — побѣдоносный взоръ!
Идетъ ли онъ — незыблемая вѣра,
Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
Среди судовъ обычнаго размѣра
Такъ шествовалъ въ Россію «Мониторъ»...

Остроумная случайность!
На сосѣда непохожъ,
Представлялъ другую крайность
Эдуардъ Иванычъ Грошъ —
Господинъ на ножкахъ низкихъ,
Веселъ, юрокъ и румянъ,
Изъ породы самыхъ близкихъ
Къ человѣку обезьянъ.
Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
Щуритъ глазки, руки жметъ
И головкою киваетъ,
И хихикаетъ, и вретъ.
Голосокъ его пискливый
Раздается тамъ и тутъ;
Толстый, маленькій, плѣшивый,
Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
Онъ какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
Слышитъ — кто-то говоритъ:
— Нужно завтра акцій двѣсти...
«На наличность? на кредитъ?..»
По рукамъ въ минуту хлопнулъ
И бѣжитъ туда бѣгомъ,
Гдѣ услышалъ слово: «лопнулъ», —

«Кто? Какой торговый домъ?..»
— Лопнулъ — шаръ!.. Зимою въ санкахъ
Вѣчно встрѣтите его;
Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ —
Нѣтъ собранья безъ него:
Это высшаго разряда
Факторъ — сила нашихъ дней;
Телеграфовъ съ нимъ не надо,
Ни газетныхъ новостей.
Свѣтскій міръ и міръ подпольный
Дань равно ему несутъ.
Какъ револьверъ шестиствольный,
Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
Онъ не-спрòста бьетъ баклуши,
Онъ трудѝтся больше насъ:
Настороженныя уши,
Волчій зубъ и лисій глазъ!
Чтò вамъ нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, домъ,
Капиталъ?.. Рекомендую:
Не ударитъ въ грязь лицомъ!
Честолюбье ль васъ тревожитъ?
Онъ карьерѣ дастъ толчокъ,
Даже выхлопотать можетъ
Португальскій орденокъ!
По рукѣ пригнать перчатку, —
Дѣло Гроша! Всюду вхожъ,
Онъ туда протиснетъ взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели изъ мрака
Случай, ловкость и родня;
Не выходитъ онъ изъ фрака.
Пробудясь, кричитъ: «Коня!»

Въ девять рыщетъ по трущобамъ —
Ищетъ нужнаго дѣльца:
Въ десять шествуетъ за гробомъ
Сановитаго лица,
До двѣнадцати — въ переднихъ
У вліятельныхъ господъ;
Въ часъ — въ пріютѣ малолѣтнихъ,
Гдѣ молебенъ и отчетъ;
Въ два — за завтракомъ съ кокоткой
(Онъ — кокотокъ первый другъ);
Съ трехъ — на биржѣ... День короткій —
Пообѣдать недосугъ!
Вечеръ: два, три комитета,
Оперетка и балетъ,
И у дамы полусвѣта
За рулеткой — дня разсвѣтъ!

— Тише!.. Новый гость явился,
Всѣ вскочили; самъ баронъ
Клопенгорстъ предъ нимъ склонился,
Подалъ руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя практически,
Я обязанъ умолчать,
Но могу аллегорически
Пѣтухомъ его назвать.
Нѣтъ вѣрнѣе аттестаціи:
Золото клюетъ —
Возвращаетъ... ассигнаціи!
Плавно онъ идетъ,
Съ видомъ скромнаго достоинства:
Словно предъ вождемъ

Дрессированное воинство,
Смолкло все кругомъ...

Поздоровался съ Саввой Степанычемъ,
Крѣпко палецъ Зацѣпѣ сдавилъ,
Пошутилъ съ Эдуардомъ Иванычемъ:
«У! какъ блѣденъ! Опять пошалилъ?»

— «Испугался проекта Дерниицына:
Объ общественной пользѣ поетъ,
А въ душѣ — идеалы Плотицына,
Зазѣвайся — . . . .»

А затѣмъ — неизвѣстность полнѣйшая, —
Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
Шла вполголоса... «Время на балъ!»
Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
На минуту сѣлъ,
И тогда четыре слова
Я поймать успѣлъ.

«Нужно выждать двѣ недѣли»,
Саввѣ онъ сказалъ;
«Нужно выждать; не созрѣли...»
И, допивъ бокалъ,
Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый
Появился — Пьеръ Кульковъ;
Былъ онъ долго за-границей
По коммиссіямъ дѣльцовъ
И друзьямъ поклонъ собрата

Изъ Италіи привезъ.
Вожделѣній плутократа,
Такъ сказать, апоѳеозъ
Совмѣщалъ въ себѣ фонъ-Руге:
Ухвативъ громадный кушъ,
Онъ ушелъ — на свѣтломъ югѣ
Отдыхать. «Великій мужъ!»
Говорятъ ему витіи:
«Не пугайся клеветы!
Предпріимчивость Россіи
На такія высоты
Ты вознесъ, что милліарда
Увезеннаго не жаль!..
Не безъ чувства и азарта,
Устремляя очи въ даль,
Разсказалъ туристъ свиданье
Съ удалившимся дѣльцомъ:
Было общее молчанье,
Пѣлъ разсказчикъ соловьемъ:

— Я посѣтилъ отшельника Севильи, —
На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;
Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи
Вообразить прекраснѣй что̀-нибудь!

«Изъ мрамора каррарскаго колонны,
На потолкахъ сибирскій малахитъ,
И въ воздухѣ висящіе балконы,
И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

«Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда
И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,
Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда:
Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

«Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
Настроилъ онъ искусственныхъ развалинъ
И чудный видъ сосѣду заградилъ!

«Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
Шелъ путь къ нему извилистой тропой;
Не пожалѣвъ расходовъ безпощадныхъ,
Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

«Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
Всѣмъ жертвуя комфорту своему...
Кругомъ цвѣты... искусственныя воды...
Его оркестръ обходится ему

«Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола,
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*.
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеалъ!..»

— «По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!»
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Сумасшедшій или геній?
Возникалъ въ умѣ вопросъ
Послѣ краткихъ наблюденій
Надъ вошедшимъ). «Онъ унесъ
Изъ Россіи милліоны
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ разсчитывалъ, сгорая
Честолюбіемъ... Увы!

Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана;
Угадайте: почему?
Передъ боемъ франко-русскимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ французскимъ:
За серебряный мильонъ
Титулъ герцога — я слышалъ —
Ужъ совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій вышелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ цѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!
Пожалѣй, честна̀я публика!
Гдѣ купить высокій санъ?
Ужъ во Франціи — республика!
Титловъ нѣтъ у англичанъ
На продажу... а Германія?..
Онъ и такъ — нѣмецкій фонъ...
Таковы его страданія.
Гдѣ же счастье?.. Дурень онъ!

«Дайте мнѣ его мильоны,
Я бы имъ протеръ глаза!
Не виселіе балконы —
Я бы создалъ чудеса!
Петръ Великій въ Сестербекѣ
Портъ громадный замышлялъ, —

Здѣсь въ великомъ человѣкѣ
Геній видимо дремалъ;
Но и въ маломъ человѣчкѣ
Онъ не дремлетъ иногда:
Нуженъ портъ... *на Черной рѣчкѣ!*
Вотъ идея, господа!
Всѣ другіе планы къ чорту!
Составляйте капиталъ!
Смѣло строй дорогу къ порту
И веди къ нему каналъ!
Подойдутъ вагонъ и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Какъ маякъ, горящій ярко,
Будетъ портъ мой на Руси!
Я ужъ рельсы далъ дорогамъ,
Я войскамъ оружье далъ...
Въ новый путь иду я съ Богомъ...
Составляйте капиталъ!
Съ деньгами, съ геніемъ
Чуднымъ движеніемъ
Русь оживимъ;
Море Балтійское,
Море Каспійское
Соединимъ!
Вотъ занятіе! вотъ дѣло!
Можно душу положить!
Ненавижу нѣжить тѣло,
Нервы праздностью томить.
Ужъ давно я былъ бы Крезомъ,
Могъ бы лавры пожинать,
Но безпошлиннымъ желѣзомъ
Не хочу я торговать.
Металлическихъ заводовъ

Съ пивоваренымъ котломъ
Я не строю для доходовъ...
Наживаться воровствомъ
Сродно подлому холопу!
Цѣль моя: къ окну въ Европу,
Что прорублено Петромъ,
Вѣковой пристроить домъ!»

Уходитъ быстро и съ эффектомъ, еще въ комнатѣ надѣвъ шляпу.

Голосъ князя Ивана.

Появился метеоромъ,
Метеоромъ и пропалъ!
Никогда онъ не былъ воромъ,
А людей съ сумой пускалъ.
У него своя контора
«Переписки векселей»;
Нужно штатъ удвоить скоро:
Въ день до тысячи рублей
Платитъ онъ однихъ процентовъ.
То-то жизнь! Топи каминъ
Грудой старыхъ документовъ,
Да на новыхъ ставь: *Ладьинъ.*
А въ стяжаніи не грѣшенъ,
Самъ послѣднее отдастъ...

Чье-то замѣчаніе.

Но зато, вѣдь, онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана.

Нѣтъ! большой энтузіастъ!
Занимая всюду деньги

И *пристроить* ихъ спѣша,
Ищетъ онъ по *шапкѣ Сеньки*...
Идеальная душа!

Въ лѣтній день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждетъ...
Духовенство шествуетъ сначала,
А за нимъ коммиссія идетъ:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! въ дали запѣли бурлаки!
Но они не тощи, какъ скелеты:
На подборъ красавцы-мужики
«Въ шелковыхъ рубахахъ!» шепчутъ бабы.
— «Глянь: и Савва!» гаркнула толпа.
Съ деревянной ложкою у шляпы
И желѣзнымъ гребнемъ у пупа,
Самъ купецъ-подрядчикъ бичевою
Тянетъ барку... Къ пристани пришли...
Отслуживъ молебенъ чередою,
Пировать въ палатку побрели.
Въ торжествѣ открытія канала
Самъ министръ участье принималъ,
Но не струсилъ Саввушка нимало —
Рѣчь его сіятельству сказалъ!
Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,
Затѣвалъ громадныя дѣла...
Эта рѣчь «въ народномъ, русскомъ стилѣ»
Милліоны Саввѣ принесла...
Нынче онъ... да, словомъ: нѣтъ другого!
Савву надо въ лѣтописи внесть:
Савву Богъ сподобилъ *даромъ слова*
На Руси богатство пріобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевою,
Любитъ онъ простого «мужика»,
Вспоминая прошлое порою,
Напѣваетъ пѣсню бурлака —
Ту, что̀ пѣлъ когда-то на каналѣ...
Выпивъ тостъ за «братьевъ мужиковъ»,
Онъ запѣлъ... Что было русскихъ въ залѣ
Подошли — и стройный хоръ готовъ.

ВЪ ГОРУ.

БУРЛАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое.
Плохо житье!
Братцы, подъемъ!
Ухнемъ! напрёмъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Хлѣбушка дай!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денекъ!
Эка жара!
Камушка, сколько мы слезъ въ тебя пролили,
Мы ли, родная, тебя не доволили?
Денежекъ дай!
Бросили домъ,

Малыхъ ребятъ...
Ухнемъ, напрёмъ!..
Кости трещатъ!
На печь бы лечь
Зиму проспать,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денекъ!
Эка жара!
Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нѣтъ те конца!..
Этакъ бы впрячь
Въ лямку купца—
Легъ бы богачъ!..
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денекъ!
Эка жара!
Эй! вѣтерокъ!
Дуй посильнѣй!
Намъ хоть часокъ
Дай повольнѣй!..

Два-три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
Въ пѣніе душу кладутъ;
Спой такъ пѣвецъ—наградили бы славой.
За сердце звуки берутъ.
Что̀ жъ это, Господи! Всѣхъ задушевнѣй
Шкурина голосъ звучитъ!

Вѣетъ лѣсами, рѣкою, деревней,
Русской истомой томитъ!
Все въ этой пѣснѣ: тупое терпѣніе,
Долгое рабство, укоръ...
Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
Этотъ разбойничій хоръ!

ЭПИЛОГЪ.

«Я — воръ!» вдругъ громко прозвучалъ
Какой-то голосъ изступленный.
По залѣ шопотъ пробѣжалъ
И смолкъ. Глубоко-удивленный,
Плотнѣе къ двери я приникъ:
Изнеможенный и печальный,
Передъ столомъ сидѣлъ старикъ...
Ужель Зацѣпа геніальный?
Да, вѣрно! Блѣденъ, какъ мертвецъ,
Въ очахъ глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И, наконецъ —
Неудержимое рыданье!

Князь Иванъ.

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядемъ лучше въ домино.
Постороннему — обидно,
А друзьямъ твоимъ — смѣшно!
Ты подобенъ той гетерѣ,
Что̀ на склонѣ блудныхъ дней
Горько плачетъ о потерѣ
Добродѣтели своей!

Не воротится невинность,
Какъ глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
Кивнувъ собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнулъ Савва:
«Зацѣпинъ — умный человѣкъ,
Но человѣкъ немного странный:
Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
Какъ древле грозный Іоаннъ,
Въ какой-то паѳосъ покаянный.
Но — ничего! Гроза пройдетъ,
И завтра жъ — побожиться смѣю —
Великій умъ изобрѣтетъ
Золотоносную идею!
Какъ подъ дождемъ цвѣты растутъ
Сильнѣй — прибавилъ онъ къ евреямъ —
Такъ эти бури придаютъ
На-утро блескъ его идеямъ!..»

Зацѣпинъ.

Я — воръ! Я — рыцарь шайки той,
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что̀ исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
Гдѣ сплошь да рядомъ — видитъ Богъ! —
Лежатъ въ основѣ состоянья
Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,

Гдѣ въ результатѣ — милліонъ
Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
Ушли остзейскіе тузы.
Жиды вскочили... стали рядомъ...
«Куда? Сейчасъ — конецъ грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздухъ душенъ сталъ...
Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ.

На милліонъ согрѣша,
На милліарды тоскуетъ!
То-то святая душа!
Что̀ же сей сонъ знаменуетъ?

Бѣдный Зацѣпа — поэтъ;
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нѣтъ:
Какъ ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдемъ!
Нынче твердитъ и бородка:
«Американскій пріемъ»,
«Великорусская смётка!»

Грошъ у новѣйшихъ господъ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскуетъ лишь тотъ,
Кто не укралъ милліона.

Бредитъ Америкой Русь,
Къ ней тяготѣя сердечно...
Шуйско-Ивановскій гусь —
Американецъ?.. Конечно!

Что̀ ни попало — тащатъ,
«Нашъ идеалъ» — говорятъ —
«Заатлантическій братъ:
Богъ его — тоже, вѣдь долларъ!

Правда, но разница въ томъ:
Богъ его — долларъ, добытый трудомъ.
А не украденный долларъ!

Зацѣпинъ.

Къ религіи наклонность я питалъ,
Мечталъ носить желѣзныя вериги,
А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
Завѣдомо подчищенныя книги...

Рыдаетъ.

Князь Иванъ.

Ты книги подчистилъ? И только!
Уйми щекотливую честь!
Ахъ! если бъ всѣ выпили столько,
Не то услыхали бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помѣшалась на томъ:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
Торжественный крупный скандалъ

И тысячъ четыреста... двѣсти
Въ итогѣ — вотъ нашъ идеалъ!

Тебя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даянье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Таится подходъ къ грабежу,
Подъ маской добра неприступной
Холодный расчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что̀ нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копѣечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ безпощадный,
Блистающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный,
Приличный амбиціи кушъ!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сброситъ съ лица...
Утѣшься! *Блаженство паденья* —
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ вѣрные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ;
Не плачь! Не хуже ты другого!»

Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
Или язвительное слово!

Тронутъ ближняго несчастьемъ,
Милліонщикъ-мукомолъ
Къ удрученному съ участьемъ
И съ совѣтомъ подошелъ:
«Чтобы совѣсть успокоить,
Поговѣй-ка ты постомъ,
Да совѣтую устроить
Богадѣльный домъ.
Передъ ризницей святою
Въ ночь лампадки зажигай,
Да получше, безъ отстою,
Масло наливай!»

Подошелъ и Ѳедоръ Шкуринъ.
— Прочь! не подходи!
Вмѣсто сердца грошъ фальшивый
У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
Изъ живыхъ свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Изъ живыхъ людей! —

Шкуринъ голову повѣсилъ
«Такъ-съ!» пробормоталъ...
Князь Иванъ одинъ былъ веселъ:
«Браво!» онъ сказалъ.

Друженъ былъ старикъ съ Зацѣпой,
Онъ къ нему подсѣлъ —

Укротить порывъ свирѣпый
Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ

Ты Шиллера, должно быть, начитался,
Иль черезчуръ венгерскаго хлебнулъ!
Кто не мечталъ... и кто не оказался
Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
Съ прямыхъ путей—по волѣ... по-неволѣ?..
Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:
Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Швабсъ съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
Громя тарифъ, налоги, капиталъ.
Сочувственно ему внимали классы...
А нынѣ онъ — директоръ ссудной кассы...

«Судья лишь тотъ, кто Богу самъ не грѣшенъ,
А мой принципъ — прощенье и любовь!»
Говаривалъ Володя Перелѣшинъ:
«Кто низко палъ — воспрянуть можетъ вновь;
Не бичевать, жалѣть должны мы вора...»
А нынѣ онъ — товарищъ прокурора...
Графъ Твердышовъ... ужъ онъ ли надъ Россіей,
Надъ мужикомъ голоднымъ не грустилъ?
А кончилъ тѣмъ, что съ земской гарантіей
По пустырямъ дорогу проложилъ
И съ помощью ненужной той дороги
Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпинъ, *внезапно вскакиваетъ.*

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,

Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое!

Князь Иванъ.

Эхъ, ты! некстати перервалъ!
Шумитъ, какъ угли въ самоварѣ!
А я бы вѣрно перебралъ
Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпинъ.

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкаго алтына,
У дворянскаго рубля
Плутократъ, какъ караульный,
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабёжъ огульный
И — случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды;
Порывы грусти тише стали,
Не уходившіе жиды
Его почти не понимали:

Они подумали, что онъ
Свершилъ въ Россіи преступленье,
Укравъ казенный милліонъ,
И — предложили наставленье.

Еврейская мелодія.

Денежки есть — нѣтъ бѣды,
Денежки есть — нѣтъ опасности
(Такъ говорили жиды —
Слогъ я исправилъ для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолѣйте истерику.
Вы намъ продайте паи,
Деньги пошлите въ Америку.
Вы разсчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слухъ о болѣзни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Одѣньтесь тепло!
Вы до Кронштадта на катерѣ,
Вы на корабль... подъ крыло
Къ насей финансовой матери *).
Денежки — добрый товаръ —
Вы поселяйтесь на жительство,
Гдѣ не достанетъ правительство,
И поживайте, какъ — *царръ!*

Зацѣпинъ.

Прочь! гнушаюсь вашихъ узъ!..
Проклинаю процвѣтающій,
Все-берущій, все-хватающій,
Все-ворующій союзъ!..

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонидъ

*) Англія.

Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
Передъ Зацѣпинымъ стоитъ.

Леонидъ.

Явленье — строго говоря —
Не ново съ русскими великими умами:
Съ Ивана Грознаго царя
До «Переписки Гоголя съ друзьями»,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!
Его, какъ ржа желѣзо, ѣстъ
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...
Мы искалѣчены безбожно
И развѣ наша въ томъ вина?

Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо Зацѣпы, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи. Зацѣпинъ закрываетъ глаза.

Русской души не понять иновѣрцу...
Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нѣтъ въ покаяньи стыда.
Что̀ за нелѣпость — крестьянинъ не сѣченый?
Нечѣмъ тутъ хвастать, а лучше молчать:
Темныя пятна души изувѣченной
Русскому глупо скрывать.
Неисчислимы орудья клеймящія!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящіе,
Это — уроды. Куда ни взгляни,
Все подъ гребенку подстрижено,
Сбито съ прямого пути,

Неотразимо обижено...
    Гдѣ же спасенье найти?
Гдѣ? «Въ милліонахъ!» Такъ жизнь подсказала,
    Геній достигнуть помогъ...
Горе одно: онъ убить идеала
    Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...
О, роковая судебъ неизбѣжность!
    Въ практикѣ — строгій дѣлецъ,
Голубь въ душѣ — благородство и нѣжность!..
Вотъ его драма... Уснулъ, наконецъ.

Пауза. Ораторъ снова всматривается въ лицо Зацѣпы, сидящаго съ закрытыми глазами, и продолжаетъ развязнымъ тономъ:

Ужъ лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
Ужъ лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солому...
    Созналъ ты эту аксіому?
    Такъ, стало, не о чемъ тужить!
Знай свой шестокъ и дань плати культурѣ!
На Западѣ — Мишле, Эдгаръ Кинѐ,
Овсянниковъ — въ родной своей странѣ —
    Явленья, вѣрныя натурѣ!
И то ужъ хорошо, что выигралъ ты бой...
Толпа идетъ разбитою тропой;
Рабы довольны, если сыты;
Но намъ даны иные аппетиты...
О Господи! Удвой желудокъ мой!
    Утрой гортань! учетвери мой разумъ —
Дай ножницы такія изобрѣсть,
Чтобъ цѣлый міръ остричь вплотную разомъ —
    Вотъ русская незыблемая честь!..

Зацѣпинъ кидается къ Леониду съ кулаками; его удерживаютъ.

Князь Иванъ.

Дай венгерскаго старѣйшаго!
Дружно тостъ провозгласимъ:
«За философа новѣйшаго!»
Вы — мальчишки передъ нимъ!
Ничего не будетъ новаго,
Если завтра у него
На спинѣ туза бубноваго
Мы увидимъ... ничего!..
Но гораздо вѣроятнѣе,
Что его карьера ждетъ
Деликатнѣе, опрятнѣе...
Милліоны наживетъ!

Савва, *хлопоча, между тѣмъ, около Зацѣпы, говоритъ вполголоса:*

Опомнись, Гриша! что̀ съ тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
И тамъ бѣснуйся, сколько хочешь.
Или ты выгоднымъ нашелъ
Пустить молву между врагами,
Что состоянье пріобрѣлъ
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сынъ,
Услышитъ...

Зацѣпинъ.

У меня нѣтъ сына...

Бросаетъ Саввѣ телеграмму.

Савва, *читаетъ.*

«Сегодня умеръ Константинъ».
Такъ вотъ разгадка! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золъ, въ хандрѣ глубокой;
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокій!..

Гриша — образчикъ широкихъ натуръ —
Смолоду въ крайности дерзко бросался,
То милліоновъ желалъ, самодуръ,
То въ монастырь запереться сбирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосолъ — предводитель дворянства,
Сталъ онъ со временемъ тузъ откупной —
Эксплоататоръ народнаго пьянства.
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ
И провалился — по новости дѣлъ...
Многіе такъ провалились вначалѣ.
Бывшій гусаръ, зарядивъ пистолетъ,
Дерзко на биржѣ сыгралъ на остатки —
Вывезло счастье! Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ!
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,
Давнія слезы Зацѣпа скрѣплялъ,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободныя» взять у друзей
И возвратить съ дивидендомъ высокимъ —
Чудное средство для скрѣпы связей!
Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.

Стали къ нему, какъ ручьи въ океанъ,
Тайныя нити успѣха стекаться.
Мысль озарила — неси къ нему планъ,
А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ —
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ.
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смѣло
Сыплетъ вопросы — и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора, Зацѣпа взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«Воромъ отца обозвали при немъ...»
Черныя мысли отцомъ овладѣли.
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ,
И разыгралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
Леонидъ не уходилъ:
Онъ посматривалъ свирѣпо,
Да съ азартомъ соду пилъ.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядемъ въ горку!» вдругъ сказалъ.

Столъ раскрытъ — пошла забава,
Что̀ ни ставка — капиталъ!
Разсчиталъ недурно Савва:
И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

ВСТУПЛЕНІЕ

къ пѣснямъ 1876—77 годовъ.

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
Ни мудрость опытныхъ врачей:
Зачѣмъ же мучить человѣка?
О небо! смерть пошли скорѣй!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюмъ мой вѣрный черный пёсъ,
Глаза жены сурово-нѣжны:
Сейчасъ я пытку перенесъ.

Пока недугъ молчитъ, не гложетъ,
Я тѣшусь странною мечтой,
Что потолокъ спуститься можетъ
На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался
Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой!
Какъ ураганъ, недугъ промчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
Борюсь до скрежета зубовъ...
О муза, ты была мнѣ другомъ,
Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужъ я знавалъ такія грозы!
Ты силу чудную дала, —
Въ колючій тернъ вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь въ моей груди!

Крылатыхъ грезъ толпой воздушной
Воображенье насели,
И отъ моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

* * *

Ночь съ 8-го на 9-е января.

Дни идутъ... все такъ же воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ — на роковомъ пути...
Человѣкъ до ужаса бездушенъ, —
Слабому спасенья не найти!
Но... молчи! Во гнѣвѣ справедливомъ
Ни людей, ни вѣка не кляни;
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

СѢЯТЕЛЯМЪ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что̀ ли, находишь безплодную?
Худы ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

—⋙⋘—

МОЛЕБЕНЪ.

Холодно, голодно въ нашемъ селеніи;
Утро печальное — сырость, туманъ:
Колоколъ глухо гудитъ въ отдаленіи,
Въ церковь зоветъ прихожанъ.
Что̀-то суровое, строгое, властное
Слышится въ звонѣ глухомъ;
Въ церкви провелъ я то утро ненастное —
И не забуду о немъ.
Все населеніе, старо и молодо,
Съ плачемъ поклоны кладетъ;
О прекращеніи лютаго голода
Молится жарко народъ.

Рѣдко я въ немъ настроеніе строже
И сокрушеннѣй видалъ!
«Милуй народъ и друзей его, Боже!»
Самъ я невольно шепталъ:
«Внемли моленіе наше сердечное
О послужившихъ ему...

. . . .

. . . .

О претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
И устоявшихъ въ борьбѣ,
Слышавшихъ рабскую пѣсню послѣднюю,
Молимся, Боже, Тебѣ».

ПРОРОКЪ.

Изъ Барбье.

Не говори: «Забылъ онъ осторожность!
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..»
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
«Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!» —

Такъ мыслитъ онъ — и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

ДРУЗЬЯМЪ.

Я примирился съ судьбой неизбѣжною;
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!
Жадно желаю скорѣй умереть.
Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...

МУЗѢ.

О Муза! наша пѣсня спѣта.
Приди, закрой глаза поэта
На вѣчный сонъ небытія;
Сестра народа — и моя!

* * *

Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожалѣнья,
Да и некому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ:
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ —
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Посылала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты;
Пали жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...

З-НѢ.

I.

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются;
Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей!
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
З-на, закрой утомленныя очи!
З-на! усни!

4-го декабря 1876, ночь.

II.

Ты еще на жизнь имѣешь право, —
Быстро я иду къ закату дней.

Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшаетъ быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

ПРИГОВОРЪ.

«Вы въ своей землѣ благословенной
Паріи — не знаетъ васъ народъ,
Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира:
Вы пѣвцами темной стороны —
На любовь, на уваженье міра
Не стяжавшей права — рождены!...»

Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о васъ весь Западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!... Но родина молчитъ...

Ночь съ 7-го на 8-е января.

МАТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Е. О. Лихачевой.

I.

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать —
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.
Но я привыкъ обычай презирать —
Я не боюсь насмѣшливости модной.
Такую музу мнѣ дала судьба:
Она поетъ по прихоти свободной,
Или молчитъ, какъ гордая раба.
Я много лѣтъ среди трудовъ и лѣни
Съ постыднымъ малодушьемъ убѣгалъ
Плѣнительной, многострадальной тѣни,
Для памяти священной... Часъ насталъ!...
Міръ любитъ блескъ, гремушки и литавры;
Удѣлъ толпы — не узнавать друзей;
Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры
Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталъ ее больнѣй;
Вѣнецъ, толпой немыслящею свитый,
Ожжетъ чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей поздняго вѣнца.
Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
Сіялъ для васъ средь полночи глубокой,
Подобно ей, несчастныя сердца!...
Быть можетъ, я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя? Прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
Къ свободѣ ей заказаны пути;

Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки —
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святыя муки,
Твою борьбу, подвижница, пою!..

II.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ.
(За славой я въ столицу торопился).
Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ подолгу),
Но горделивъ — пріѣхалъ я домой.

Я посѣтилъ деревню, нивы, Волгу —
Все тѣ же вы — и нивы, и народъ...
И та же все — рѣка моя родная...
Замѣтилъ я новинку: пароходъ!
Но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая.
Кипѣла ты — зубчатымъ колесомъ
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали крѣпкимъ сномъ.
Дремало все: расшивы, коноводки,
Дремалъ бурлакъ на днѣ завозной лодки...
Проснется онъ — и Волга оживетъ!
Я дождался тягучихъ мѣрныхъ звуковъ...
Приду ль сюда еще послушать внуковъ,

Гдѣ слышу васъ, отцы и сыновья!
Ужъ не на то ль дана мнѣ жизнь моя?

Охваченъ вдругъ дремотою и лѣнью,
Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ:
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому пѣнью,
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой сѣнью,
Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлеснутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена — тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И наконецъ вошелъ я въ старый домъ.
Въ немъ новый полъ, въ немъ новые порядки
Но мало я заботился о томъ.
Я разобралъ хранимые отцомъ
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ,
Исписанъ листъ то польскимъ, то французскимъ

Порывистымъ и страстнымъ языкомъ.
Припоминалъ я что̀-то долго, смутно:
Ужъ не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты въ младенчествѣ моемъ
Одна въ саду? Не зная ни о чемъ,
Я въ немъ тогда источникъ горя видѣлъ
Моей родной, — я сжечь его былъ радъ,
И я теперь его возненавидѣлъ.
Глухая ночь. Иду поспѣшно въ садъ...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Гдѣ ты? прими сыновній мой привѣтъ!
Но вторитъ мнѣ лишь эхо безучастно...
Я зарыдалъ; увы! ея ужъ нѣтъ!

Луна взошла и садъ осеребрила.
Подъ сводомъ липъ недвижно я стоялъ,
Которыхъ сѣнь родная такъ любила.
Я ждалъ ея — и не напрасно ждалъ...
Она идетъ: то медленны, то скоры
Ея шаги, письмо въ ея рукѣ...
Она идетъ... Внимательные взоры
По немъ скользятъ въ тревогѣ и тоскѣ.
«Ты вновь со мной!» невольно восклицаю,
«Ты вновь со мной...» Кружится голова...
Чу, тихій плачъ, чу, шопотъ! Я внимаю —
Слова письма — знакомыя слова!

III.

ПИСЬМО.

«Варшава, 1824 годъ.

«Какую ночь я нынче провела!
О дочь моя! Что̀ сдѣлала ты съ нами?

Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой странѣ родную предпочла?
Приснилось мнѣ: затравленная псами,
Занесена ты русскими снѣгами.
Была зима, была глухая ночь,
Пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
И у костра, съ закрытыми глазами,
Лежала ты, моя родная дочь!

«Дремучій лѣсъ, чернѣя полукругомъ,
Ревѣлъ, какъ звѣрь... ночь долгая была,
Стонала ты, какъ стонетъ рабъ за плугомъ,
И, наконецъ, застыла — умерла!..

«О, сколько сновъ... о сколько мыслей черныхъ!
Я знаю, Богъ караетъ непокорныхъ
Я вѣрю снамъ, и плачу какъ дитя...
Позоръ, позоръ! Мы — басня всей Варшавы!
Ты, чьей руки М. М. искалъ, какъ славы,
Въ кого N. N. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейскихъ офицеромъ,
Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?
Прости! Кипитъ въ груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!

. . . .

«Твоей красѣ (сурова тамъ природа)
Ужъ никогда вполнѣ не расцвѣсти;
Твоей косы не станетъ на полгода;
Тамъ свой девизъ: «любить и бить...» прости.

. . . .

«Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди — дикари,
А жены ихъ — безграмотныя дуры...
Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самаго разгара
Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ... Засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

. . . .

. . . .

«Въ послѣдній разъ, какъ мать, тебя цѣлую —
Я поощрять бѣглянку не должна;
Рѣшай сама, бери судьбу любую:
Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна —
Или, отцомъ навѣки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься тамъ — отступницею края
И москаля презрѣнною рабой».

. . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремѣли
И птички раннія на старыхъ липахъ пѣли.
Въ рукѣ моей письмо... но нѣтъ моей родной!
Смятенный, я поникъ уныло головой.
Природа чуткимъ сномъ была еще объята,
Луна глядѣла въ прудъ; на стеблѣ роковомъ
Стояли лопухи недвижно надъ прудомъ.
Такъ узники глядятъ изъ оконъ каземата.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалёка.
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко
И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ,
И вновь его прочелъ внимательно съ начала,
И кроткая душа, терзаемая въ немъ,
Впервые предо мной въ красѣ своей предстала...
И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
О мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ сыномъ.
Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго картинамъ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...
. . . .
. . . .

. . . .

. . . .

Незримой лѣстницей съ недавнихъ юныхъ дней
Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты няпею моей
И ангеломъ-хранителемъ, родная!

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ, рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла;
Ужъ онъ не твой; но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Ты на письмо молчаньемъ отвѣчала,
Своимъ путемъ безстрашно ты пошла.

. . . .

. . . .

Гремѣлъ рояль, и голосъ твой печальный
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
«Несчастна я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой, о женщина-раба!

Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край въ крови, весь заревомъ объятъ...
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!..»

Хаосъ! мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!
Хаосъ! едва мерцаетъ умъ поэта,
Но, юности священнаго обѣта
Не совершивъ, въ могилу не сойду!
Поймутъ иль нѣтъ, но будетъ пѣсня спѣта.

Я опоздалъ: я медленно и ровно
Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить;
Но я дерзну въ картинѣ малословной
Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!.. Поможетъ мнѣ искусство,
Поможетъ смерть — я скоро нуженъ ей...
Мала слеза, но въ ней избытокъ чувства, —
Что̀ океанъ безбрежный передъ ней!..

. . . .

Такъ двадцать лѣтъ подвижничества цѣпи
Влачила ты, пока твой часъ пробилъ.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключъ — онъ жаждущихъ поилъ.
И не вотще любовь твоя сіяла:
Какъ въ небесахъ ни много черныхъ тучъ,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Все жъ, наконецъ, проглянетъ солнца лучъ!

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила!
У ногъ твоихъ — дѣтей твоихъ отецъ.
Семья давно вины твои простила,
Лобзаетъ рабъ терновый твой вѣнецъ...
Но... двадцать лѣтъ!.. Какъ сладко, умирая,
Вздохнула ты... какъ тихо умерла!
О, сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!

Душа твоя — она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ.
Я понялъ ихъ — я палъ предъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!..).
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.
Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души — ты тò дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но — двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
Чей идеалъ — убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ:

Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —

На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

И счастливъ я! Ужъ ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира.
Пройдутъ года — поклонникъ вѣрный мой
Ей посвятитъ досугъ уединенный,
Прочтетъ разсказъ и о твоей судьбѣ
И, посѣтивъ поэта прахъ забвенный,
Вздохнувъ о немъ, вздохнетъ и о тебѣ.

9-го февраля 1877 г.

ЗИНѢ.

Подвинь перо, бумагу, книги!
Милый другъ! Легенду я слыхалъ:
Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, Зина!
Трудъ всегда меня животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ!

Да не плачь украдкой! — Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторяй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ-недугомъ,
Позабылъ о смерти твой поэтъ!

13-го февраля 1877 г.

ПОЭТУ.

Любовь и Трудъ — подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь, бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгораешь со стыда,
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?

Февраль 1877 г.

БАЮШКИ-БАЮ.

1877 г., марта 3-го.

Непобѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Гдѣ ты, о муза! Пой, какъ прежде!
«Нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ, —
Сказать: умремъ! конецъ надеждѣ!
Я прибрела на костыляхъ!»

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучитъ... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всесильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.
Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!
То голосъ матери родной:
«Пора съ полуденнаго зноя,
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Прими трудовъ вѣнецъ желанный!
Ужъ ты не рабъ — ты царь вѣнчанный,
Ничто не властно надъ тобой!

«Не страшенъ гробъ, — я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,

Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

«Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...
Баю-баю-баю-баю!

«Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый:
Ты заплатилъ ей дань живой;
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

«Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю-баю-баю!...»

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ.

Даже вполголоса мы не пѣвали,
Мы — горемыки-пѣвцы!
Подъ берегами мы вёдро прождали,
Словно лѣнтяи пловцы.

Старость приходитъ — недуги да горе;
Жизнь безполезно прошла;
Хоть на прощанье въ открытое море,
Въ море царящаго зла,
Прямо и смѣло направить бы лодку.
Сунься-ка! сдѣлаешь шагъ,
А на второмъ . . . .
Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ)!
Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счелъ ты за лучшее кинуть:
Жить для нея — надо силу желѣзную,
Волю желѣзную — сгинуть.

*
* *

Черный день! какъ нищій проситъ хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ея у докторовъ,
У друзей, враговъ и цензоровъ.
Я взываю къ русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня въ живую воду,
Или мертвой въ мѣру дай.

*
* *

Великое чувство! у каждыхъ дверей,
Въ какой сторонѣ ни заѣдемъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!

М. Е. САЛТЫКОВУ

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЗА ГРАНИЦУ.

О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлью
Остатокъ жизни отдавать.

ОТРЫВОКЪ.

Я сбросила мертвящія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага.

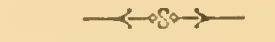
Въ бездѣйствіи застала я дружины;
Окончивъ день, безпечно шли ко сну
И женщины, и дѣти, и мужчины,
Лишь межъ собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые разсказы
О подвигахъ... но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!...

СТАРОСТЬ.

Проситъ отдыха слабое тѣло,
Душу тайная жажда томитъ.
Горько ты, стариковское дѣло!
Жизнь смѣется, — въ глаза говоритъ:

«Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья — умри!...»

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь ужъ не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаромъ берегу...

Вотъ и все, что ты намъ завѣщала:
Да еще узнали мы потомъ,
Что давно ты бѣднымъ отдавала,
Чтò добыть умѣла ты трудомъ

Попъ труслявъ — боится, не хоронитъ:
Убѣдить его мы не могли, —
Мы въ оврагъ, гдѣ только вѣтеръ стонетъ,
На рукахъ покойницу снесли.

Схоронивъ, мы камень обтесали, —
Утвердили прямо на гробу,
И на камнѣ четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людямъ милы —
И укоръ, и поученье въ нихъ...
Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

5 ноября 1877 г.

ОСЕНЬ.

Прежде — праздникъ деревенскій,
Нынче — осень голодна;
Нѣтъ конца печали женской,
Не до пива и вина.
Съ воскресенья почтой бредитъ
Православный нашъ народъ,
По субботамъ въ городъ ѣдетъ,
Ходитъ, проситъ, узнаетъ:

Кто убитъ, кто раненъ лѣтомъ,
Кто пропалъ, кого нашли?
По какимъ по лазаретамъ
Уцѣлѣвшихъ развезли?
Такъ ли жутко!.. Сводъ небесный
Темень въ полдень, какъ въ ночи;
Не сидится въ хатѣ тѣсной,
Не лежится на печи.
Сытъ, согрѣлся, слава Богу.
Только спать бы! Нѣтъ, не спишь, —
Такъ и тянетъ на дорогу,
Ни за что̀ ни улежишь.
И бойка жъ у насъ дорога!
Такъ увѣчныхъ возятъ много,
Что за нами, на бугрѣ,
Какъ проносятся вагоны,
Человѣческіе стоны
Ясно слышны на зарѣ.

7 ноября 1877 г.

МУЖЪ И ЖЕНА.

— Глашенька! пустошь Ивашево —
Треть состоянія нашего!
Не продавай ее, ангельчикъ мой!
Выдай обратно задатокъ...
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ:
«Я задолжала — и срокъ за спиной...»
— Глаша, не плачь! я — хозяинъ плохой,
Дѣлай что̀ хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,

Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

— Глаша! волнуетъ и мучитъ
Чувство ревнивое душу мою.
Этотъ учитель, что̀ Петиньку учитъ...
«Такъ! муженька узнаю!
О, если бъ зналъ ты, какъ золъ ты и гадокъ!»
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ...
— Знаю, прости! Я — ревнивецъ большой!
Дѣлай что̀ хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

— Глаша! какъ часто ты нынче гуляешь:
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтобъ одолѣть ее, нуженъ покой!
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ...
— Глаша, иди! Я — безумецъ, я гадокъ,
Я — эгоистъ безсердечный и злой,
Дѣлай что̀ хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

9 ноября.

Мнѣ снилось: на утесѣ стоя,
Я въ море броситься хотѣлъ:
Вдругъ ангелъ свѣта и покоя
Мнѣ пѣсню чудную запѣлъ!
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человѣкъ!
Сниму съ главы покровъ тумана
И сонъ съ отяжелѣлыхъ вѣкъ;
И Музѣ возвращу я голосъ,
И вновь блаженные часы
Ты обрѣтешь, сбирая колосъ
Съ своей несжатой полосы».

12 ноября.

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба —
Не плачь! Завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій — взглянетъ безъ любви
На эту бѣдную, въ крови,
Кнутомъ иссѣченную Музу...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГОВОРУНЪ.

Записки петербургскаго жителя А. Ѳ. Бѣлопяткина.

ГЛАВА I.

Двѣ строчки точекъ. — Раздумье. — Эѳиръ и канцелярія. — Нѣсколько автобіографическихъ свѣдѣній. — Нѣчто о супругѣ моей, Агафьѣ Леопардовнѣ. — Вступленіе. — О Санктпетербургѣ. — Пріятности столичной жизни. — Шарманщикъ и шарманка. — Литература. — Иллюстрированныя изданія. — Большой театръ. — Дѣвица «Жизель». — Люція Гранъ. — «Русланъ и Людмила». — Египетская магія. — Московскіе цыгане. — Груша, Матрена и я. — О томъ, какая исторія случилась съ Гостинымъ дворомъ. — Заключеніе.

I.

Да, новый годъ . . . . . .
. . . .
. . . . . Я преданъ сокрушенію,
Не пьется мнѣ, друзья:
Міръ ближе къ разрушенію,
Къ могилѣ ближе я.
Льдомъ жизненнаго холода
Не сковано еще, —
Въ васъ сердце, други, молодо,
Свѣжо и горячо.
Еще вамъ свѣтъ корыстію
Разсудка не растлилъ,
И жизни черной кистію

Злой рокъ не зачернилъ.
За счастьемъ безбоязненно
Пока вы мчитесь въ даль,
И гостьей непріязненной
Не ходитъ къ вамъ печаль.
Увы!.. она пробудится:
Часъ близокъ роковой!
И съ вами то же сбудется,
Что̀ сталося со мной:
Въ дни возраста цвѣтущаго
Я также былъ готовъ
Взять грудью у грядущаго
И славу и любовь,
Кипѣлъ чудесной силою
И рвался все къ тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
Въ житейскихъ треволненіяхъ
Терпѣлъ и стыдъ и зло
И видѣлъ въ сновидѣніяхъ
Въ вѣнкѣ свое чело.
Любилъ — и имя чудное
Въ отчаяньи твердилъ, —
То было время трудное:
Насилу пережилъ!

II.

Когда восторгъ лирическій
Въ себѣ я пробужу,
Я вамъ біографическій
Портретъ свой напишу.
Тогда вы все узнаете, —

Какъ глупъ я прежде былъ,
Мечталъ, какъ вы мечтаете,
Душой въ эѳирѣ жилъ,
Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію,
И какъ родитель мой
Съ эѳира въ канцелярію
Столкнулъ меня клюкой.
Какъ гордъ преуморительно
Я въ новомъ былъ кругу
И какъ потомъ почтительно
Сталъ гнуть себя въ дугу.
Какъ прежде, чѣмъ освоился
Со службой, все краснѣлъ,
А послѣ успокоился,
Окрѣпъ и потолстѣлъ.
Какъ гнаться сталъ за деньгами,
Изрядно нажился,
Дѣтьми и деревеньками
И домомъ завелся...

III.

Но счастье скоротечное
Измѣнчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вѣчно мнѣ везло!
Терплю бѣду великую
Съ семейной стороны:
Я взялъ тигрицу дикую
Во образѣ жены...
Но что̀ впередъ печалиться?
Покуда погожу...
Навѣрно всякій сжалится,

Какъ все перескажу.
Большой портретъ къ изданію
Списать съ себя велю
И въ Великобританію
Гравировать пошлю.
Какъ скоро онъ воротится,
Явлюсь на судъ людской,
Безъ галстуха, какъ водится,
Съ небритой бородой.

IV.

Чтобъ дни мои смиренные
Въ несчастьи коротать,
Записки современныя
Рѣшился я писать.
Дворянство и купечество
И всѣхъ другихъ чиновъ
И званій человѣчество
Я видѣлъ безъ очковъ.
Какъ міръ земной вращается,
Гдѣ тихо, гдѣ содомъ, —
Все мною замѣчается,
Сужу я обо всемъ.
Болтать мнѣ утѣшительно,
И публику прошу
Все слушать снисходительно,
Что̀ я ей разскажу.

V.

Столица наша чудная
Богата черезъ край:

Житье въ ней нищимъ трудное,
Милліонерамъ — рай.
Здѣсь всюду наслажденія
Для сердца и очей,
Здѣсь все безъ исключенія
Возможно для людей:
При деньгахъ вдвое вырости,
Чертовски разжирѣть,
Отъ голода и сырости
Безъ денегъ умереть
(Гдѣ розы, тамъ и терніи —
Таковъ законъ судьбы!
Бѣднякъ живи въ губерніи:
Тамъ дешевы грибы).
Съ большими здѣсь и съ малыми
Въ одномъ дому живешь
И рядомъ съ генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться, —
Берешь газетный листъ;
Задумаешь прославиться, —
На то есть журналистъ:
Хвалы онъ всѣмъ славнѣйшія
Печатно раздаетъ,
И какъ — душа добрѣйшая —
Недорого беретъ!
Чего бъ здѣсь ни увидѣли,
Чего бы ни нашли?
Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,
Наилучшіе сапожники,
Актеры, повара,
Съ шарманками художники

Такіе, что — ура!..
Я въ нихъ влюбленъ рѣшительно
И здѣсь ихъ воспою...

VI.

Поютъ преуморительно
Они галиматью.
Прикрывъ одеждой шкурочку
Для смѣха и красы,
Съ мартышками мазурочку
Выплясываютъ псы,
И самъ въ минуту пьяную,
По страсти иль нуждѣ,
Шарманщикъ съ обезьяною
Танцуетъ *падеде*,
Все скачетъ, все волнуется,
Какъ будто маскарадъ,
А русскій людъ любуется:
«Какъ нѣмцы-то хитрятъ!»
Да, сильны ихъ познанія,
Ихъ ловкость мудрена...
Дѣйствительно, Германія
Ученая страна!
(Захочешь продолженія
Описанныхъ чудесъ —
Ступай на представленіе
Прославленныхъ піесъ).

VII.

Придетъ охота страстная
За чтеніе засѣсть —

На то у насъ прекрасная
Литература есть.
Цѣпями съ модой скованный,
Измѣнчивъ человѣкъ —
Насталъ *иллюстрированный*
Въ литературѣ вѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ шутка съ «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книгъ съ политипажами
Въ столицѣ развелась.
Увидишь тутъ Суворова
(Извѣстный былъ герой),
Исторію котораго
Состряпалъ Полевой.
Одѣтаго какъ барина,
Во всей его красѣ,
Увидишь тутъ Булгарина
Въ бекешѣ, въ картузѣ.
Различныхъ тутъ по званію
Увидишь ты гулякъ
И цѣлую компанію
Салопницъ и бродягъ.
Рисунки чудно слажены,
Въ нихъ каждый штрихъ хорошъ;
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славныя, —
Бумага такъ бѣла, —
Но часто презабавныя
Выходятъ тутъ дѣла.
Чѣмъ книга нашпигована, —
Постигнуть нѣтъ ума:
Въ ней все иллюминовано,

А въ текстѣ — мракъ и тьма!
Въ рисункахъ отличаются
Клодтъ, Тиммъ и Нетельгорстъ.
Всѣ ими восхищаются...
Художественный пёрстъ!

VIII.

Когда бѣда случилася,
И хочешь, чтобъ въ груди
Веселье пробудилося, —
Въ Большой театръ иди.
Тамъ ножки разлетаются,
Такъ зала тамъ блеститъ,
Такъ платья развѣваются, —
Величественный видъ!..
Охъ!.. много съ трубкой зрительной
Тутъ можно увидать!
Ее бы «подозрительной»
Приличнѣй называть.
Недавно тамъ поставили
Чудесную «Жизель»,
И въ ней плясать заставили
Пріѣзжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виватъ, дѣвица Гранъ!
Въ партерѣ всѣ рѣшительно
Кричали: *«се шарманъ!»*
Во мнѣ зажглася зà-ново
Поэзіей душа...
А, впрочемъ, Андреянова
Тутъ тоже хороша!

IX.

Въ душѣ моей остылую,
Лишенную всѣхъ силъ,
«Русланомъ и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудилъ.
Поэма музыкальная
Исполнена красотъ,
Но самое печальное
Либретто: уши рветъ!
Отмѣнно мнѣ понравилась
Полкана голова:
Едва въ театръ уставилась
И горломъ здорова!
Искусно всѣмъ украшена —
Отъ глазъ и до усовъ.
Какъ слышалъ я, посажено
Въ ней нѣсколько пѣвцовъ —
(Должно быть, для политики,
Чтобъ пѣть ея слова);
Не скажутъ тутъ и критики:
«Пустая голова...»

X.

Извелъ бы десть бумаги я,
Чтобъ только описать,
Какую Боско магію
Умѣетъ представлять.
Ломалъ онъ вещи цѣлыя
На мелкіе куски,
Вставлялъ середки бѣлыя

Въ пунцовые платки,
Богъ-вѣсть куда забрасывалъ
И кольца и перстни,
И такъ смѣшно разсказывалъ,
Гдѣ явятся они.
Ну, словомъ: Боско рублики,
Какъ фокусникъ и враль,
Выманивалъ у публики
Такъ *ловко*, что не жаль!

XI.

Взамѣнъ его пріѣхали
Цыганы изъ Москвы, —
Скажите, не потѣха ли?..
Не знаю, какъ-то вы,
А я, когда ихъ слушаю,
Дыханье затая,
Чуть самъ невольно съ *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Разъ собственной персоною,
Забывъ лѣта и классъ,
Я съ пляшущей *Матреною*
Пустился было въ плясъ.

XII.

Проѣхавъ мимо нашего
Гостинаго двора,
Я чуть, задѣтый заживо,
Не закричалъ: «ура!»
Бывало, день колотишься
На службѣ такъ и сякъ,

А чуть домой воротишься,
Поѣшь — и день изсякъ:
Нѣтъ входа въ лавки русскія!
Берешь жену и дочь
И ѣдешь во французскія, —
Гдѣ грабятъ день и ночь.
Теперь — о, восхищеніе
Для сердца и для глазъ! —
Въ Гостиномъ освѣщеніе:
Проводятъ въ лавки газъ!
Ликуй все человѣчество!
Рѣшилось, въ пользу дамъ,
Россійское купечество
Сидѣть по вечерамъ. —
И газъ распространяется
Скорёхонько съ тѣхъ поръ:
Ну, точно, просвѣщается
У насъ Гостиный дворъ!

———

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здѣсь первая глава...

ГЛАВА II.

Нѣтъ счастья подъ луной.—Романсъ.—Безъ трехъ въ червяхъ.—Страшный обѣтъ.—Путешествіе въ департаментъ.—Свѣтлое Воскресеніе.—Патріархальная жизнь.—Великій постъ.—Петербургскія новости.—Рубини.—Его концерты.—Оперы: Отелло, Лючія и пр.—Листъ.—Конское ристалище Сулье.—Арабы.—Скачущія мамзели.—Нѣкоторыя любопытныя и достовѣрныя извѣстія о китѣ.—О погодѣ.—О печальномъ расположеніи духа, въ которомъ находится г-нъ Бѣлопяткинъ, и о причинахъ того.—Звѣздочка.—Банкъ.—Путешествіе по Невскому проспекту въ двѣнадцатомъ часу ночи.—Предсмертный пріютъ.—Биліардъ.—Заключеніе.—Читатели.—Критики.—Баронъ Брамбеусъ, комета и г-нъ Бѣлопяткинъ.

I.

. . . .
. . . .
Недаромъ люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую ихъ ропоту
Растерзанной душой,
Я самъ узналъ по опыту —
Нѣтъ счастья подъ луной!
Какой предосторожности
Въ поступкахъ ни держись,
Формально нѣтъ возможности
Отъ жребія спастись.
Будь бариномъ по сословію,
Приказчикъ, землемѣръ,
Заставятъ плакать кровію —
Я самъ тому примѣръ!

II.

Надняхъ у экзекутора,
Чтобъ скуку разогнать,

Рублишка по полутора
Засѣли мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферансъ,
Вдругъ въ залѣ поэтическій
Послышался романсъ;
Согрѣтъ одушевленіемъ,
Былъ голосъ такъ хорошъ,
Я слушалъ съ восхищеніемъ,
Забылъ весь міръ... и что̀ жъ?
Ошибкою малѣйшею
Застигнутый врасплохъ,
Въ червяхъ игру сквернѣйшую
Сыгралъ — и былъ безъ трехъ!
Хотя въ душѣ нотацію
Себѣ я прочиталъ,
Но тутъ же консоляцію
Сосѣдъ съ меня взыскалъ
Другіе два пріятеля
Огромные кресты
На бѣднаго мечтателя
Черкнули за висты.
Въ тотъ вечеръ ужъ малинника
Въ глаза я не видалъ:
Сто тридцать два полтинника
Съ походомъ проигралъ!..
Охъ, пылкія движенія
Чувствительной души!
Отъ васъ мнѣ нѣтъ спасенія,
Въ убытокъ — барыши!
Пропѣтый восхитительно,
Сгубилъ меня романсъ,
Впередъ играть рѣшительно,

Не буду въ преферансъ!
Пусть съ нимъ кто хочетъ водится,
Я — правилами строгъ!
Въ немъ взятки брать приходится! —
Избави меня Богъ!
Занятьемъ этимъ втянешься,
Пожалуй, въ грѣхъ такой,
Что, чортъ возьми! останешься
По службѣ безъ одной!

III.

Го ль дѣло, какъ ранехонько
Пробудишься, зѣвнешь —
На цыпочкахъ, тихохонько
Изъ спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себѣ храпитъ),
Побрѣешься рачительно,
Приличный примешь видъ;
Смиривъ свою амбицію,
За лѣностью слуги,
Почистишь амуницію
И даже сапоги.
Жилетку и такъ далѣе
Надѣнешь, застегнешь,
Прицѣпишь всѣ регаліи,
Стаканъ чайку хлебнешь!
Дѣла, какія бъ ни были,
Захватишь и, какъ мышь,
Согнувшись въ три-погибели,
На службу побѣжишь...
Начальнику почтеніе,

Товарищамъ поклонъ
И вмигъ за отношеніе —
Ничѣмъ не развлеченъ!
Молчанія степеннаго
День цѣлый не прервешь,
Лишь кстати подчиненнаго
Прилично распечешь,
Да развѣ снисходительно
Подшутитъ генералъ.
Тогда мы всѣ рѣшительно
Хохотемъ на-поралъ!
(Ужъ такъ издавна водится,
Да такъ и должно быть:
Намъ, право, не приходится
Предъ старшими мудрить!)
Его превосходительство —
Добрѣйшій генералъ,
Онъ много покровительства
Мнѣ въ службѣ оказалъ...

IV.

Я съ часъ предъ умывальникомъ
Мучительный провелъ,
Когда съ своимъ начальникомъ
Христосоваться шелъ;
Умылся такъ рачительно,
Чуть кожу не содралъ;
Зато какъ снисходительно
Меня онъ лобызалъ!
Далъ слово мной заботиться,
Жалъ руку горячо,
А я его, какъ водится,

И въ брюхо, и въ плечо!
Вотъ жизнь патріархальная,
Вотъ служба безъ химеръ.
О юность либеральная!
Бери съ меня примѣръ!..

V.

Я въ постъ, какъ бы на станціи
Задержанный, скучалъ,
Да, къ счастію, изъ Франціи
Рубини прискакалъ.
Отъ чувства безотчетнаго
Вдругъ всякій присмирѣлъ,
Какъ въ залѣ Благороднаго
Собранья онъ запѣлъ.
На голову курчавую,
Во всѣхъ концахъ земли
Увѣнчанную славою,
Всѣ взоры навели
И звуки изумрудные
Впивали жадно въ грудь.
То были звуки чудные:
Онъ пѣлъ не какъ-нибудь!
Высокое художество
И выразить нѣтъ словъ!
Я слышалъ въ жизни множество
Отличнѣйшихъ пѣвцовъ —
Съѣзжаются на старости
Сюда со всѣхъ сторонъ,
Ревутъ, какъ волки въ ярости,
А все не то, что онъ!
Начнетъ въ четыре голоса,

Зальется какъ рѣка,
А кончитъ тоньше волоса,
Нѣжнѣе вѣтерка.
По свѣту благородному
Объ немъ недаромъ гулъ:
Мнѣ даже, титулярному,
Онъ сердце шевельнулъ!

VI.

Идешь ли въ канцелярію,
Уходишь ли отъ дѣлъ,
Поешь невольно арію,
Которую онъ пѣлъ.
Выходитъ безтолковица,
А думаешь, что такъ:
Другой пріостановится
И скажетъ: «Вотъ дуракъ!»
Отелло, мавра дикаго,
Такъ чудно онъ сыгралъ,
Что имъ однимъ великаго
Названіе стяжалъ!
Когда игралась *Лючія*,
Я пролилъ рѣки слезъ:
На верхъ благополучія
Пѣвецъ меня вознесъ.

VII.

(Какъ все по службѣ сдѣлаю, —
Нарочно поспѣшу, —
О Листѣ книгу цѣлую
Тогда вамъ напишу)

VIII.

Какъ всѣ, страстей игралище,
Покинувъ кучу дѣлъ,
На конское ристалище
Намедни я смотрѣлъ.
Шталмейстера турецкаго
Заслуга велика:
Верхомъ онъ молодецкаго
Танцуетъ трепака.
Арабы взоры радуютъ
Отважностью своей,
Изрядно также падаютъ
Мамзели съ лошадей.
Ристалище пространное
По новости своей,
А, впрочемъ, балаганныя
Ихъ шутки веселѣй.
Начальникъ представленія
Сулье, красивъ и прямъ,
Приводитъ въ восхищеніе
Въ особенности дамъ.
Донынѣ свѣтъ штукмейстера
Такого не видалъ:
Достоинство шталмейстера
Недаромъ онъ стяжалъ!

IX.

Прилежно я окидывалъ
Заморскаго кита:
Не мало въ жизни видывалъ

Я разнаго скота,
Но страшнаго, по совѣсти,
Такого не видалъ, —
Однажды только въ повѣсти
Брамбеуса читалъ.
Такой звѣрокъ — сокровище!
Аршиновъ сто длина,
Усищи у чудовища
Какъ будто два бревна,
Хвостъ длинный удивительно,
Башка — что̀ цѣлый домъ;
Возможно все рѣшительно
Въ немъ дѣлать и на немъ:
Плясать безъ затрудненія
На брюхѣ контрадансъ,
А въ брюхѣ безъ стѣсненія
Сражаться въ преферансъ!
Столь грузное животное
Къ намъ трудно было ввезть;
Зато весьма доходное,
Да и не проситъ ѣсть.
Дерутъ за разсмотрѣніе
Полтинникъ, четвертакъ,
А взглянешь — наслажденіе
Почувствуешь въ пятакъ!

X.

Вотъ май... Всѣ разъѣзжаются
По дачамъ отдохнуть...
Больные собираются
Къ водамъ, въ далекій путь.
Лишь я одинъ, тревогою

Измученный, грущу,
Душевныхъ ранъ не трогаю
И сердца не лечу.
Извѣдалъ ужъ не мало я
Житейской суеты...
Ахъ, молодость удàлая!
Куда исчезла ты?
Бывало, лѣто красное
Мнѣ счастіе несло:
На сердцѣ радость ясная,
Безоблачно чело!
Свѣтила мнѣ незримая
Звѣзда издалека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась, какъ рѣка.
Тогда за что̀ ни схватишься —
Все съ жаромъ; хоть порой
И дорого поплатишься,
Зато живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь кушъ,
Дадутъ — не отгибаешься,
Какъ будто триста душъ!
Не мысля о погибели,
Радъ самъ себя на *пе*,
Согнувши въ три-погибели,
Пустить, на-зло судьбѣ.
До-тла пропонтируешься,
Повѣся носъ уйдешь,
На всѣхъ день цѣлый дуешься,
А тамъ — опять за то жъ.
Бывало, за хорошенькой
Верстъ десять пробѣжишь,

Пристукиваешь ноженькой
Да въ уши ей жужжись:
«Куда идти изволите,
Куда вы, ангелъ мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поѣдемте со мной!..»
Теперь... увы! — безжизненно
На цѣлый міръ глядишь,
Живешь безукоризненно,
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзію,
И карты, и дебошъ,
Поутру ѣшь магнезію,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдутъ на разумъ граціи...

XI.

Кончаю, скроменъ, тихъ,
У Лерхе въ ресторацiи
Остатокъ дней моихъ:
Изъ службы въ билліардную
Прямёхонько иду, —
Игру тамъ не азартную,
Но скромную веду.
Тамъ члены все отличные:
Хохочутъ и острятъ,
Исторіи различныя
Другъ другу говорятъ.
Никто тамъ не заносится,
Играемъ чередой,
И геній Тюри носится
Надъ каждой головой...

XII.

Здѣсь будетъ заключеніе
Второй моей главы.
Итакъ, мое почтеніе,
Читатель добрый. Вы —
Цѣнитель снисходительный,
Я знаю васъ давно.
А, впрочемъ, мнѣ рѣшительно,
Повѣрьте, все равно:
За опыты въ піитикѣ
Я не прошу похвалъ —
Пускай иные критики
Отхлещутъ на-поваль,
Ей-Богу, не посѣтую!
Свое я получилъ:
Брамбеусъ самъ съ кометою
За умъ меня сравнилъ.

ГЛАВА III.

(Безъ оглавленія. 1845).

Мотивы итальянскіе
Мнѣ не даютъ заснуть,
И страсти африканскія
Волнуютъ кровь и грудь:
Все грезятся балкончики,
И искры черныхъ глазъ
Сверкаютъ, какъ червончики,
Въ день по сту тысячъ разъ

Отбою нѣтъ отъ думушки:
Эхъ! жизнь моя!.. увы!..
Зачѣмъ женили, кумушки,
Меня такъ рано вы?
На свѣтѣ много водится
Красавицъ — и какихъ!
А намъ любить приходится
Курносыхъ и рябыхъ.
Что за красотка «Боржія»!..
Мѣнялся весь въ лицѣ
И даже (не топоръ же я!)
Заплакалъ при концѣ;
Во всемъ талантъ, гармонія...
Видалъ не много лицъ
Такихъ, какъ у Альбони, я —
Пѣвица изъ пѣвицъ,
Въ умѣ производящая
Содомъ и кутерьму,
Такъ много говорящая
И сердцу, и уму:
Высокая и бѣлая,
Красива и ловка,
И ужъ заматорѣлая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишніе
Замѣтны въ ней души,
И верхнія, и нижнія —
Всѣ ноты хороши!..

Чтобъ только пѣть, какъ Гарція,
И удивлять весь свѣтъ —
Не пожалѣлъ бы гарнца я
Серебряныхъ монетъ.

На мигъ заботы вѣчныя
Смолкаютъ, не томятъ,
И струны всѣ сердечныя
Въ груди дрожатъ, звучатъ —
Звучатъ въ отвѣтъ чудесницѣ.
Могуча и легка,
Душа какъ бы по лѣстницѣ
Восходитъ въ облака.
А міра треволненія —
Служебный весь содомъ,
Начальникъ отдѣленія
Съ запуганнымъ лицомъ,
Скучнѣйшія нотаціи
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнаціи
И самые чины —
Все въ мелочь и ничтожество
Тотчасъ обращено, —
Чего бы ужъ художество
И дѣлать не должно!
Подобныя влеченія
Въ невѣдомый предѣлъ
Ввергаютъ въ упущенія
Житейскихъ нашихъ дѣлъ.
Отъ итальянской аріи,
Исполненной красотъ,
Къ занятьямъ канцеляріи
Труднененъ переходъ;
Спокойствіе смѣняется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности

Во-время стоитъ взять, —
Какъ не найти возможности
Всему противостать?
На то и волю твердую
Далъ человѣку Богъ,
Чтобъ кстати душу гордую
Воздерживать онъ могъ...
Вотъ мнѣ ничто рѣшительно
Не помѣшаетъ спать,
Ни счетъ вести рачительно,
Ни даже... взятки брать —
(Не то, чтобы съ просителей,
А въ картахъ... что̀ сорвешь
Съ столичныхъ нашихъ жителей?
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюся,
Что Гарціей порой
Такъ сильно восхищаюся,
Что слезы лью рѣкой.
Растрогаетъ татарина!
Такъ хорошо поетъ,
Что даже у Фиглярина
Ругательствъ не стаетъ;
Глаза большіе, черные,
И столько въ нихъ огня...
Жаль — силы стихотворныя
Слабеньки у меня;
А будь-ка краснорѣчіе!..
Но про меня и такъ
Трубитъ давно злорѣчіе,
Что будто я дуракъ.
Молчу! Гдѣ намъ подобные
Предметы воспѣвать·

Мы дураки, способные
Взятчонки только брать!
Надъ нами сочинители
Смѣются въ повѣстяхъ...
А чѣмъ мы ихъ обидѣли?
Будь я въ большихъ чинахъ,
Тотчасъ благоразуміе
Внушилъ бы имъ, ей-ей!
Давай намъ остроуміе,
Но трогать насъ не смѣй!
Чѣмъ хуже я профессора,
Художника, врача!
Коллежскаго асессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую;
Небезъизвѣстно вамъ,
Что я давно участвую
Въ литературѣ самъ;
Но никогда рѣшительно
(И Богъ храни впередъ!)
Не нападалъ презрительно
Я на простой народъ!
Безъ вздоровъ сатирическихъ
Идетъ лишь Полевой
Въ піесахъ драматическихъ
Дорогою прямой —
Въ насъ страсти благородныя
Умѣетъ возбуждать
И, лица взявъ почетныя,
Умѣетъ уважать;
Всѣмъ похвалы горячія,
Почтенье... а писцы
И мелкіе подъячіе —

Глупцы и подлецы,
Съ уродливыми рожами...
И тутъ ошибки нѣтъ
(Не все же вѣдь хорошими
Людьми наполненъ свѣтъ)...

ЧИНОВНИКЪ.

Какъ человѣкъ разумной середины,
Онъ многаго въ сей жизни не желалъ:
Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины
И чихиремъ обѣдъ свой запивалъ.
У Кинчерфа *) заказывалъ одежду
И съ давнихъ поръ (простительная страсть)
Питалъ въ душѣ далекую надежду
Въ коллежскіе асессоры попасть, —
Затѣмъ что былъ онъ крови не боярской
И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь
Дѣтей его породой семинарской
Осмѣлился надменно попрекнуть.
Былъ съ виду простъ, держалъ себя сутуло,
Смиренно все судьбѣ предоставлялъ;
Предъ старшими подскакивалъ со стула
И въ робость безотчетную впадалъ,
Съ начальникомъ ни по какимъ причинамъ,
Гдѣ бъ ни было, не вмѣшивался въ споръ,
И было въ немъ все соразмѣрно съ чиномъ —
Походка, взглядъ, усмѣшка, разговоръ.

---

*) Тогдашній портной средней руки.

Внимательнымъ, уступчиво-смиреннымъ
Былъ при родныхъ, при тёщѣ, при женѣ,
Но поддержать умѣлъ предъ подчиненнымъ
Достоинство чиновника вполнѣ;
Могъ и распечь при случаѣ (распечь-то
Мы, впрочемъ, всѣ большіе мастера),
Имѣлъ даже значительное нѣчто
Въ бровяхъ...

Теперь тяжелая пора!
Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ пытливостью разсудка
Тревожно-безпокойнаго — нашъ вѣкъ
Задерживать развитіе желудка,
Уже не тотъ и русскій человѣкъ.
Выводятся раскормленныя туши,
Какъ ни ѣдимъ геройски, какъ ни пьемъ,
И хоть теперь мы также бьемъ баклуши,
Но въ толщину отъ нихъ уже нейдемъ.
И въ наши дни, читаталь мой любезный,
Лишь гдѣ-нибудь въ коснѣюшей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вмѣстилище души.

Но мой герой — хоть онъ и шелъ за вѣкомъ —
Больныхъ вліяній вѣка избѣжалъ
И былъ такимъ, какъ должно, человѣкомъ:
Ни тощъ, ни толстъ. Торжественно лежалъ
Мясистый двухъэтажный подбородокъ
Въ воротничкахъ, — но промежутокъ былъ
Межъ головой и грудью такъ коротокъ,
Что параличъ — увы! — ему грозилъ.
Спина была — ужъ сказано — горбата
И на ногахъ (шепну вамъ на ушко —

Кривыхъ немножко — нянька виновата!)
Качалося солидное брюшко...
Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,
Но нищимъ иногда давалъ гроши
И называлъ святую добродѣтель
Первѣйшимъ украшеніемъ души.
О ней твердилъ въ семействѣ безпрерывно,
Но не во всемъ ей слѣдовалъ подчасъ
И извинялъ грѣшки свои наивно
Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.

По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
И не бывалъ за взятки подъ судомъ,
Но (на жену, какъ водится) въ Галерной
Купилъ давно пятиэтажный домъ.
И радовалъ родительскую душу
Сей прочный домъ — спокойствія залогъ,
И на Ѳому, Ванюшу и Ѳеклушу
Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрѣть не могъ.

Видъ нищеты, разительнаго блеска
Смущалъ его — приличье онъ любилъ.
Отъ всякихъ словъ, произносимыхъ рѣзко
Онъ вздрагивалъ и тотчасъ уходилъ.
Къ писателямъ враждой — не безпричинной —
Пылалъ... блѣднѣлъ и тряся, самъ не свой,
Когда изъ нихъ какой-нибудь безчинный
Ласкаемъ былъ чиновною рукой.
За лишнее считалъ ихъ въ мірѣ бремя,
Звалъ книги побасенками: «Читать
Не то ли же, что праздно тратить время?
А праздность всѣхъ пороковъ нашихъ мать»,—
Такъ говорилъ ко благу подчиненныхъ

(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изо всѣхъ открытій современныхъ
Зналъ только *консоляцію*...

Пора
Мнѣ вамъ сказать, что, какъ чиновникъ дѣльный
И совершенно русскій человѣкъ,
Онъ зараженъ былъ страстью той смертельно,
Которой всѣ заражены въ нашъ вѣкъ,
Которая пустить успѣла корни
Въ обширномъ русскомъ царствѣ глубоко,
Съ тѣхъ поръ, какъ вистъ въ потѣху нашей дворни
Мы отдали... «Пріятно и легко
Бѣгутъ часы за преферансомъ; право,
Кто выдумалъ — былъ малый съ головой!»
Такъ иногда, прищурившись лукаво,
Говаривалъ почтенный нашъ герой.
И выше онъ не вѣдалъ наслажденій...
Какъ онъ игралъ?.. Серьезная статья!
Рѣшить вопросъ сумѣлъ бы развѣ геній,
Но, такъ и быть, попробую и я.
Когда обѣдъ оканчивался чинный,
Крестясь, гостямъ хозяинъ руки жалъ
И, приказавъ поставить столъ въ гостиной,
Съ улыбкой добродушной замѣчалъ:
«Чтò, господа, сразиться бы недурно?
Жизнь коротка, а намъ не десять лѣтъ!»
Надъ нимъ неслось тогда дыханье бурно
И — вдохновенъ — онъ забывалъ весь свѣтъ, —
Жену, дѣтей; единой преданъ страсти,
Молчалъ, какъ жрецъ, бровями шевеля,
И для него тогда въ четыре масти
Сливалось все — и небо, и земля!

Внѣ картъ не зналъ, не слышалъ и не видѣлъ
Онъ ничего, — но помнилъ каждый призъ...
Прижимистыхъ и робкихъ ненавидѣлъ,
Но къ храбрецамъ, готовымъ на ремизъ,
Исполненъ былъ глубокаго почтенья.
При трехъ тузахъ, при дамѣ самъ-четвертъ
Козырной — въ вистъ ходилъ безъ опасенья.
Въ несчастьѣ былъ, какъ многіе, нетвердъ, —
Ощипанной подобенъ куропаткѣ,
Угрюмъ, сердитъ, ворчалъ, повѣся носъ,
А въ счастіи любилъ при каждой взяткѣ
Пристукивать и говорилъ: «а что-съ?»
Острилъ, какъ всѣ острятъ или острили,
И замѣчалъ при выходѣ съ бубенъ:
«Ну, Петръ Кузьмичъ! недаромъ вы служили
Пятнадцать лѣтъ — вы знаете законъ!»
Валетовъ, дамъ красивыхъ, но холодныхъ,
Пушилъ слегка, какъ всѣ; но никогда
Насчетъ тузовъ и прочихъ картъ почетныхъ
Не говорилъ ни слова...

Господа!
Быть можетъ, здѣсь надменно вы зѣвнете,
И повѣсть благонравную мою
Въ подробностяхъ излишнихъ упрекнете...
Отвѣтъ готовъ: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тѣшитъ, и чаруетъ,
Что наши дни — какъ средніе вѣка
Крестовые походы — знаменуетъ,
Чѣмъ наша жизнь полна и глубока
(Я не шучу — смотрите въ оба глаза) —
Чѣмъ отъ «Москвы родной» до Иртыша,

От «финскихъ скалъ» до «грознаго Кавказа»
Волнуется славянская душа!..

Притомъ, я самъ страсть эту уважаю, —
Я ею самъ восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеровъ безъ картъ я не терплю
И, гдѣ ихъ нѣтъ, постыдно засыпаю...

Что жъ дѣлать намъ?.. Блаженные отцы
И дѣды наши пировать любили,
Весной садили лукъ да огурцы,
Волковъ и зайцевъ осенью травили,
Ихъ увлекалъ, ихъ страсти шевелилъ
Паратый песъ, статистый иноходецъ,
Ихъ за столомъ и трогалъ и смѣшилъ
Какой-нибудь наряженный уродецъ.
Они сидѣть любили за столомъ
И было имъ и любо и доступно
Перепивать другъ друга, и потомъ,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдругъ утихать и засыпать рядкомъ.
Но мы забавъ отцовъ не понимаемъ
(Хоть мало — все-жъ мы ихъ переросли),
Что дѣлать намъ?.. Играть!.. И мы играемъ,
И благо, что занятіе нашли —
Сидѣть грѣшно и вредно сложа руки...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
Въ театръ Александринскій, ради скуки,
Являлся нашъ почтеннѣйшій герой.
Удвоенной цѣной за бенефисы
Отечественный геній поощрялъ

Но званіе актера и актрисы
Постыднымъ по преданію считалъ.
Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
Гдѣ при концѣ карается порокъ...
И, слушая скоромные куплеты,
Толкалъ жену легонько подъ бочокъ.

Любилъ шепнуть въ антрактѣ полной дамѣ —
(Всему научитъ хитрый Петербургъ) —
Что страсти и движенье нужны въ драмѣ
И что Шекспиръ — великій драматургъ. —
Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣренъ
И черезъ часъ другое подтверждалъ.
По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ
Онъ прочее другимъ предоставлялъ
Зато, когда являлася сатира,
Гдѣ авторъ — тунеядецъ и нахалъ
Честь общества и украшенье міра,
Чиновниковъ за взятки порицалъ,
Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,
Дивился, какъ допущена въ печать,
И какъ благонамѣренные люди
Не совѣстятся видѣть и читать.
Съ досады пилъ (сильна была досада!)
Въ удвоенномъ количествѣ чихирь
И говорилъ, что авторовъ бы надо
За дерзости подобныя — въ Сибирь!

ОТРЫВОКЪ.

Родился я въ губерніи
Далекой и степной
И рано встрѣтилъ терніи
Въ юдоли сей земной.
Мнѣ будущность счастливую
Отецъ приготовлялъ,
Но жизнь трудолюбивую
Самъ въ бѣдности скончалъ!
Немытый, неприглаженный,
Бѣжалъ я босикомъ,
Какъ въ церковь гробъ некрашенный
Везли большимъ селомъ;
Я слезы непритворныя
Руками утиралъ
И волосенки черные
Мнѣ вѣтеръ развѣвалъ...
Запомнилъ я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, какъ шепталися,
Какъ въ церковь гробъ несли,
Какъ съ мертвымъ цѣловалися,
Какъ бросили земли,
Какъ сами мы лопатушкой
Сравняли бугорокъ...
Намъ дядя съ бѣдной матушкой
Далъ въ домѣ уголокъ.
Къ настойкѣ страсть великую

Сей человѣкъ питалъ,
Имѣлъ наружность дикую
И мнѣ не потакалъ...
Онъ часто, какъ страшилище,
Пугалъ меня собой
И порѣшилъ въ училище
Отправить съ рукъ долой.
Мать плакала, томилася,
Не ѣла по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня,
Пѣшкомъ идти до Кіева
Хотѣла, но слегла
И съ просьбой: «не губи его!»
Въ могилу перешла.
Миръ праху добродѣтельной!
Старикъ потосковалъ;
Но тщетно благодѣтельной
Я перемѣны ждалъ:
Не измѣнилъ рѣшенія!
Изрядно кулакнулъ,
Далъ мнѣ благословеніе,
Полтинникъ въ руку ткнулъ,
Влѣпилъ съ нѣмымъ рыданіемъ
Въ уста мнѣ поцѣлуй:
«Учися съ прилежаніемъ,
Не шляйся! не балуй!»
Сердечно, наставительно
Сказалъ послѣдній разъ,
Махнулъ рукой рѣшительно —
И кляча поплелась...

—o—

НОВОСТИ.

(Газетный фельетон).

Почтеннѣйшая публика! надняхъ
Случилося въ столицѣ нашей чудо:
Остался нѣкто безъ пяти въ червяхъ,
Хоть — знаютъ всѣ — играетъ онъ не худо
О томъ твердитъ теперь весь Петербургъ.
«Событіе внѣ всякаго другого!» —
Трагедію какой-то драматургъ,
На пользу поколѣнья молодого,
Сбирается состряпать изъ него...
Разумный трудъ! Заслуги, удальство
Похвально пѣть; но все же не мѣшаетъ
Порою и сознаніе грѣховъ,
Затѣмъ что прегрѣшеніе отцовъ
Для ихъ дѣтей спасительно бываетъ.
Притомъ, для насъ не стыдно и легко
Въ ошибкахъ сознаваться — ихъ немного,
А доблестей — какъ милостей у Бога!
Изъ чернаго французскаго трико
Жилеты, шелкомъ шитые, недавно
Вошли въ большую моду: въ самомъ дѣлѣ славно!
Почтенный мужъ шестидесяти лѣтъ
Женился на дѣвицѣ въ девятнадцать;
(Надняхъ у нихъ парадный былъ обѣдъ, —
Не могъ я, къ сожалѣнью, отказаться);
Немножко было грустно. Взоръ ея
Сверкалъ, казалось, скрытыми слезами
И будто что-то спрашивалъ. Но я
Отвыкъ, къ несчастью, тѣшиться мечтами.

И мнѣ ея не жалко. Этотъ взоръ
Унылый, длинный, этотъ вздохъ глубокій —
Кому они? — Любовникъ и танцоръ,
Гремящій саблей, статный и высокій —
Таковъ былъ пансіонскій идеалъ
Моей дѣвицы... Что жъ! распорядился
Иначе случай...

Маскарадъ и балъ
Въ собраньѣ былъ и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады: въ нихъ,
Не говоря о прелестяхъ другихъ,
Образчикъ жизни петербургско-русской,
Такъ ловко передѣланной съ французской.
Уныло мы проходимъ жизни путь;
Могло бы насъ будить одно — искусство,
Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
Изъ глубины поднявшееся чувство,
Затѣмъ что наши русскіе пѣвцы
Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы;
Затѣмъ что наши русскіе мотивы,
Какъ наша жизнь, и бѣдны, и сонливы,
И тяжело однообразье ихъ,
Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ

О, скученъ день и дологъ вечеръ нашъ!
Однообразны мѣсяцы и годы:
Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вотъ наша жизнь. Ея постылый шумъ
Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ,
И въ дѣйствіи пустомъ кипящій умъ
Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;

И свыкшись съ положенiемъ такимъ,
Другого мы какъ будто не хотимъ,
Возможность исключенiй отвергаемъ
И словно по профессiи зѣваемъ...
Но — скучны отступленiя!

Чудакъ,
Знакомый мнѣ, въ прошедшую субботу
Сошелъ съ ума... А былъ онъ не дуракъ
И тысячъ сто въ годъ получалъ доходу;
Спокойно жилъ, доволенъ и здоровъ,
Но обошли его по службѣ чиномъ;
И вдругъ, унылъ, задумчивъ и суровъ,
Онъ сталъ страдать славяно-русскимъ сплиномъ,
И, наконецъ, въ одинъ прекрасный день,
Тайкомъ отъ всѣхъ, одѣвшись на-изнанку
Въ отличiя, несвойственныя рангу,
Пошелъ бродить по улицамъ, какъ тѣнь,
Да и пропалъ. Нашли на третьи сутки,
Когда сынкомъ какой-то важной утки
Ужъ онъ себя въ припадкахъ величалъ
И въ совершенствѣ кошкою кричалъ,
Стараясь всѣхъ увѣрить въ то же время,
Что чинъ большой есть тягостное бремя.
И служитъ онъ, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

Исторiя другая, въ томъ же родѣ,
Съ однимъ примѣрнымъ юношей была:
Женился онъ для денегъ на уродѣ,
Она — для денегъ за него пошла,
И что̀ жъ? — о срамъ! о горе: — *оказалось*,
Что имъ обоимъ *только показалось*:

Она была какъ нищая бѣдна,
И бѣденъ былъ онъ такъ же, какъ она.
Не вынесъ онъ нежданнаго удара
И впалъ въ хандру, въ чахоткѣ слегъ въ постель,
И не прожить ему пяти недѣль.
А нѣжный тесть, неравнодушно глядя
На муки завербованнаго зятя
И положенье дочери родной,
Винитъ во всемъ «натуришку гнилую»
И думаетъ: «Для дочери другой
Я женишка покрѣпче завербую».

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бѣжала гувернантка — ищетъ новой.
О томъ и о другомъ извѣщена
Столица чрезъ извѣстную газету;
Явилась тотчасъ разныхъ свойствъ и лѣтъ
Тьма гувернантокъ, а собаки нѣтъ.

Почтенный и любимый господинъ,
Прославившiйся емкостью желудка,
Безмѣрнымъ истребленьемъ всякихъ винъ
И изступленной тупостью разсудка,
Объѣлся и скончался... Былъ надняхъ
Весь городъ на его похоронахъ.
О доблестяхъ покойника, рыдая,
Какой-то другъ три рѣчи произнесъ,
И было много толковъ, много слезъ,
Потомъ была пирушка — и большая!
На голову обжоры не похожъ,
Былъ полонъ погребъ дорогихъ бутылокъ,
И длился до заутрени кутежъ...

При дребезгѣ ножей, бокаловъ, вилокъ,
Припоминали добрыя дѣла
Покойника, хоть ихъ, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь донынѣ сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой —
Вѣдь мертвый намъ не можетъ сдѣлать зла!
Считается напомнить неприличнымъ,
Что тамъ-то онъ ограбилъ сироту,
А вотъ тогда-то пойманъ былъ съ поличнымъ;
Зато добра малѣйшую черту
Тотчасъ съ большой горячностью подхватятъ
И разовьютъ такъ, истинно скорбя,
Какъ будто тѣмъ скончавшемуся платятъ
За то, что ихъ избавилъ отъ себя!
Поговоривъ — нечаянно напьются,
Напившися — слезами обольются
И въ эпитафіи напишутъ: «Человѣкъ
Онъ былъ такой, какіе нынѣ рѣдки!»
И такъ у насъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И съ нами такъ поступятъ наши дѣтки...

Литературный вечеръ былъ; на немъ
Происходило чтенье. Важно, чинно
Сидѣли сочинители кружкомъ
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потомъ
Одинъ весьма достойный сочинитель
Тетрадицу поспѣшно развернулъ,
И три часа — о извергъ, о мучитель! —
Читалъ, читалъ и — даже самъ зѣвнулъ,
Не говоря о жертвахъ благосклонныхъ,
Съ четвертой же страницы усыпленныхъ.

Ихъ разбудилъ восторженный поэтъ;
Онъ съ мѣста всталъ торжественно и строго—
Глаза горятъ, въ рукахъ тетради нѣтъ,
Но въ головѣ такъ много, много, много...
Рѣкой лились гремучіе стихи,
Руками онъ махалъ, какъ изступленный..
Слыхалъ я въ жизни много чепухи
И много дичи видѣлъ во вселенной,
А потому я не былъ удивленъ...
Цѣнителей толпа рукоплескала:
Младой поэтъ отвѣсилъ имъ поклонъ
И все прочелъ торжественно съ начала.
Затѣмъ какъ разъ и къ дѣлу приступить
Пришла пора. Къ несчастью, ѣсть и пить
Въ тотъ вечеръ я не чувствовалъ желанья
И вонъ ушелъ тихонько изъ собранья.
А пили долго, говорятъ, потомъ
И говорили горячо о томъ,
Что движемся мы быстро съ каждымъ часомъ,
И дурно, къ сожалѣнью, въ насъ одно,
Что небрежемъ отечественнымъ квасомъ
И любимъ иностранное вино.

На петербургскихъ барынь и дѣвицъ
Напалъ недугъ свирѣпый и великій;
Вскружился міръ чиновницъ полудикій
И міръ ручныхъ, но недоступныхъ львицъ.
Почто сіе на лицахъ всѣхъ забота?
Почто сей шумъ, волненіе умовъ?
Отъ Невскаго до Козьяго болота,
Отъ Козьяго болота до Песковъ,
Отъ пестрой и роскошной Милліонной
До Выборгской унылой стороны

Чѣмъ занятъ умъ мужей неугомонно?
Чѣмъ души женъ и дѣвъ потрясены?!
Всѣ женщины отъ пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи въ сорокъ лѣтъ,
До той, которую воспѣлъ поэтъ
(Его ужъ нѣтъ), — помѣшаны на полькѣ!
Предчувствіе явленія ея
Въ атмосферѣ носилося заранѣ.
Она теперь у всѣхъ на первомъ планѣ
И въ жизни нашей главная статья;
О ней и межъ великими мужами
Нерѣдко пренья, жаркій споръ кипитъ,
И старецъ, убѣленный сѣдинами,
О ней съ одушевленьемъ говоритъ!
Она въ одной сорочкѣ гонитъ съ ложа
Во тьмѣ ночной прелестныхъ нашихъ дѣвъ,
И дѣва пляшетъ, общій сонъ тревожа,
А горничная, барышню раздѣвъ,
Въ своей коморкѣ производитъ то же.
Достойнѣйшій сынъ вѣка своего,
Пустѣйшій франтъ, исполненъ гордой силой,
Ей преданъ безъ границъ, — и для него
Средины нѣтъ межъ полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятаго дѣла,
Какъ гладіаторъ въ древніе года,
Съ ней борется онъ ревностно и смѣло...
Когда бъ вы не были, читатель мой,
Аристократъ и побывать въ танцклассѣ
У Кессенихъ рѣшилися со мной,
Оттуда вы вернулись бы въ экстазѣ,
Съ утѣшенной и бодрою душой
О юношество милое! Тебя ли

За хилость и недвижность упрекнуть?
Не умерли въ тебѣ и не увяли
Младыя силы, не зачахла грудь,
И сила тамъ кипитъ твоя просторно,
Гдѣ все тебѣ по-сердцу и покорно,
И, гордое могуществомъ своимъ,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоимъ порывамъ, смѣлымъ и живымъ,
Такое нужно поприще — не болѣ,
И тратишь ты среди такихъ тревогъ
Души всю силу и всю силу ногъ...

* * *

Стишки! стишки! давно ль и я былъ геній?
Мечталъ... не спалъ... пописывалъ стишки?
О, вы — источникъ столькихъ наслажденій,
Мои литературные грѣшки!
Какъ дѣльно, какъ благоразумно-мило
На васъ я годы лучшіе убилъ!
Въ моей душѣ не много силы было,
А я и ту безплодно расточилъ!
Увы!.. стиховъ слагатели младые,
Съ кѣмъ я дѣлилъ и трудъ мой, и досугъ,
Вы, люди милые, поэты преплохіе,
Вамъ измѣнилъ вашъ недостойный другъ!..
И вы... какъ много васъ ужъ — слава Богу — сгибло...
Того хандра, того жена зашибла,
Тотъ самъ колотитъ бѣдную жену,
И спину гнетъ другой... А въ старину?
Какъ гордо мы на будущность смотрѣли!

Какъ ревностно бездѣйствовали мы!
«Избранники небесъ», мы пѣли, пѣли,
И пѣснями пересоздать умы,
Перевернуть дѣйствительность хотѣли,
И мнилось намъ, что трудъ нашъ — не пустой,
Не дѣтскій бредъ, что съ нами самъ Всевышній,
И близокъ часъ блаженно-роковой,
Когда нашъ трудъ благословитъ нашъ ближній!
А между тѣмъ дѣйствительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороковъ —
Смѣшонъ и дикъ былъ пѣтушиный бой
Непонимающихъ толпы пророковъ
Съ невнемлющей пророчествамъ толпой!
И «ближній нашъ» все тѣмъ же глазомъ видѣлъ,
Все такъ же близоруко понималъ,
Любилъ корыстно, пошло ненавидѣлъ,
Безславно и безсмысленно страдалъ;
Пустыхъ страстей пустой и праздный грохотъ
По-прежнему движенье замѣнялъ,
И не смолкалъ тотъ сатанинскій хохотъ,
Который въ сѣнь холодную могилъ
Отцовъ и дѣдовъ нашихъ проводилъ!..

* * *

Такъ, служба! Самъ ты въ той войнѣ
Дрался — тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами видывали штуки.
— Какъ затесался къ намъ французъ,

Да увидалъ, что проку мало,
Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ драло.
Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя щенками:
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рветъ волоса, — глядимъ да тужимъ!
Жаль стало: топорищемъ хвать —
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ — не поймешь словца —
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали:
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...
— Такъ вотъ что̀, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!

МОЕ РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Говорятъ, что счастье наше скользко, —
Самъ, увы! я то же испыталъ!
На границѣ Юрьевецъ-Повольска
Въ собственномъ селѣ я проживалъ.
Недостатокъ внѣшняго движенья

Замѣнивъ работой головы,
Приминалъ я въ лѣто, безъ сомнѣнья,
Десятинъ до двадцати травы;
Я лежалъ съ утра до поздней ночи
При волшебномъ плескѣ ручейка
И мечталъ, поднявши къ небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и безпечной
Предо мной толпился рядъ идей,
И виталъ я въ сферѣ безконечной
Презирая мелкій трудъ людей.
Я лежалъ, гнушаясь ихъ тревогой
Не нуждаясь, къ счастію, ни въ чемъ,
Но зато широкою дорогой
Въ сферѣ мысли шелъ богатыремъ;
Гордый духъ мой росъ и расширялся,
Много тайнъ я совмѣщалъ въ груди
И повѣдать міру собирался;
Но любовь сказала: «Погоди!»
Я давно въ созданье идеала
Погруженъ былъ страстною душой:
Я желалъ, чтобъ женщина предстала
Въ видѣ мудрой Кліи предо мной,
Чтобъ и свѣтъ, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей;
Чтобъ она на все бросала взгляды,
Добытые мыслію своей;
Чтобъ она не плакала напрасно,
Не смѣялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно дѣйствуя всегда;
Чтобъ она не въ рюмки и подносы,
Не въ дѣла презрѣнной суеты, —

Чтобъ она въ великіе вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашелъ, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читалъ ей Гегеля, Жанъ-Поля,
Демосѳена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Вольтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
Въ комъ жила великая идея,
Кто любилъ науку и добро;
Всѣхъ она, казалось, понимала,
Слушала безъ скуки и тоски,
И сама ужъ на ночь начинала
Тацита читать, надѣвъ очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разомъ сбить ей было, чѣмъ понять,
Какъ великъ и плодотворенъ Гегель;
Но умѣлъ я вразумить и ждать!
Видѣлъ я: не пропадетъ терпѣнье;
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философскихъ набралась идей
Такъ мы шли въ развитьѣ нашемъ дружно,
О высокомъ вѣчно говоря...
Но не то ей въ жизни было нужно!
Разъ, увы! въ началѣ сентября,
Прискакалъ я поутру къ невѣстѣ.
Нѣтъ ея ни въ залѣ, ни въ саду.
Гдѣ-жъ она? «Она на кухнѣ, вмѣстѣ

Съ маменькой» — и я туда иду.
Тутъ предстала страшная картина...
Разомъ столько горя и тоски!
Растерзавъ на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала въ печь моя невѣста!
Я смотрѣть безъ ужаса не могъ,
Какъ она рукой мѣсила тѣсто,
Какъ потомъ отвѣдала пирогъ.
Я не вѣрилъ зрѣнію и слуху,
Думалъ я, не перестать ли жить?
А у ней еще достало духу
Мнѣ пирогъ проклятый предложить.
Вотъ онѣ — великія идеи!
Вотъ они — развитія плоды!
Гдѣ же вы, поэзіи затѣи?
Что̀ изъ васъ, усилья и труды?
Я рыдалъ. Сконфузилися обѣ,
Видимо перепугались вдругъ;
Я ушелъ въ невыразимой злобѣ,
Объявивъ, что больше имъ не другъ.
Съ той поры, я вѣрю: счастье скользко,
Я безъ слезъ не проживаю дня;
Отъ Москвы до Юрьевецъ-Повольска
Нѣтъ лица несчастнѣе меня!

ДѢЛОВОЙ РАЗГОВОРЪ.

ЖУРНАЛИСТЪ — *выходя утромъ въ свой кабинетъ и садясь къ рабочему столу.*

Вотъ почта новая. Какая груда дѣлъ!
Куда дѣваться мнѣ отъ писемъ и посылокъ!
Въ провинціи народъ взыскателенъ и пылокъ:
Чуть къ первому числу съ журналомъ не поспѣлъ.
Завалятъ письмами — тоска и разоренье!
Тотъ дѣлаетъ упрекъ, тому дай объясненье,
А тотъ съ угрозами... досадная статья!
Посылки также вздоръ, ихъ ненавижу я!
Плохія повѣсти, а чаще риѳмотворство!..
Я, кажется, стихамъ не дѣлаю потворства —
Въ нихъ толку не ищи... Какая польза въ томъ,
Что̀ чувствовалъ поэтъ то дома, то на балѣ?..
Я положителенъ и въ жизни, и въ журналѣ;
Девизъ мой: интересъ существенный во всемъ!
И ка̀къ ихъ различать? Хорошихъ нѣтъ эстетикъ,
А практикъ я плохой — я больше теоретикъ...

Слуга — *входитъ и докладываетъ.*

Помѣщикъ Свистуновъ, пріѣзжій изъ Уфы.

Журналистъ.

Проси его, проси: сегодня принимаю...

Слуга уходитъ.

Всю жизнь я раздѣлилъ на равныя графы,

Какъ счетную тетрадь, и только отмѣчаю,
Куда который часъ и какъ употребленъ..
Въ ротъ капли не беру и ѣмъ одинъ бульонъ...

Подписчикъ — *входя.*

Семь лѣтъ подписчикомъ и данникомъ покорнымъ
Я вашимъ былъ — и нынѣ состою.
Пылая къ вамъ почтеньемъ непритворнымъ
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священнымъ долгомъ счелъ, прибывъ въ столицу нашу,
Сначала облетѣть ее по всѣ концы,
Кунстъ-камеру взглянуть, потомъ особу вашу...
А тамъ опять домой... чай, ждутъ мои птенцы!..

Журналистъ — *отрывисто и шутливо.*

Садитесь; очень радъ. Какъ розы среди терній,
Какъ свѣтлый ручеекъ во глубинѣ степей —
Цвѣтисто говоря — такъ жители губерній
Пріятны намъ всегда. Вы, щедростью своей
Поддерживая насъ, конечно, заслужили,
Чтобъ полное мы къ вамъ почтеніе хранили. —
И если въ микроскопъ разсматривать меня
Охота вамъ придетъ, — я долженъ согласиться!

Подписчикъ.

Поздненько, батюшка, мнѣ оптикѣ учиться:
Мнѣ стукнетъ шестьдесятъ черезъ четыре дня!

Журналистъ.

Да я вѣдь пошутилъ. А, говоря прямѣе,
Какъ дѣло всякое со стороны виднѣе,

То и доволенъ я, что завернули вы...
Трудами нашихъ рукъ и нашей головы
Мы жертвуемъ для васъ, журналы издавая.

Подписчикъ—*перебивая, съ поклономъ.*

И благодарность вамъ, почтеннѣйшій, большая...

Журналистъ.

Мы пишемъ день и ночь; торопимся, спѣшимъ
Романъ перевести; театръ, литературу
За мѣсяцъ обозрѣть, исправить корректуру —
Все къ первому числу... И еле мы дышимъ,
Оттиснувъ, наконецъ, и выдавъ книжку нашу...
Но какова она?.. Которыя статьи
Охотно вы прочли въ кругу своей семьи?
Какія усыпить успѣли милость вашу?
Не знаемъ ничего, и знать намъ мудрено.
Конечно, судятъ насъ собратья аккуратно;
Но замѣчать они умѣютъ только пятна
И въ безпристрастіи ихъ упрекнуть грѣшно!
Купаясь въ мелочной и тягостной борьбѣ,
Которая порой близка бываетъ къ дракѣ,
Увы! не знаемъ мы цѣны самимъ себѣ
И ощупью бредемъ въ какомъ-то полумракѣ!
Кто жъ можетъ этотъ путь тернистый освѣтить?
Кто на дурное намъ беззлобиво укажетъ?
Кто за хорошее намъ благодарность скажетъ,
Умѣя покарать, умѣя и простить?

Подписчикъ.

Конечно, публика...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Къ тому и рѣчь веду я.
Какъ умный человѣкъ и какъ подписчикъ мой,
Вы представителемъ явились предо мной
Всей нашей публики; и васъ теперь спрошу я:
Довольны ли вы тѣмъ, что производимъ мы?
Интересуютъ ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смѣсь, Науки?..
Что̀ любитъ публика? къ чему не горяча?

ПОДПИСЧИКЪ.

Благодаря всевластной силѣ скуки
И рьяности чтецовъ, читаются съ-плеча,
За исключеніемъ Наукъ и Домоводства,
Всѣ ваши рубрики...

ЖУРНАЛИСТЪ.

О, стыдъ! о, готтентотство!
Ужель еще читать не начали Наукъ?

ПОДПИСЧИКЪ.

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Такъ пишутся у васъ, что просто вонъ изъ рукъ!
Охотно ставлю вамъ семью свою въ поруки:
Изряднымъ надѣленъ достаткомъ — сыновей
Я дома воспиталъ, а дочекъ — въ пансіонѣ;
Страсть къ чтенью развита у всѣхъ моихъ дѣтей;
Засядемъ вечеромъ съ журналомъ на балконѣ,
Читаемъ, и летятъ скорехонько часы...
Не спитъ моя жена, а какъ довольны дѣти!

Но чуть въ «Науки» я — повѣсятъ всѣ носы,
Какъ будто ихъ поймалъ волшебникъ лютый въ сѣти!
Стараюсь убѣждать, показываю имъ,
Что съ пользою теперь мы время посвятимъ
Не басенкѣ пустой, а дѣльному трактату,
И дѣти вѣрятъ мнѣ... поближе къ нимъ подсяду!
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что черезъ часъ и самъ спать начинаю я!
Ну, что̀ вы скажете?..

Журналистъ.

Еще бы малымъ дѣтямъ
Читать вы начали ученыя статьи!..

Подписчикъ.

Нѣтъ, дѣти, батюшка, не малы ужъ мои,
И въ нашей публикѣ ученѣй врядъ ли встрѣтимъ:
Держалъ учителей, три года жилъ въ Москвѣ...
Прислушивался я частехонько къ молвѣ
И слышалъ все одно: «Быть можетъ, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имѣйте, батюшка, слова мои въ виду!..
Притомъ, какіе вы трактуете предметы?
«Проказы домовыхъ», «Пословицы», «Примѣты»,
«О роли пѣтуха въ языческомъ быту»,
«Значенье кочерги», «Исторія ухвата»...
Нѣтъ, батюшка, такихъ статеекъ намъ не надо!

Журналистъ.

Но ежели вопросъ насъ къ истинѣ ведетъ,
Ученый помышлять обязанъ ли о скукѣ?

Подписчикъ.

Не спорю, батюшка, полезно все въ наукѣ,
И ваша кочерга съ достоинствомъ займетъ
Въ ученомъ сборникѣ достойныя страницы...
Но если диллетантъ-читатель предпочтетъ
Ученой кочергѣ пустыя небылицы,
Ужели онъ не правъ?

Журналистъ.

Да вы противъ наукъ?

Подписчикъ.

Напротивъ, батюшка, я ихъ всегдашній другъ!
И въ вашемъ, и въ другихъ журналахъ, хоть не часто,
Случалось мнѣ встрѣчать ученыя статьи —
Я самъ, жена моя, домашніе мои
Читали жадно ихъ, какъ повѣсти... Нѣтъ, за сто
Изрядныхъ повѣстей, повѣрьте, не отдамъ
Одной такой статьи: какое снисхожденье
Къ невинной публикѣ! какое изложенье!
Не путешествуя, по дальнимъ городамъ
Съ туристомъ я блуждалъ; талантливый ученый
Вопросъ мнѣ разъяснялъ въ исторіи мудреный...
Вотъ этакихъ статей побольше надо намъ!

Журналистъ — *со вздохомъ.*

Ахъ, рады бы и мы всегда такимъ статьямъ,
Да гдѣ ихъ доставать? Таланты такъ лѣнивы,
Что ежели статью въ журналѣ въ годъ прочли вы
Съ извѣстнымъ именемъ — благополучный годъ!

Но часто журналистъ и по три года ждетъ
Обѣщанной статьи; а въ публикѣ толкуютъ,
Что шарлатанитъ онъ...

Подписчикъ.

Куда какъ негодуютъ,
Что обѣщаній вы не держите своихъ!

Журналистъ — *махнувъ рукой.*

Мы нынче и давать ужъ перестали ихъ!

Подписчикъ.

Но прихотливъ талантъ — въ немъ возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналистъ.

Помилуйте! платить готовы мы безъ счету!
Кто только прогремитъ, по милости молвы,
Тому на-перехватъ и деньги и вниманье...
Охъ, дорогонько мнѣ пришлось соревнованье!
Набили цѣну такъ въ послѣдніе года,
Что наши барыши не годны никуда!
Богъ знаетъ, изъ чего стараемся, хлопочемъ?
«Извѣстности» теперь такъ дорого берутъ,
Что сбавилъ цѣну я своимъ чернорабочимъ..
Романы, напримѣръ... Повѣрьте, приведутъ
Мою и безъ того тщедушную особу
Къ сухоткѣ злой они, а можетъ, и ко гробу.
Спасеніе въ одномъ — почаще переводъ
Печатай, и конецъ...

Подписчикъ.

По мнѣ, такъ переводы
Пора бы выводить рѣшительно изъ моды,
А много — перевесть романа два-три въ годъ...
Не спорю: хороши французскіе романы,
И въ аглицкихъ меня плѣняетъ здравый умъ...
Но мы читаемъ ихъ, какъ дѣти, наобумъ:
Насъ авторы ведутъ въ невѣдомыя страны:
Народности чужой неясныя черты
Намъ трудно понимать, не зная той среды,
Въ которой романистъ рисуется какъ дома...
То ль дѣло русскій бытъ и русское житье?
Природа русская?.. Жизнь русская знакома
Такъ каждому изъ насъ, такъ любимъ мы ее,
Что какъ ни даровитъ романъ вашъ переводный
Мы слабую ему статейку предпочтемъ,
Въ которой намъ дохнетъ картиною народной,
И русской грустію, и русскимъ удальствомъ,
Гдѣ развернется намъ знакомая природа,
Знакомыя черты знакомаго народа...

Журналистъ.

Вы судите умно. Все къ свѣдѣнью приму.
Теперь же вамъ вопросъ послѣдній предлагаю:
Сужденье ваше знать о «Критикѣ» желаю...

Подписчикъ.

Позвольте умолчать.

Журналистъ.

Скажите, почему?

Подписчикъ.

Сегодня поводъ вамъ своей свободной рѣчью
Я подалъ, сударь мой, и такъ къ противорѣчью
И если мнѣніе о «Критикѣ» скажу,
Названіе глупца, пожалуй, заслужу.

Журналистъ.

Напротивъ, никогда! Вѣдь нѣтъ о вкусахъ спора!
Прошу васъ и клянусь, что яблокомъ раздора
Не будетъ никакой строжайшій приговоръ.

Подписчикъ.

Ну, если такъ, я радъ! Полезно разговоръ,
О чемъ бы онъ ни шелъ, довесть до окончанья.
Я вашей «Критики» любитель небольшой:
Не то чтобъ были въ ней невѣрны замѣчанья,
Но многословіемъ, надутой пустотой,
Самодовольствіемъ, задоромъ и педантствомъ
Смущаетъ насъ она... а пуще шарлатанствомъ!
Ну что̀ хорошаго? Какъ только лѣтній жаръ
Немного поспадетъ и осенью суровой
Повѣетъ надъ селомъ, надъ полемъ и дубровой,
Межъ вами, такъ и [illegible], подниметса базаръ!
Забывъ достоинство своей журнальной чести,
Изъ зависти, вражды, досады, мелкой мести,
Спѣшите вы послать врагамъ своимъ стрѣлу;
Враги стремительно бросаютъ вамъ перчатку —
И бурей роковой къ извѣстному числу
Все разрѣшается... Ошибку, опечатку
Съ восторгомъ подхвативъ, готовы цѣлый томъ

О ней вы сочинить... А публика? Мы ждемъ,
Когда окончится промышленная стычка,
Критическій отдѣлъ наполнившая весь
И даже, наконецъ, забравшаяся въ «Смѣсь»,
И думаемъ свое: «Несчастная привычка,
Ошибка грустная испытанныхъ умовъ, —
Къ чему ты приведешь?..» О, выразить нѣтъ словъ,
Какъ сами вы себя роняете жестоко,
Какъ оскорбляете вы публику глубоко —
И все, вѣдь, изъ чего?.. Шумливая толпа
Газетныхъ писуновъ, журнальныхъ ратоборцевъ,
Напрасно мыслишь ты, что публика слѣпа!..
Я вѣрю вамъ, когда бездарныхъ стихотворцевъ
Преслѣдуете вы, трактуя свысока
О риѳмѣ, о стихѣ, о формахъ языка,
Во имя Пушкина, Жуковскаго и Гете,
Доказывая имъ, что хуже въ цѣломъ свѣтѣ
Не писывалъ никто, и что рубить дрова
Полезнѣй, чѣмъ низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всѣмъ ученымъ міромъ
Сужденье подкрѣпить то Данте, то Шекспиромъ).
Я вѣрю вамъ, когда озлобленнымъ перомъ
Вонзаетесь порой въ нелѣпые романы,
Пигмеямъ нанося рѣшительныя раны,
Въ надеждѣ щегольнуть и собственнымъ умомъ;
Когда неловкій стихъ или хромую фразу,
Вдобавокъ исказивъ и, на потѣху глазу,
Косыми буквами поставивъ мнѣ на видъ,
Кричите вы: «И вотъ что̀ авторъ говоритъ!
Гдѣ мысль, гдѣ логика, гдѣ истинное чувство?
Тутъ попранъ здравый смыслъ, поругано искусство!
О муза русская! осиротѣла ты!..»
Горячность ваша мнѣ хотя и непонятна

(Вы знаете, что есть и въ самомъ солнцѣ пятна),
Но вѣрить я готовъ, что чувство правоты
Внушило намъ и желчь, и ѣдкіе сарказмы
(Хотя противное видали и не разъ мы!).
Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и достойныхъ,
Вы отзывалися съ разумной похвалой
О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ.
Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
Кто страстно такъ любилъ, тотъ понималъ искусство,
Въ томъ былъ глубокій умъ, горѣло ярко чувство,
Свѣтилася прекрасная душа!..
Когда авторитетъ, давно шумѣвшій ложно,
Вы разрушаете, вамъ также вѣрить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успѣхъ которыхъ вамъ не сдѣлаетъ бѣды,
Я тоже вѣрю вамъ (хоть страсть къ литературѣ
Васъ въ равновѣсіи не держитъ никогда:
То вдругъ расходитесь, подобно грозной бурѣ
То такъ расхвалитесь, что новая бѣда).
Но иначе смотрѣть, иную думать думу
Привыкъ я, господа, прислушиваясь къ шуму,
Который иногда затѣявъ межъ собой.
Вы разрѣшаетесь осеннею грозой:
Тоска меня беретъ, по тѣлу дрожь проходитъ,
Когда одинъ журналъ, къ другому подходя,
О совѣсти своей журнальной рѣчь заводитъ...

Журналистъ.

Ужели, мой журналъ внимательно слѣдя,
И въ немъ открыли вы уловки самохвальства?

Подписчикъ.

О, какъ же, батюшка, и даже до нахальства!

Журналистъ — *вскакивая.*

Но гдѣ жъ? Помилуйте! еще подобныхъ словъ
Я сроду не слыхалъ...

Подписчикъ.

Ужъ будто?

Слуга — *докладываетъ.*

Хрипуновъ!

Журналистъ.

А! нужный человѣкъ!

Подписчикъ — *вставая.*

Такъ, значитъ, до свиданья?
Оно и хорошо, а то, разгорячась,
До грубости свои довелъ я замѣчанья
И засидѣлся самъ. — Прощайте! третій часъ!
Простите, что мои сужденья были жостки
(А можетъ, скажете, что даже просто плоски);
Но льстить не мастеръ я и спину гнуть въ кольцо...
Не думайте, что мы трудовъ не цѣнимъ вашихъ:
Нѣтъ, дѣльный журналистъ — полезное лицо!
Въ васъ благодѣтелей мы часто видимъ нашихъ,
Мы благодарны вамъ за честные труды,
Которыхъ видимы полезные плоды —
Вы развиваете охоту къ просвѣщенью,

Вы примиряете насъ съ собственною лѣнью,
И вамъ всегда открытъ охотно нашъ карманъ,—
Насъ опытъ научилъ, что безъ статей журнальныхъ
Осеннихъ вечеровъ, дождливыхъ и печальныхъ,
Намъ нѣкуда дѣвать! Невѣжества туманъ
Разсѣялся давно; смягчило время нравы;
Разгульные пиры и грубыя забавы
Временъ невѣжества смѣнило чередой
Стремленье къ знанію, искусствамъ благороднымъ,
И рѣдкій дворянинъ, конечно, молодой,
Теперь не предпочтетъ собакамъ превосходнымъ
Журналъ вашъ... для чего жъ грошовый интересъ
Надъ правдою беретъ въ васъ часто перевѣсъ?
Къ чему хвастливый тонъ, осенніе раздоры,
Зацѣпки, выходки, улики, желчь и споры?
Къ чему самихъ себя такъ глупо унижать!
Повѣрьте, публика пойметъ и безъ навѣта,
Что̀ хорошо у васъ, что̀ худо у сосѣда,
Да, право, и труда большого нѣтъ понять!
Повѣрьте, все пойдетъ и тихо, и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процвѣтете всѣ на многіе года!..
Прощайте! Надоѣлъ я вамъ своимъ болтаньемъ;
Но если рѣчь мою почтили вы вниманьемъ,
Готовъ я забрести, пожалуй, и опять...

Журналистъ.

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

СТАРИКИ.

Неизбѣжныя напасти,
Бремя лѣтъ, трудовъ и зла
Унесли изъ нашей страсти
Много свѣта и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Разстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что̀ таиться другъ отъ друга?
Посѣдѣлъ я — видишь ты;
И въ тебѣ, моя подруга,
Нѣту прежней красоты.

Что̀ жъ осталось въ жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли съ Парашей —
Сохрани Господь — бѣды?..

ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Шляпа, перчатки, портфейль,
Форменный фракъ со звѣздою,
Нѣсколько впалая грудь,
Правый високъ съ сѣдиною.

Не до одышки я толстъ,
Не до мизерности я тонокъ,
Слогъ у меня дѣловой,
Голосъ пріятенъ и звонокъ...

Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчатъ
Тотчасъ почти надъ бровями.

При несомнѣнномъ умѣ,
Соображеніи быстромъ,
Мнѣ далеко не пойти —
Быть не могу я министромъ.

Да, представительный лобъ
Необходимъ въ этомъ санѣ.
Вотъ Дикобразовъ Прокопъ...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозитъ слѣпой
Эту фигуру медвѣжью:
Лобъ у него небольшой,
Но дополняется плѣшью...

. . . .

ПРИЗНАНІЕ ТРУЖЕНИКА.

По моей громадной толщинѣ
Люди ложно судятъ обо мнѣ.
Помню, разъ, четыре господина
Говорили: «Вотъ идетъ скотина!
Видно, нѣтъ заботы никакой —
Съ каждымъ годомъ прётъ его горой!»
Я совсѣмъ не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ;
Дочитавъ разсказъ мой до конца,
Содрогнутся многія сердца!
Для поддержки бренной плоти нуженъ
Мнѣ обѣдъ достаточный и ужинъ,
И, чтобъ къ нимъ себя приготовлять,
Долженъ я—гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпивъ чашки чаю,
«Одѣвай!» командую Минаю
(Адски глупъ и копотливъ Минай,
Да зато повязывать мнѣ шею
Допускать его я не робѣю:
Преданъ мнѣ безмѣрно негодяй)...
Какъ пройду я первыя ступени,
Подогнутся слабыя колѣни;
Стукотня ужасная въ вискахъ,
Потъ на лбу и слезы на глазахъ,
Словно кто свиститъ и дуетъ въ ухо,
И, какъ волны въ бурю, ходитъ брюхо!
Отошедши нѣсколько шаговъ,
Я совсѣмъ разбитъ и нездоровъ;
Сѣлъ бы въ грязь, такъ жутко и такъ тяжко,

Да грозитъ чудовище-кондрашка
И твердитъ, какъ Вѣчному Жиду,
Все: «Иди, иди, иди!..» Иду...

Кажется, я очень авантаженъ,
Хорошо одѣтъ и напомаженъ,
Трость въ рукѣ и шляпа на бекрень...
А терплю насмѣшки цѣлый день!
Изъ кареты высунется дама
И въ лицо мнѣ засмѣется прямо,
Крикнетъ школьникъ съ хохотомъ: «Ура!
Посмотрите: катится гора!...»
А дуракъ лакей, за мной шагая,
Уваженье къ барину теряя,
Такъ и прыснетъ!.. Праздный балагуръ
Срисовать въ альбомъ карикатуръ
Норовитъ, рекомендуя дамамъ:
Любоваться «симъ гиппопотамомъ!»
Кучера по-своему острятъ:
«Этому» — мерзавцы говорятъ
«Если бъ въ брюхо и попало дышло,
Такъ насквозь оно бы, чай, не вышло?..»
Такъ извнѣ насмѣшками язвимъ,
Изнутри изжогою палимъ,
Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смѣхъ мужчинъ и дамъ нарядныхъ тряпки,
Экипажи, вывѣски, друзья —
Ничего не замѣчаю я!
Наконецъ... Счастливая минута!..
Скоро пять — невѣдомо откуда
Силы вдругъ возьмутся... Какъ зефиръ,
Я лечу домой или въ трактиръ,
Или въ клубъ... Теперь я живъ и молодъ,

Я легокъ: я ощущаю голодъ!..
Ахъ, повѣрьте, счастіе не въ томъ,
Чтобъ блистать чинами и умомъ:
Наше счастье бродитъ межъ холмами
Въ бурой шкурѣ, съ дюжими рогами!
Впрочемъ, мнѣ распространяться лѣнь...
Дней моихъ хранительная сѣнь,
Здравствуй, клубъ!.. Почти еще ребенокъ,
Въ первый разъ, и сухощавъ, и тонокъ,
По твоимъ ступенямъ я всходилъ:
Ты меня взлелѣялъ и вскормилъ!
Честь тебѣ, твоимъ здоровымъ блюдамъ!
Если кто тебя помянетъ худомъ,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголокъ спокойный и отрадный!
Сколько разъ, въ часъ бури безпощадной,
Думалъ я, дремля у камелька:
«Жизнь моя пріятна и легка.
Кто-нибудь теперь отъ стужи стонетъ,
Кто-нибудь въ сердитомъ морѣ тонетъ,
Кто-нибудь дрожитъ... а надо мной
Вѣтерокъ не пролетитъ сквозной...
Сколькихъ ты пригрѣлъ и успокоилъ
И въ объемѣ, какъ меня, утроилъ:
Для какого множества людей
Замѣнилъ семейство и друзей!..»

. . . .

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ІЮНЯ

1854 года.

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полъ-міра обхватилъ
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконецъ приблизились; стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда Рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

Въ день появленія соединеннаго
флота вблизи Кронштадта.

*
* *

Безвѣстенъ я. Я вами не стяжалъ
Ни почестей, ни денегъ, ни похвалъ,
Стихи мои — плодъ жизни несчастливой,
У отдыха похищенныхъ часовъ,
Сокрытыхъ слезъ и думы боязливой!
Но вами я не восхвалялъ глупцовъ,
Но съ подлостью не заключалъ союза!
Нѣтъ! свой вѣнецъ терновый приняла,
Не дрогнувъ, обезславленная Муза
И. . . . .

*
* *

Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтожность!»
Стиховъ моихъ печатный судія
Совѣтуетъ большую осторожность
Въ употребленьи буквы «я».
Винюсь: ты правъ, усердный мой цѣнитель
И общихъ мѣстъ присяжный расточитель, —
Противъ твоей я публики грѣшу,
Но только я не для нея пишу.
Увы! писать для публики, для свѣта —
Удѣлъ не русскаго поэта..
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музѣ гордой и несчастной.

Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастіе въ другомъ?
Кто боленъ самъ, тотъ весело и жадно
Внимаетъ вѣсти о больномъ...

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

ѲЕДОРА ИЛАРІОНОВИЧА РУДОМЕТОВА II-го,

УВОЛЕННАГО ВЪ ЧИСЛѢ ПРОЧИХЪ ВЪ 1857 ГОДУ.

Убилъ ты, точно, на вѣку
Сто-сорокъ-два медвѣдя,
Но прочиталъ ли хоть строку
Ты въ жизни, милый Ѳедя?
— О, нѣтъ! за множествомъ хлопотъ,
Разводовъ и парадовъ,
По милости игры, охотъ,
Баловъ и маскарадовъ,
Я книги въ руки не бралъ,
Но близокъ съ просвѣщеньемъ:
Я очень долго управлялъ
Учебнымъ учрежденьемъ.
Въ тѣ времена всего важнѣй
Порядокъ былъ — до книгъ ли? —
Мы брили молодыхъ людей
И, какъ барановъ, стригли!

Зато студентъ не бунтовалъ,
Хоть былъ съ осанкой хватской;
Тогда законъ не разбиралъ —
Военный или статскій;
Дабы соединить съ умомъ
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потомъ
Иди на маршировку!..
  Случилось также мнѣ попасть
Въ начальники цензуры,
Конечно, не затѣмъ, чтобъ красть:
Что̀ взять съ литературы?
А такъ, порядокъ водворить...
Довольно было писку;
Умѣлъ я разомъ сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоровъ смѣнилъ
(Все были либералы),
Лицеямъ, школамъ воспретилъ
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправъ
Писателей свирѣпость!
Узнайте жъ мой ужасный нравъ,
И мощь мою — и крѣпость!»
Я восклицалъ. Я ихъ застигъ,
Какъ ураганъ въ пустынѣ,
И гибли, гибли сотни книгъ,
Какъ мухи въ керосинѣ!.
Мать не встрѣчала прописей
Для дочери-дѣвчонки,
И лопнули въ пятнадцать дней
Всѣ книжныя лавчонки!..
Потомъ, когда обширный край

Мнѣ ввѣрили по праву,
Девизъ: «Блюди — и усмиряй!»
Я оправдалъ на славу...

. . . .

НА ОБѢДѢ

ВЪ ЧЕСТЬ МАРТЫНОВА.

Со славою прошелъ ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершилъ!
Мы молимъ одного: чтобъ даровали боги
Тебѣ надолго крѣпость силъ!
Чтобъ въ старости, былое вспоминая,
Могли мы повторять, смѣясь:
«А помнишь ли, гурьба какая
На этотъ праздникъ собралась?
Тутъ не было ни почестей народныхъ,
Ни громкихъ хвалъ, — однимъ онъ дорогъ былъ:
Свободную семью людей свободныхъ
Мартыновъ вкругъ себя въ тотъ день соединилъ!
И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!»
Мы знаемъ всѣ: ты стоишь бо̀льшей чести.
Но мы даемъ, что̀ можемъ дать!

ПАПАША.

Я давно замѣчалъ этотъ сѣренькій домъ:
Въ немъ живутъ двѣ почтенныя дамы,
Тишина въ немъ глубокая днемъ,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здѣсь движенье веселое слышно:
Пріѣзжаютъ сюда господа
И дѣвицы, одѣтыя пышно.
Вотъ и нынче карета стоитъ,
Въ ней какой-то мужчина сидитъ;
Свищетъ онъ, поджидая кого-то,
Да на окна глядитъ иногда.
Наконецъ, отворились ворòта
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...
«Здравствуй, Наташа!
Я ужъ думалъ — не будетъ конца!»
— «Вотъ тебѣ деньги, папаша!»
Дѣвушка сѣла, цѣлуетъ отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета
И постепенно затихъ ея шумъ
«Вотъ тебѣ деньги!» Я думалъ: чтò жъ это?
Дикая мысль поразила мой умъ.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Чтò же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасаетъ насъ... Такъ почему же?..
Нѣтъ, не повѣрю я!.. Извергъ, злодѣй!

Хуже убійства, предательства хуже...
Хуже-то хуже, да легче, вѣрнѣй,
Да и понятнѣй. Въ нашъ вѣкъ утонченный
Изверги водятся только въ лѣсахъ.
Это не извергъ, а фатъ современный —
Фатъ устарѣлый, безъ мѣста, въ долгахъ.
Что̀ жъ ему дѣлать? Другого закона,
Кромѣ дендизма, онъ въ жизни не зналъ,
Жилъ человѣкомъ хорошаго тона
И умереть имъ желалъ:
Поздно привыкъ онъ ложиться,
Поздно привыкъ онъ вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать.
Часъ или два передъ тонкимъ обѣдомъ
Невскій проспектъ шлифовать.
Смолоду былъ онъ лихимъ сердцеѣдомъ:
Долго ли денегъ достать?
Съ шикомъ одѣлся, приставилъ лорнетку
Къ лѣвому глазу, прищурилъ другой,
Мигомъ плѣнилъ пожилую кокетку,
И полилось ему счастье рѣкой.
Сладки трофеи нетрудной побѣды —
Кровныя лошади, поваръ французъ...
Боже! какіе давалъ онъ обѣды —
Роскошь, изящество, вкусъ!
Подлая сволочь глотала ихъ жадно.
Подлая сволочь?.. О, нѣтъ!
Все, что̀ богато, чиновно, парадно,
Кушало съ чувствомъ и съ толкомъ обѣдъ.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы цѣловалися съ нимъ...
Правда, что слухи до насъ доходили...

Что̀ намъ до слуховъ — и вѣрить ли имъ?
Старый газетчикъ, въ порывѣ усердія,
Такъ отозвался о немъ:
Другъ справедливости! жрецъ милосердія!»
То вдругъ облаялъ потомъ, —
Вѣрь, чему хочешь! Мы въ немъ не замѣтили
Подлости явной: въ игрѣ онъ платилъ!
Муза! воспой же его добродѣтели!
Вспомни, онъ набоженъ былъ;
Вспомни, онъ руку свою тароватую
Вѣчно раскрытой держалъ,
Даже Жуковскому что̀-то на статую
По добротѣ своей далъ!
    Счастье, однако, на свѣтѣ не прочно —
Хуже да хуже съ годами дѣла.
Силъ ему много отпущено, точно,
Да красота измѣнять начала.
Онъ ужъ купилъ три таинственныхъ банки:
Это — для губъ, для лица и бровей;
Учетверилъ благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходитъ по Невскому съ палкой, съ лорнетомъ
    Сорокалѣтній герой,
Ходитъ зимою, весною и лѣтомъ,
Ходитъ и думаетъ: «Чортъ же съ тобой,
Городъ проклятый! Я строенъ, какъ тополь,
Счастье найду по другимъ городамъ!
И, разсердясь, покидаетъ Петрополь...
    Можетъ быть, вѣдомо вамъ,
Что за границей мѣстами есть воды,
Гдѣ собирается множество дамъ —
Милыхъ поклонницъ свободы,
    Дамъ и отчасти дѣвицъ;

Ежели дамъ, то въ замужствѣ несчастныхъ,
Разнаго возраста лицъ,
Но одинаково страстныхъ,
Словомъ, такихъ, у которыхъ талантъ
Жалкою славой прославиться въ свѣтѣ
И за которыхъ Жоржъ-Зандъ
Передъ мыслителемъ русскимъ въ отвѣтѣ.
Что̀ привлекаетъ ихъ въ городъ такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...
Трудно рѣшить. Говорятъ,
Годы терпѣнья и плѣна,
Тяжкихъ обидъ и досадъ
Вдругъ выкупаетъ измѣна;
Ежели такъ, то цѣлительность водъ
Не подлежитъ никакому сомнѣнью.
Бурно ихъ жизнь тамъ идетъ,
Вся отдана наслажденью;
Оригиналенъ нарядъ, —
Дома одѣты, а въ люди
Полураздѣться спѣшатъ:
Голыя спины и голыя груди!
(Впрочемъ, не къ каждой изъ дамъ
Эти идутъ укоризны:
Такъ, напримѣръ, только лечатся тамъ
Скромныя дочери нашей отчизны...)
Нашъ благородный герой
Тамъ свои сѣти раскинулъ,
Тамъ онъ блисталъ еще годикъ-другой,
Но и оттудова сгинулъ.
Лѣтъ черезъ восемь потомъ
Онъ воротился въ Петрополь,

Все еще строенъ, какъ тополь,
Но уже нѣсколько хромъ,
То есть, не хромъ, а немножко
Стала шалить его лѣвая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагалъ
Ею онъ, словно полѣномъ,
То вдругъ внезапно болталъ
Въ воздухѣ правымъ колѣномъ.
Бѣлый платочекъ въ рукѣ,
Грусть на челѣ горделивомъ,
Волосы съ бурымъ отливомъ
И — ни кровинки въ щекѣ!
Плохо!..
А вкусы такъ пошлы и грубы:
Дай имъ красавчика, кровь съ молокомъ...
Волкъ, у котораго выпали зубы,
Бѣшено взвылъ; оглядѣлся кругомъ,
Да и рѣшился... Трудами питаться
Нѣтъ ни умѣнья, ни силъ,
Въ бѣдности гнусной открыто признаться
Передъ друзьями, которыхъ кормилъ,
И удалиться съ роскошнаго пира —
Нѣтъ! добровольно герой
Санктпетербургскаго моднаго міра
Не достигаетъ развязки такой.
Молодъ — такъ дѣло женитьбой поправитъ,
Старъ — такъ игорный притонъ заведетъ,
Вексель фальшивый составитъ,
Въ легкую службу пойдетъ...
Славная служба! Нашъ старый красавецъ
Чуть не пошелъ было этой тропой,
Да не годился... Вотъ этотъ мерзавецъ —
Подъ-руку съ дочерью! Весь завитой,

Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди:
Плюньте въ лицо ему, честные люди!
    Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджогъ, за покражу —
Это отецъ, развращающій дочь
И выводящій ее на продажу!..
«Знаемъ мы, знаемъ — да дѣла намъ нѣтъ:
Очень горячъ ты, любезный поэтъ!»
    Музыка въ родѣ шарманки
    Однообразно гудитъ;
Сонно поютъ испитыя цыганки,
Глупый цыганъ каблуками стучитъ.
    Около русой Наташи
    Пять молодыхъ усачей
    Пьютъ за здоровье папаши.
    Кажется, весело ей:
Смотритъ спокойно, наивно смѣется...
    Пусть же смѣется всегда!
    Пусть никогда не проснется!
Если жъ проснется, что̀ будетъ тогда?
Ножъ ли ухватитъ, застонетъ ли тяжко
И упадетъ безъ дыханья, бѣдняжка,
Сломлена ужасомъ, горемъ, стыдомъ?
Кто ее знаетъ! Не дай только Боже
    Быть никому въ ея кожѣ, —
Звать обнищалаго фата отцомъ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ

или

«НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ».

О свѣтскія забавы!
Пришлось вамъ поклониться, —
Литературной славы
Рѣшился я добиться.

Недолго думалъ думу:
Досталъ два автографа
И вышелъ не безъ шуму
На путь библіографа;

Шекспировскихъ твореній
Составилъ полный списокъ,
Безъ важныхъ упущеній
И безъ большихъ описокъ.

Всего-то двѣ ошибки
Открыли журналисты,
Какъ ихъ умы ни гибки,
Какъ перья ни рѣчисты:

Какую-то «Запру»
Позднѣйшаго поэта
Я приписалъ Шекспиру,
Да пропустилъ «Гамлета».

Посыпались нападки!
Я пробовалъ сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хвать брошюру!
И тутъ остался съ носомъ:
На всю литературу
Сочли ее доносомъ!

Открыли перестрѣлку,
Въ своихъ мансардахъ сидя, —
Попалъ я въ передѣлку!
Такъ заяцъ, пса увидя,

Потерянный, метнется
Къ тому, къ другому краю
И разомъ попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани
И даже тѣхъ ругали,
Кто мало сыпалъ брани!

Увы! въ родную сферу
Съ стыдомъ я возвратился, —
Испортилъ я карьеру,
А славы не добился!..

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА
МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.
МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ, въ гиперборейскомъ краѣ,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ —
Столица новая возникла при Петрѣ

Возникнувъ, съ помощью чухонскаго народа,
Изъ тòпей и болотъ въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ:
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій,
И надъ обоими господствуетъ французскій,
А рѣчи истинно-народной оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ.

Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью, и умомъ, —
Таковъ тамъ человѣкъ! — Но впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растетъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ, напримѣръ, Жуковскій —
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли
Затѣи роскоши, — музеи просвѣщенья,
Музеи древности — «всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души!
Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барыши;
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!
Итакъ, друзья мои! кляну тщеславный градъ!

Рыдаю и кляну... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается по-прежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ!..

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ «Русскій Вѣстникъ»,
Гдѣ «Атеней», какъ ручеекъ, журчалъ.
    Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
    Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Ученый говоритъ: «Тотъ градъ славнѣе Рима»;
Прозаикъ «сердцемъ родины» зоветъ;
Поэтъ гласитъ: «Россіи дочь любима»,
И «матушкою» чествуетъ народъ.
Недаромъ, нѣтъ: Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какіе онъ свершилъ:
Въ двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ.
    Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
    Летѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади.
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди.
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ.
Въ послѣдней ли войнѣ, въ вопросѣ ли крестьянскомъ
Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ...
    Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
    Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи —
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ,
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На высиренній настраиваетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ,
И сорокъ-сороковъ безъ умолку гудятъ.
 Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена,
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность,
Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской
Подмѣтятъ все — оцѣнятъ, разберутъ:
Анаѳемѣ тамъ преданъ Чернышевскій,
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ!
 Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Мудреный градъ! По приговору сейма,
Тамъ судятся и люди, и статьи;
Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,
Ужъ точно ли не нужно сѣчь дѣтей;
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей.
 Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода Крылова обличилъ,

Тамъ *** былъ пораженъ сугубо,
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ.
Тамъ что̀ ни мужъ — то жаркій другъ прогресса,
И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
Что̀ на пути къ нему вѣрнѣе — пресса
Или умно направленная плеть?
    Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
    Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства науку любятъ тамъ;
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ.
И что̀ романъ! Тамъ поражаютъ пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поютъ;
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ «Свистокъ» проклятью предаютъ!
    Серьезный градъ! Туда, туда съ тобой
    Намъ страшно показаться, милый мой!

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Какъ дядю моего Ивана Ильича
  Нечаянно сразилъ ударъ паралича,
Въ его наслѣдственномъ имѣніи Корсунскомъ —
Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
А души заложилъ въ Совѣтѣ Опекунскомъ.

Мои домашніе, особенно жена,
Пристали: «Жизнь для насъ на родинѣ скучна!»
Кто: «ангелъ!» кто: «злодѣй! вези насъ за границу!»

Я крикнулъ старосту Ивана Кузьмина,
Имѣнье сдалъ ему и — укатилъ въ столицу.

Въ столицѣ, получивъ немедленно паспортъ,
Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ
Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ...
«Утѣшься», прошепталъ насъ увлекавшій чортъ:
«Отраду ты найдешь въ нѣмецкой дешевизнѣ». —

И я утѣшился... и тутъ ужъ недолга
Развязка мрачная: минули мы брега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Пріѣхали въ Берлинъ — и обрѣли врага
Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.

Такъ горничная тварь въ гостиницѣ звалась.
Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
Что Лидія — моя дражайшая супруга —
Ужасно горяча: какъ будто родилась
Подъ небомъ Африки; въ ней дышатъ страсти юга!

Въ отечествѣ она не знала имъ узды:
Покорно ей вручивъ правленія бразды,
Я скоро подчинилъ ей волю и разсудокъ
(Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ я до звѣзды,
Хоть голоду терпѣть не можетъ мой желудокъ).

И всякъ за мною вслѣдъ во всемъ ей потакалъ,
Противорѣчіемъ никто не раздражалъ
Изъ опасенья слезъ, трагическихъ истерикъ...
Въ гостиницѣ, едва я умываться сталъ,
Вдругъ слышу: Лидія бушуетъ, словно Терекъ.

Я бросился туда. Вотъ что̀ случилось съ ней...
О, ужасъ! о, позоръ! Въ небрежности своей
Луиза, Лидію съ дороги раздѣвая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидія моя, недолго размышляя...

Но что̀ тутъ говорить? Тутъ нужны не слова,
Тутъ громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой;
Растрепана коса, поникла голова:
«На натискъ пламенный ей былъ отпоръ суровый!..»

Слова моей жены: «О, другъ Иванъ Ильичъ!»
Мнѣ вспомнились тогда: «здѣсь грубость, мракъ и дичь!
Здѣсь жить я не могу — вези меня въ Европу!»
Ахъ, лучше бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь,
Да надирать виски безгласному холопу!

ОТРЫВКИ.

НА ПСАРНѢ.

Ты, старина, здѣсь живешь, какъ въ аду, —
Воля придетъ, чай, бѣжишь безъ оглядки?
— На̀што мнѣ воля? куда я пойду?
Нѣту ни батьки, ни матки,
Нѣту никѣмъ никого,
Хлѣбъ добывать не умѣю,
Только и знаю кричать: «го-го-го!
Горе косому злодѣю!..»

* * *

Явно родственны съ землей,
Въ тайномъ бракѣ съ «Вѣстью»
Земства модною броней
Прикрываясь съ честью,
Снова ловятъ мужиковъ
Въ крѣпостныя сѣти
— — — скихъ орловъ
Доблестныя дѣти...

ПѢСНЯ ОБЪ «АРГУСѢ».

Я полагалъ, съ либеральнаго
Есть направленья барышъ —
Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго;
Что жъ оказалося, — шишъ!
Богъ меня свелъ съ нигилистами:
Сами лѣнятся писать,
Платятъ все деньгами чистыми.
Пробовалъ я убѣждать:
«Мнѣ бы хоть десять копѣечекъ
Съ пренуmeранта извлечь:
Вѣдь даровыхъ-то статеечекъ
Много... куда ихъ беречь?
Нужно во всемъ безпристрастіе:
Вы ихъ смѣшайте, друзья,
Да и берите на счастіе...
Вѣрьте, любая статья
Встрѣтитъ горячихъ хвалителей,

Каждую будутъ бранить...»
Тщетно! моихъ разорителей
Я не успѣлъ убѣдить!
Часто, взбираясь на лѣсенку,
Гдѣ мой редакторъ живетъ,
Слышалъ я грозную пѣсенку;
Вотъ вамъ ея переводъ:
«Изъ уваженья къ читателю,
Изъ уваженья къ себѣ,
Нѣтъ снисхожденья къ издателю —
Гибель, несчастный, тебѣ!..»
— Но не хочу я погибели!
(Я ему): другъ-нигилистъ!
Лучше хотѣлъ бы я прибыли. —
Онъ же пускается въ свистъ.

Выслушавъ эти нелѣпости,
Я отъ него убѣгалъ
И по мосткамъ противъ крѣпости
Обыкновенно гулялъ.
Тамъ я бродилъ въ меланхоліи,
Тамъ я любилъ размышлять,
Что не могу уже болѣе
«Аргуса» я издавать.
Чинъ мой оставя въ забвеніи
И не щадя сѣдины,
Эти великіе геніи
Снять съ меня рады штаны!
Лучше идти въ переписчики,
Чѣмъ убиваться въ накладъ.
Бросишь изданье — подписчики
Скажутъ: дай деньги назадъ!
Что̀ же мнѣ дѣлать, несчастному?

Благо хоть совѣсть чиста!
Либерализму опасному
Въ сѣти попалъ я спроста...
Какъ по досткамъ противъ крѣпости
Я въ размышленьи гулялъ.
Полный нежданной свирѣпости,
Ледъ на мостки набѣжалъ:
Съ трескомъ они разскочилися, —
Насъ по Невѣ понесло;
Всѣ пѣшеходы смутилися,
Каждому плохо пришло!
Словно близъ дома питейнаго,
Крики неслись кругомъ.
Смотримъ — нѣтъ моста Литейнаго!
Весь разнесло его льдомъ.
Вотъ, погоняемый льдинами,
Мчится на насъ плашкоутъ:
Ропотъ прошелъ межъ мужчинами,
Женщины волосы рвутъ!
Тутъ человѣкъ либеральнаго
Образа мыслей, и тотъ
Звалъ на защиту квартальнаго...
Я лишь былъ хладенъ, какъ ледъ!
Что̀ тутъ борьба со стихіею,
Если подорванъ кредитъ,
Если надъ собственной волею
Мечъ Дамоклесовъ виситъ?..
Общее было смятеніе,
Я же на льдинѣ стоялъ
И умолялъ Провидѣніе,
Чтобъ запретили журналъ...
Вышло бъ судебъ покровительство:
Честь бы и деньги я спасъ;

Но не умѣетъ правительство
Впору быть строгимъ у васъ...
Нѣтъ, не оттуда желанное
Мнѣ избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное,
На небѣ стало свѣтло.
Вижу на льдинѣ сверкающей...
Вижу, является вдругъ
Мертвыя души скупающій
Чичиковъ! — *Здравствуй, мой другъ!*
Ты пріищи покупателя!
Онъ прокричалъ — и исчезъ!..
Благословляя Создателя,
Мокрый я нà берегъ влѣзъ.

Всю эту бурю ужасную
Вѣкъ сохраню я въ душѣ —
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь въ барышѣ!
Нѣтъ рокового изданія!
Самая мысль о немъ — прочь!
Поздно въ трактирѣ «Германія»
Въ ту же ужасную ночь,
Грѣясь, сушась, за бутылкою,
Сбылъ я подписчиковъ, сбылъ.
Сбылъ ихъ совсѣмъ
Сбылъ — и барышъ получилъ!..
Словно змѣею укушенный,
Впрочемъ, легокъ и счастливъ,
Я убѣжалъ изъ Конюшенной,
Этотъ пассажъ совершивъ.
Чудилось мнѣ, что нахальные
Мчатся подписчики вслѣдъ:

«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ: — «дармоѣдъ!»
И вѣдь какіе подписчики!
Ихъ и продать-то не жаль:
Аптекаря, переписчики! —
Словомъ, ужасная шваль!
Знай, что такая компанія
Будетъ (и всѣ въ куражѣ!..),
Не начиналъ бы изданія:
Аристократъ я въ душѣ.
Впрочемъ, средь бабьихъ передниковъ
И неуклюжихъ лаптей —
Трое дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,
Двое армянскихъ князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновниковъ нѣтъ.
Охтенка — чтица случайная
(Втёръ ей за сливки билетъ),
Дьяконъ какой-то, съ разсрочкою
(Басомъ, разбойникъ, кричитъ),
Стражъ департаментскій съ дочкою —
Все догоняетъ, шумитъ!
Съ хохотомъ, съ грохотомъ, съ гиканьемъ
Мчатся густою толпой,
Визгами, свистомъ и шиканьемъ
Слухъ надрывается мой!
Вѣрите ль? даже квартальные,
Взявшіе даромъ билетъ,
«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ. Я въ отвѣтъ:
«Полноте, други любезные,
Либерализмъ вамъ не впрокъ!» —
Самъ же въ ворота желѣзныя

Прыгъ — и щелкнулъ замокъ!
— Ну! отвязались, ракаліи...
Тутъ я въ квартиру нырнулъ
И, покуривши регаліи,
Благополучно заснулъ.

Жаль мнѣ редактора бѣднаго!
Долго онъ будетъ грустить,
Что направленія вреднаго
Негдѣ ему проводить.
Встрѣтились мы... я почтительно
Шляпу ему приподнялъ, —
Онъ улыбнулся язвительно
И засвисталъ, засвисталъ!

ПРИЧТА О «КИСЕЛѢ».

Жилъ-былъ за тридевять земель,
Въ какомъ-то царствѣ тридесятомъ,
И просвѣщенномъ и богатомъ,
Вельможа, именемъ Кисель.
За книгой съ дѣтства, кромѣ скуки,
Онъ ничего не ощущалъ,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считалъ;
Зато въ войнѣ, на полѣ брани
Подобныхъ не было ему:
Онъ несъ съ народовъ дикихъ дани
Пашѣ — владыкѣ своему.
Сломивъ рога крамолѣ внѣшней

Пожаромъ, казнями, мечомъ,
Онъ дѣйствовалъ еще успѣшнѣй
Въ борьбѣ со внутреннимъ врагомъ:
Не только чуждые народы, —
Свои дрожали передъ нимъ!
Но измѣнили старцу годы —
Заботы, дальніе походы,
Военной славы громъ и дымъ
Израненному мужу въ тягость:
Сложилъ онъ бранныя дѣла,
И краемъ правящая благость
Гражданскій постъ ему дала.
Подъ солнцемъ сѣвера и юга,
Уставъ отъ крови и побѣдъ,
Кисель любилъ въ часы досуга
Театръ, особенно балетъ.
Чего же лучше? Свѣжъ онъ чувствомъ,
Онъ только удрученъ войной —
Итакъ, да правитъ онъ искусствомъ,
Вкушая въ старости покой!
  Съ обычной стойкостью и рвеньемъ,
Кисель вступилъ на новый постъ:
Присматривалъ за поведеньемъ,
Вниманье обращалъ на ростъ,
Высокомѣрнымъ задалъ гонку,
Покорныхъ, тихихъ отличилъ!
Остригъ актеровъ подъ гребенку,
Актрисамъ стричься воспретилъ;
Сталъ роли раздавать по чину
И — какъ онъ былъ благочестивъ,
То женщинѣ играть мужчину
Не дозволялъ, сообразивъ,
Что это вовсе неприлично!

— Еще началъ бы дозволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина началъ исполнять!
Чтобы актеры были гибки,
Онъ ихъ училъ маршировать;

Чтобъ знали роли безъ ошибки,
Затѣялъ экзаменовать:
Иной придетъ поздненько съ пира —
Къ нему экзаменаторъ шасть,
Разбудитъ: «Монологъ изъ Лира
Читай!» Досада и напасть!

Пріѣхалъ разъ въ театръ вельможа
И видитъ: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понялъ нашъ Кисель тогда,
Что въ публикѣ къ театру жажды
Не остается и слѣда.
Самъ ханъ, шутя, сказалъ однажды:
«Театръ негоденъ никуда!
Въ оркестрѣ врутъ и врутъ на сценѣ,
Совсѣмъ меня не веселя,
Съ тѣхъ поръ, какъ далъ я Мельпоменѣ
И Терпсихорѣ — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоилъ трудъ — не ѣлъ, не спалъ;
Но какъ начальникъ ни трудился,
Театръ ни къ чорту не годился.
Тогда онъ истину созналъ:

«Справлялся я съ военной бурей,
Но мнѣ театръ не по плечу;
За красоту балетныхъ гурій
Продать я совѣсть не хочу!
Мнѣ о душѣ подумать надо, —
И такъ довольно я грѣшилъ!»
(Кисель побаивался ада,
И въ рай, конечно, наровилъ).
Мысль эту изложивъ круглѣе,
Передаетъ секретарю:
Дабы переписалъ крупнѣе
Для поднесенья визирю.
Заплакалъ секретарь — печали
Не могъ, бѣдняга, превозмочь!
Бѣжитъ къ кассиру: «Мы пропали!»
(Они съ кассиромъ вмѣстѣ крали)
И съ нимъ бесѣдуетъ всю ночь.
На-утро въ труппѣ гулъ раздался,
Что депутація нужна
Просить, чтобы Кисель остался, —
Что ужъ сбирается она.
«Да кто жъ идетъ? Съ какой же стати?»
Кричатъ строптивые: — «Давно
Мы жаждемъ этой благодати!»
— Тсс! Тсс! упросятъ неравно! —
И все пошло путемъ извѣстнымъ:
Начнетъ дуракъ или подлецъ,
А вслѣдъ за глупымъ и безчестнымъ
Пойдетъ и честный наконецъ.
Тотъ говоритъ: «До пенсіона
Мнѣ остается семь недѣль»;
Тотъ говоритъ: «Во время оно
Мою сестру крестилъ Кисель»;

Тотъ говоритъ: «Жена больная»,
Тотъ говоритъ: «Семья большая» —
Такъ, другъ по дружкѣ, вся артель,
Благословивъ сначала Небо,
Что онъ уходитъ наконецъ,
Пошла съ дарами соли-хлѣба
Просить: «Останься, нашъ отецъ!»
Впереди шли вдовицы преклонныя,
Прослужившія лѣта законныя,
Сѣдовласыя, еле ползующія,
Пенсіономъ полвѣка живущія;
Дальше причетъ трагедіи: вѣстники,
Щитоносцы, тираны, кудесники.
Двадцать шесть благородныхъ отцовъ;
Девять первыхъ любовниковъ,
Восемьсотъ театральныхъ чиновниковъ,
По три въ рядъ выступали съ боковъ
Съ многочисленнымъ штабомъ:
Съ сиротами безпечными,
Съ бѣдняками увѣчными,
Прищемленными трапомъ.
Пѣли гимнъ представители пѣнія,
Стройно шествовалъ корь-де-балетъ;
Въ бѣлыхъ платьицахъ, съ крыльями генія
Корифейки младенческихъ лѣтъ,
Довершая эффектъ депутаціи,
Преклонялись съ простертой рукой
И, исполнены женственной граціи,
Въ очи старца глядѣли съ мольбой...

Кто устоитъ передъ слезами
Дѣтей, теряющихъ отца?
Кисель растрогался мольбами:

«Я вашъ, о дѣти! до конца!
Я полагалъ, что я ненуженъ,
Я мнилъ, что даже вреденъ я;
Но вами я обезоруженъ!
Идемъ же, милые друзья,
Идемъ до гробового часу
Путемъ прогресса и добра...»
Актеры скорчили гримасу,
Но тутъ же крикнули: «Ура!»
— «Противостать возможно ядрамъ,
Но вашимъ просьбамъ — никогда!»

И снова править онъ театромъ,
И мечется туда-сюда:
То острижетъ до кожи труппу,
То космы разрѣшитъ носить,
А самъ не ѣстъ ни щей, ни супу,
Не можетъ винъ заморскихъ пить.
Въ піесахъ, ради высшихъ цѣлей,
Внѣ брака допустилъ любовь,
И капельдинерамъ съ шинелей
Доходы предоставилъ вновь;
Смирившись, съ авторомъ «Гамлета»
Завесть знакомство пожелалъ,
Но Богъ британскаго поэта
Къ нему откушать не прислалъ.
Укоротилъ балету платья,
Мужчиной женщину одѣлъ,
Но поздпія мѣропріятья
Не помогли — театръ пустѣлъ!
Спились таланты при Ликургѣ,
Имъ было нечего играть:
Ни въ комикѣ, ни въ драматургѣ

Охоты не было писать;
Танцорки, какъ ни горячились,
Не получали похвалы:
Онѣ не то, чтобы лѣнились,
Но вѣчно были тяжелы.
Въ партерѣ явно негодують,
Свѣтъ Божій Киселю не милъ,
Грустить: «Чиновники воруютъ,
И съ труппой справиться нѣтъ силъ!
Вчера статуя командора
Ни съ мѣста! Только мелетъ вздоръ —
Мертвецки пьянаго актера
Въ нее поставилъ режиссеръ!
Зато случился фактъ печальный
Назадъ тому четыре дня:
Съ фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовыхъ коня!»

Кисель до гроба сценой правилъ,
Сгубилъ театръ — хоть закрывай!
Свои сѣдины обезславилъ,
Да не попасть ему и въ рай.
Искусство въ государствѣ пало,
Къ великой грусти визиря,
И только денегъ прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капиталъ составилъ,
Домъ нажилъ въ восемь этажей,
И на воротахъ львовъ поставилъ,
Сбѣжавшихъ переливъ коней...

Мораль: хоть крѣпостныя стѣны
И очень трудно разрушать,

Однако храмомъ Мальпомены
Труднѣй безъ знанья управлять.
Есть и другому поученью
Тутъ мѣсто: если хочешь въ рай,
Путеводителемъ къ спасенью
Секретаря не избирай.

---

* * *

Сыны «народнаго бича»,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя сознали,
Жизнь какъ изгнанника влача,
По свѣту долго мы блуждали;
Не разъ, горячею слезой
И пòтомъ оросивъ дорогу,
На рубежѣ земли родной
Мы робко становили ногу;
Ужъ виденъ былъ домашній кровъ, —
Мы сладкій отдыхъ предвкушали:
Но снова насъ грѣхи отцовъ
Отъ милыхъ мѣстъ нещадно гнали,
И, зарыдавъ, мы далѣ шли,
Въ пыли, въ крови; скитались годы
И дань постыдную несли
Съ надеждой на алтарь свободы.
И вотъ насталъ желанный часъ,
Свободу громко возвѣстившій,
И показалось намъ, что съ насъ
Проклятье снялъ народъ ожившій;
И мы на родину пришли,
Гдѣ былъ весь родъ нашъ ненавидимъ,

Но тамъ все тоже мы нашли —
Какъ прежде, мракъ и голодъ видимъ.
Смутясь, потупили мы взоръ —
«Нѣтъ, часъ не пробилъ примиренья!»
И снова бродимъ мы съ тѣхъ поръ
Безъ родины и безъ прощенья!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ.

О слезы женскія, съ придачей
Нервическихъ, тяжелыхъ драмъ!
Вы долго были мнѣ задачей, —
Я долго, слѣпо вѣрилъ вамъ,
И много вынесъ мукъ мятежныхъ;
Теперь я знаю, наконецъ:
Не слабости созданій нѣжныхъ —
Вы ихъ могущества вѣнецъ.
Вѣрнѣе закаленной стали
Вы поражаете сердца;
Не знаю, сколько въ васъ печали,
Но деспотизму нѣтъ конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлобленъ я.
Пока она дрожитъ и стонетъ,
Лукавлю праздною душой:
Языкъ лиситъ, а глазъ шпіонитъ —
И открываетъ... Боже мой!

Зачѣмъ не могъ я прежде видѣть?
Ея не стоило любить,
Ея не стоитъ ненавидѣть,
О ней не стоитъ говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И съ головы, съ ревнивой мукой,
Волосъ сѣдѣющихъ не рви!
Чѣмъ ты былъ пьянъ — виномъ поддѣльнымъ
Иль настоящимъ — все равно:
Жалѣй о томъ, что сномъ смертельнымъ
Не усыпляетъ насъ оно!

Кто ей теперь флаконъ подноситъ,
Застигнутъ сценой роковой?
Кто у нея прощенья проситъ,
Вины не зная за собой?
Кто самъ трясется въ лихорадкѣ,
Когда она къ окну бѣжитъ
Въ преувеличенномъ припадкѣ
И «ты свободенъ» говоритъ?
Кто боязливо наблюдаетъ,
Сосредоточенъ и сердитъ,
Какъ буйство нервное стихаетъ
И переходитъ въ аппетитъ?
Кто ночи трудныя проводитъ
Одинъ, ревнивый и больной,
А утромъ съ ней по лавкамъ бродитъ,
Нарядъ торгуя дорогой?
Кто говоритъ: «Прекрасны оба» —
На нѣжный спросъ: «Который взять?»
Межъ тѣмъ какъ закипаетъ злоба,

И къ чорту хочется послать
Француженку съ нахальнымъ носомъ,
Съ ея коварнымъ: «C'est joli»
И даже милую съ вопросомъ...
Кто молча достаетъ рубли,
Спѣша скорѣй покончить муку,
И, увидавъ себя въ трюмо,
Въ лицѣ своемъ читаетъ скуку
И рабства темное клеймо?

2.

МОЛОДЫЯ ЛОШАДИ.

ВЧЕРАШНІЯ СЦЕНЫ.

Лошади бойко по рельсамъ катили
Полный громадный вагонъ.
Съ рельсовъ сошелъ неожиданно онъ...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись опять и опять —
Не поддается вагонъ ни на пядь.
Съ часъ они силы свои напрягали,
Надорвались и — упали...
«Бѣдныя!» кто-то сказалъ изъ окна;
«Глупыя!» кто-то замѣтилъ съ балкона...
О, поскорѣе на рельсы... Страшнà
Тяжесть сошедшаго съ рельсовъ вагона!

3.

НА ПОКОСЪ.

Сынъ съ отцомъ косили въ полѣ,
    Дѣдъ траву сушилъ.
«Десять лѣтъ, какъ вы на волѣ.
Что же, братцы, хорошо ли?»
    Я у нихъ спросилъ.
    — «Заживили поясницы»,
    Отвѣчалъ отецъ.
— «Кабы больше намъ землицы»,
    Молвилъ молодецъ:
«Я работалъ бы прилежно
    И поменьше пилъ»
— «Неуѣжно, да улежно»,
    Дѣдушка рѣшилъ...

4.

ЧЕЛОВѢКЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

...Пришелъ я къ крайнему предѣлу.
Я добръ, я честенъ; я служить
Не соглашусь дурному дѣлу,
За добрымъ — радъ не ѣсть, не пить;
Но иногда пройти сторонкой
Въ вопросѣ грозномъ и живомъ,
Но понижать мой голосъ звонкій
Передъ вліятельнымъ лицомъ —
Увы! — вошло въ мою натуру!..
Не отъ рожденья я таковъ,
Но я прошелъ черезъ цензуру

Незабываемыхъ годовъ.
На всѣхъ рожденныхъ въ двадцать-пятомъ
Году и около того
Отяготѣлъ жестокій фатумъ:
Не выйти намъ изъ-подъ него.
Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу... я не могу...

5.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть изъ заслугъ
Ошибки юности и позднихъ лѣтъ уступки, —
Пиши пропало, милый другъ.

6.

БУКИНИСТЪ И БИБЛІОГРАФЪ.

ОТРЫВОКЪ.

Букинистъ.

А вотъ еще изданье. Страсть
Какъ грязно! Впрочемъ, ваша власть —
Взять иль не взять. Мнѣ все равно!
Найти купца немудрено.
Одно замѣтилъ я давно,
Что, какъ зазубрина на плугѣ,
На книгѣ каждое пятно
Нѣмой свидѣтель о заслугѣ.

Библіографъ.

Ай, Гумбольдтъ! сказано умно.

Букинистъ.

А публика, небось, не цѣнитъ!
Она тогда свой судъ измѣнитъ,
Когда пойметъ, что изъ огня
Попало ей черезъ меня
Двѣ-три хорошихъ книги въ руки.

Библіографъ.

Цѣна?..

7.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

Развѣнчанъ нами сей кумиръ
Съ его бездѣйственной, фразистою любовью.
Умны мы стали: вѣритъ міръ
Лишь доблести, запечатлѣнной кровью.

8.

ПРАЗДНОМУ.

Что̀ сидишь ты, сло̀жа руки?
Ты окончилъ курсъ науки,
Любишь русскій край

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что̀ же? Начинай!

Иль тебѣ все мелко, низко?
Или ждешь труда безъ риска?
Времена не тѣ.

. . . .

9.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

«БЕЗЪ РОДУ, БЕЗЪ ПЛЕМЕНИ».

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словомъ ублажу.

«Кто ты?» — Я-то житель! —
Опустилъ кулакъ:
«Кто ты?» — Сочинитель!
Подлинно, что такъ.

Мѣткое, какъ пуля,
Слово подъ конецъ:
«Кто ты?» — Бородуля. —
Прыснулъ: «Молодецъ!»

Я давай Богъ ноги...
«Съ Богомъ! ничего!
Наберемъ въ острогѣ
Помнящихъ родство».

Третій годъ на волѣ,
Третій годъ въ пути,

Сбился въ снѣжномъ полѣ —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незамѣтно дней;
Снѣгу больше-больше,
Не видать людей, —

Степью рыщутъ волки,
Съ голоду легки,
Стонутъ, какъ на Волгѣ,
Лѣтомъ бурлаки.

. . . .

10.

Ни стыда, ни состраданья!
Кудри въ мелкихъ завиткахъ,
Станъ, волнующійся гибко,
И на чувственныхъ губахъ
Сладострастная улыбка.

11.

ЭПИТАФІЯ.

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

12.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И въ дружбѣ нерадивъ.

13.

Скоро — примѣты мои хороши! —
Скоро покину обитель печали:
Вѣчные спутники русской души —
Ненависть, страхъ — замолчали...

14.

Усталъ я, усталъ я; мнѣ время уснуть!
О Русь! ты несчастна — я знаю;
Но все жъ, озирая мой пройденный путь,
Я къ лучшему шагъ замѣчаю.

15.

ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.

I.

СУЩНОСТЬ

Если въ душѣ твоей ясны
Типы добра и любви, —
Въ мірѣ всѣ темы прекрасны, —
Музу смѣлѣе зови.

Муза тебя посѣтила:
Смутно блуждаетъ твой взоръ!
Въ первомъ наитіи сила!
Брось начатой разговоръ.

II.

ФОРМА.

Формѣ дай щедрую дань
Временемъ; важенъ въ поэмѣ
Стиль, отвѣчающій темѣ.
Стихъ, какъ монету чекань —
Строго, отчетливо, честно;
Правилу слѣдуй упорно:
Чтобы словамъ было тѣсно,
Мыслямъ — просторно.

16.

ПѢСНЯ.

Всюду съ Музой проникающій,
Въ домъ заброшенный, пустой
Я попалъ, — какъ звѣрь рыкающій,
Кто-то пѣлъ тамъ за стѣной:

«Сборщикъ, надсмотрщикъ, подрядчикъ,
. . . .
Я подлецамъ не потатчикъ:
Выпить, такъ выпью одинъ.

«Слѣдственный приставъ и сдатчикъ!..
Ѳединька, откупа сынъ!..
Я подлецамъ не потатчикъ:
Выпить, такъ выпью одинъ.

«Прасолъ, помѣщикъ, закладчикъ!..
Ф... — родитель и сынъ!
Я подлецамъ не потатчикъ:
Выпить, такъ выпью одинъ!..

«Съ ними не пить, не дружиться, —
Съ ними честной гражданинъ
Долженъ бороться и биться!..
Выпить, такъ выпью одинъ!..

«Или негоденъ я къ бою?
Сбился я съ толку съ тобой:
Горе мое отъ запою,
Или отъ горя запой?»

ЗАТВОРНИЦА.

Сонъ.

I.

Я посѣтилъ заброшенный нашъ садъ:
Онъ все темнѣй, прохладнѣй съ каждымъ годомъ.
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленымъ сводомъ
Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

II.

Я былъ ребенкомъ: долго, долго
Не думалъ я, родная, ни о чемъ;
Не ты, не садъ, — меня манила Волга,
Я съ кручи тамъ катался кубаремъ.
И лишь зимой въ морозы и метели,
Я помню, мы безвыходно сидѣли
Самъ-другъ съ тобой въ разрушенномъ дому
(Угрюмый домъ, похожій на тюрьму).

III.

Я проклиналъ докучные морозы,
Я проклиналъ томительные дни,
А ты лила невѣдомыя слезы —
Я лишь позднѣй узналъ, о чемъ онѣ.
Плачь, громко плачь!.. Хоть словомъ укоризны
Безсмѣнный гнетъ страданья разрѣши,
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая въ глуши!

IV.

Въ другомъ краю не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ, рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьба вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла —
Ужъ онъ не твой, но ты не разлюбила, —
Ты разлюбить до гроба не могла...

V.

Зоветъ семья: «Твоей ли вынесть груди
Суровый гнетъ неволи и зимы,
Гдѣ заодно съ природой стонутъ люди?
Вернись скорѣй, — давно простили мы»
Грозитъ отецъ: «На горе ты бѣжала!
Припомнишь насъ!..» Ты гордо замолчала,
И у тебя — ни друга съ той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI.

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, съ мечтательнымъ умомъ,
О, что̀ кругомъ ты видѣла, родная...
Какъ ты была подавлена!.. Какъ громъ,
Гремѣлъ рояль — и голосъ твой печальный
Звучалъ какъ вопль души многострадальной,
Твой первенецъ наслѣдовалъ потомъ.

VII.

«Несчастна я, обманутая другомъ,
Но предъ тобой, о женщина-раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба.
Несчастна ты, о родина! я знаю —
Весь край въ плѣну, весь трепетомъ объятъ,
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Тотъ бѣдный край несчастнѣй во сто кратъ».

VIII.

Такъ пѣла ты, какъ плакала, родная,
Въ своей тюрьмѣ, судьбѣ не уступая,
Чужимъ скорбямъ безсильная помочь,
А надъ тобой уже висѣла ночь.
И ничего судьба не уступила —
Ты деспота покорствомъ не смягчила,
Ты въ сыновьяхъ опоры и друзей
Не дождалась... Миръ памяти твоей!

ЭПИЛОГЪ.

Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось мнѣ — я поселился въ ней;
Въ груди моей чуть слышно сердце билось,
Я разомкнуть не въ силахъ былъ очей;
Но умъ кипѣлъ! Съ невѣдомою силой
И не вотще я звалъ твой образъ милый:
Незримо ты витаешь надо мной
И мнѣ поешь съ любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обѣтованный —
Забвеніе, желанное тобой».

28 января 1877.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1873 — 1877 гг.

ТОМЪ II.

1873.

1874.

1875.

1876.

1846.

1851.

1852.

1853.

1854.

1856.

1857.

1859.

1860.

1861.

1863.

1865.

1871.

1876—1877.

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

I. Чиновничество.

Говорунъ, 42. Чиновникъ, 44. Пьяница, 45. Отрадно видѣть, что находитъ, 45. Колыбельная пѣсня, 46. Воръ, 50. Маша, 51. Застѣнчивость, 52. Ахъ, были счастливые годы, 53. Въ больницѣ, 55. Утренняя прогулка, 58. — (Всего 11 стихотвореній).

II. Крестьянскій бытъ.

Въ дорогѣ; Огородникъ; Тройка; Такъ, служба! (всѣ 46 года). Извозчикъ; Вино, 48. Проводы; Гробокъ; Ванька, 50. Въ деревнѣ; Изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго, 53. Власъ; Свадьба; Несжатая полоса, 54. Забытая деревня, 56. Размышленія у параднаго подъѣзда; Пѣсня Еремушкѣ; Ночь, 58. Знахарка; Деревенскія новости; Дума, 60. Крестьянскія дѣти; Коробейники; Похороны; Плачъ дѣтей; Свобода, 61. Литература съ трескучими фразами, 62. Морозъ Красный-Носъ; Калистратъ; Кумушки; Въ полномъ разгарѣ страда деревенская; Что думаетъ старуха; На псарнѣ, 63. Орина, мать солдатская; Притча о Ермолаѣ, 64. Пѣсни, 66. Эй, Иванъ! Дядюшка Яковъ; Пчела; Генералъ Топтыгинъ; Выборъ; Пѣсня о трудѣ; Съ работы, 67. Дѣдушка Мазай и зайцы; Соловьи 70. Кому на Руси жить хорошо, 73. Молебенъ, 76. — (Всего 47 стихотвореній).

III. Помѣщичій бытъ, богачи.

Родился я въ губерніи, 44. Современная ода, 45. Секретъ; Псовая охота, 46. Нравственный человѣкъ, 47. Мое разочарованіе, 51. Передъ зеркаломъ; Филантропъ, 53. Признаніе труженика, 54. Княгиня; Самодовольныхъ болтуновъ, 56. Размышленія у параднаго подъѣзда, 58. Папаша; Первый шагъ въ Европу, 60. Дешевая покупка, 62. Явно родственный съ землей, 63. Притча о

---

*) Настоящій указатель имѣетъ цѣлію по возможности сгруппировать содержаніе поэзіи Некрасова по ея главнымъ темамъ (годы, поставленные при каждомъ стихотвореніи, указываютъ его эпоху) Точное разграниченіе въ этомъ случаѣ, конечно, невозможно, такъ какъ многія изъ стихотвореній могутъ быть отнесены къ нѣсколькимъ разрядамъ, а потому предлагается только приблизительное раздѣленіе Некрасовской поэзіи на ея группы. Цифры при стихотвореніяхъ обозначаютъ года, подъ которыми можно отыскать ихъ въ оглавленіи

IV. Родина и Петербургъ.

V. Историческія.

VI. Историко-литературныя.

VII. Автобіографическія.

VIII. Женщины.

IX. Дѣти.

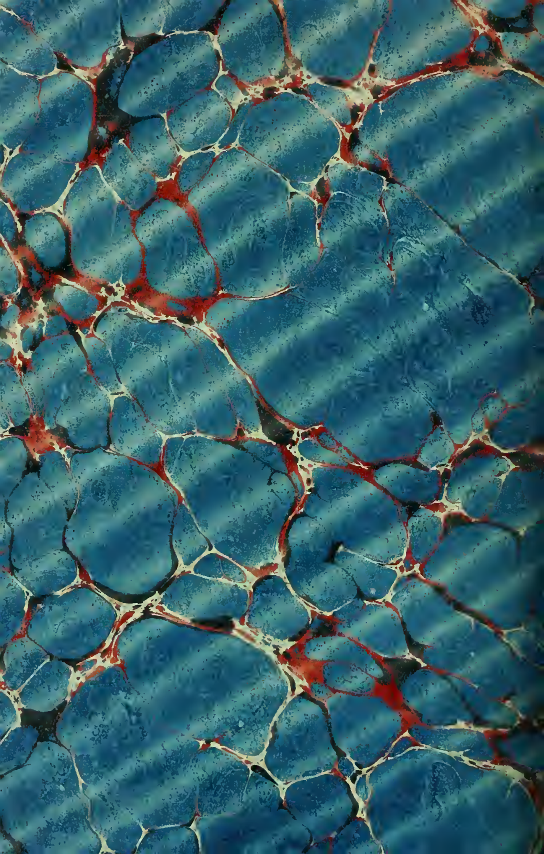
X. Природа.

II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

*

PG
3337
N4A17
1917
T.2
c.1
ROBA

Цѣна за оба тома 7 р. 50 к.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, дозволено военной цензурой 3 ноября 1916 г.